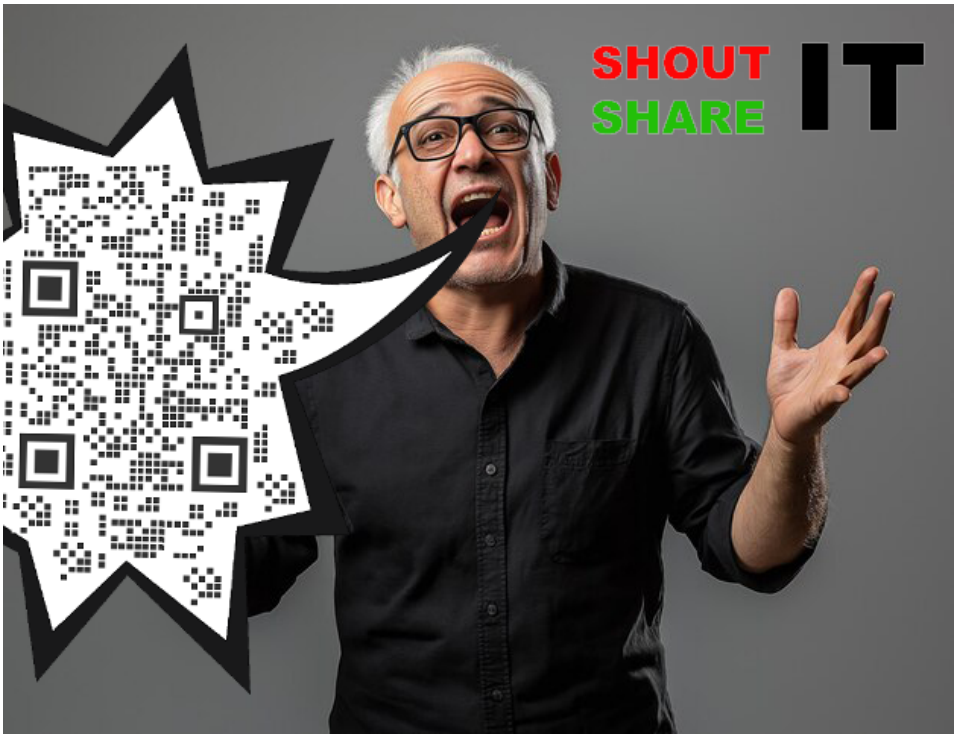
Лепехин А.Н.

Герой Советского Союза
Иван Яковлевич КРАВЧЕНКО
И ЕГО СОРАТНИКИ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга рассказывает о жизни, подвигах и нелегкой судьбе Героя Советского Союза Ивана Яковлевича Кравченко, батальон которого первым прорвал Линию Манергейма, В Великую Отечественную с боем вывел свой полк из окружения под БРЯНСКОМ, когда в котлах уничтожались целые армии, управлял частями в первые, самые трудные, дни обороны ТУЛЫ, был первым комендантом освобожденной КАЛУГИ, командовал ТУЛЬСКИМ РАБОЧИМ ПОЛКОМ, а затем 324 дивизией. И не смотря на то, что за все подвиги в Великой Отечественной войне ему не объявили даже благодарности, он не опустил руки и достойно воевал, потому что он считал, что служит Родине и своему Народу, а не начальникам, которые награждают. После его гибели, тело И.Я.Кравченко из-под Сухиничей привезли в Москву и похоронили на кладбище у Донского монастыря. В книге приведены архивные документы: оперативные сводки о боевых действиях войск и частей на территории Тульской области, боевые приказы и т. д., а также трофейные документы немецкой армии, фронтовые заметки из газет того времени, размещенные в хронологическом порядке. Воспоминания соратников Ивана Яковлевича, его дочери – Нины Ивановны Кравченко и других, литературные произведения о Советско-Финской и Великой Отечественной войнах. Это позволит читателю всесторонне увидеть и оценить жизнь, деятельность и умение противостоять всем неприятностям и достигать намеченной цели уникального человека – Ивана Яковлевича Кравченко. Книга проиллюстрирована малоизвестными фотографиями.

Книга предназначена для историков, краеведов и широкого круга читателей.

В книге использованы материалы ЦАМО РФ, Тульских архивов, заметки из газет того времени, воспоминания и мемуары участников и свидетелей тех событий.

Фото для книги любезно предоставлены дочерью И.Я. Кравченко, Ниной Ивановной Кравченко, Государственным учреждением культуры Тульской области «Объединение «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей»», А.И. Наумовым и различными архивами, а также авторами воспоминаний.

- Александр Никитович Лепехин
  - ○
  - ○

- Предисловие
- Часть 1. Детские годы и молодость героя
  -
  - Как Иван Яковлевич пошел во солдаты
  - Освобождение Западной Украины
- Часть 2. Война с Финляндией
  -
  - Александр Исбах. «Боевые дни»
  - Бои в Финляндии. Воспоминания участников
- Часть 3. Целый год мирной жизни
- Часть 4. Великая Отечественная война
  - Начало войны и новое назначение
  - 956-й полк начинает боевые действия
  - Первый бой
  - Небольшая победа и дезертиры
  - Задержание предателя
  - Бестолковые маневры
  - Глупое положение полка
  - Горячие денечки
  - 50-я армия в окружении
  - 956-й полк выходит из окружения
  - Атака города Болхов и глупость комдива
  - Разумное решение Кравченко. Зависть и глупость комдива
  - Как победить победителя
- Часть 5. Оборона города Тулы
  -
  - Первый бой – он трудный самый
  - Второй день обороны Тулы
  - Враг остановлен! Тула наша!
  - Пресса об обороне Тулы
- Часть 6. Тульский рабочий полк
  -
  - Воспоминания бойцов и командиров Тульского рабочего полка
- Часть 7. Последнее назначение
  -
  - Судьба В.А. Бенцеля
- Часть 8. Воспоминания соратников
  - Воспоминания Киры Георгиевны Аносовой
  - Воспоминания Владимира Семеновича Турова
- Заключение

Александр Никитович Лепехин Герой Советского Союза Иван Яковлевич Кравченко и его соратники

© Лепехин А.Н.

* * *

«Славу дел боевых. Навсегда сохранят поколенья.

Имя воина Кравченко в наших сердцах»

Солдаты 324-й дивизии

Предисловие

Когда я познакомился с делами и судьбой Героя Советского Союза майора Ивана Яковлевича Кравченко, у меня возникло чувство уважения, нет даже почтения, к этому человеку и желание брать с него пример.

Он относится к такому разряду людей, которые делают все, до последнего вздоха, в интересах своего Отечества (или, как в его родных краях говорят – Батьковщины), своей семьи, своих друзей. Их жизненный принцип: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Но подчас на пути их устремлений встают начальники с ярко выраженными «шкурными» интересами и непомерными амбициями. Тогда они начинают действовать по другому принципу: «Делай что должно, а там будь что будет».

Изучая историю и оглядываясь на свой жизненный опыт, я понял, что такие люди как Иван Яковлевич Кравченко, люди дела, люди действия, выходят наверх и занимают достойное место в армии, экономике, промышленности только во время войны или каких-нибудь критических ситуаций. А когда война заканчивается, то от них стараются избавиться. И на первый план выходят другие, удобные для начальства, но непригодные для дела люди. А если завтра война, если завтра в поход? Опять вспоминают об этих ершистых, вечных нарушителях дисциплины и устоявшихся положений, упрямцах и они, на период войны, выходят на первый план.

Не знаю как в других армиях, а в Русской такие дела происходят постоянно. Вспомните хотя бы Александра Васильевича Суворова и Михаила Илларионовича Кутузова. Сколько раз их отправляли в отставку, а затем опять возвращали на службу. Кутузов умер в походе, его похоронили на немецкой земле, правда сердце привезли в Россию, в Петербург и похоронили в Казанском соборе на Невском проспекте. Но примечательно другое. Гитлер, объявив славян недочеловеками, не тронул могилу Кутузова.

Вспомним крейсер «Варяг» и его капитана Всеволода Федоровича Руднева, уроженца Тульской области. Когда Русские корабли выходили в открытое море из порта Чемульпо, на всех иностранных кораблях в порту были подняты все вымпелы и объявлено торжественное построение. Так в бой провожали крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец»! Японская эскадра преградила путь в открытое море. Потопив один миноносец и серьезно повредив три японских крейсера, «Варяг» серьезно пострадал и потерял ход, было принято решение: снять команды с

кораблей, крейсер затопить, канонерскую лодку взорвать, чтобы они не достались врагу. Раненный в голову и контуженный Руднев последним покинул борт крейсера. Все корабли в порту спустили на воду спасательные шлюпки и забирали на борт русских моряков выживших в том сражении. Офицеры и матросы были награждены Георгиевскими крестами IV степени. Капитан 1-го ранга В.Ф. Руднев вначале, по штабным наветам, был подвергнут опале, за небоевую потерю крейсера. А во всем мире восхищались подвигом «Варяга» и его капитана. Только под давлением общественного мнения капитан Руднев был награждён орденом св. Георгия 4-й степени, получил чин флигель-адъютанта и стал командиром эскадренного броненосца «Андрей Первозванный».

Именно такие люди принесли, и будут приносить славу русскому, вернее российскому, оружию. Именно такие воины создают у наших врагов ощущение нашей непобедимости.

Крейсер «Варяг» японцы подняли и сделали на нем учебное судно для японских моряков. На крейсере был создан музей крейсера «Варяг» под лозунгом «Защищайте Японию так, как русские моряки защищают Россию».

В Великую Отечественную войну Герой Советского Союза майор Иван Яковлевич Кравченко не был уникален. Таких людей было много, начиная от адмирала флота Кузнецова и маршала Рокоссовского и заканчивая рядовыми бойцами и партизанами. И наша задача, их потомков, вспомнить их поименно и не забывать их усилий и подвигов, чтобы память о них и их подвигах была вечной и служила примером для грядущих поколений. Многие герои, как и майор Кравченко, до сих пор не награждены за свои подвиги, но сегодня уже по достоинству оценивают многие подвиги наших воинов в ту войну. Подводник Александр Иванович Маринеско за свою атаку века был удостоен звания Героя Советского Союза только в 1990 г., как и танкист Дмитрий Федорович Лавриненко, погибший в конце 1941 г. и за 2,5 месяца боев успевший подбить 52 танка – лучший результат за всю войну. Список награжденных постоянно пополняется. Надеюсь, что в скором будущем в них появится и имя героического солдата нашей Родины – Ивана Яковлевича Кравченко.

Слава предков – потомкам пример.

А сейчас я начинаю рассказ про Ивана Яковлевича Кравченко.

Я решил, что я ярче документов и очевидцев никто не сможет рассказать об Иване Яковлевиче. Это сборник документов и свидетельств о делах И.Я. Кравченко, с моими небольшими заметками. Сейчас существует достаточно людей, готовых усомниться в великих делах наших воинов, но документы

оспорить трудно. Читать их не всегда легко, зато трудно что-либо упустить. В книге также присутствуют воспоминания ныне здравствующих соратников И.Я. Кравченко по 956-му полку: старшего врача полка Киры Георгиевны Аносовой и командира роты Владимира Семеновича Турова.

Часть 1. Детские годы и молодость героя

Пусть вначале он сам о себе скажет несколько слов. Вот выдержка из его автобиографии, которую мы нашли в его личном деле.

«Автобиография капитана Кравченко Ивана Яковлевича.

Родился 1905 года 10 октября в с. Студеники Переяславского р-на Киевской обл., в семье крестьянина-батрака. Родители отец и мать до октябрьской социалистической революции работали в кулацких хозяйствах. С 1919 г. по 1929 г. родные отец и мать работали в своем хозяйстве и часто ходили на подработки в кулацкие хозяйства. С 1929 г. и по настоящее время работают в колхозе им. Куйбышева с. Студеники Переяславского района Киевской обл. никто из моих родственников, а также родственников жены за границей не было и нет, а также связей с заграницей никто не имеет.

Женат. Жена работает в местечке Болковинца в больнице лекпомом. Родные жены отец и мать до октябрьской революции работали в своем сельском хозяйстве в с. Студеники Переяславского р-на Киевской обл. в кулацких хозяйствах батраками. С 1917 по 1931 г. работали в своем сельском хозяйстве. С 1931 г. по настоящее время работают в колхозе «Деремко» с. Студеники Переяславского р-на Киевской обл. мать же работает и сестра жены в колхозе.

Самостоятельно начал работать с 1914 г., по 1921 г. работал в наймах, в кулацких хозяйствах с. Студеники Переяславского района Киевской обл.

С 1921 года по 1926 года работал в хозяйстве отца и работал по кулацким хозяйства с. Студеники. С 1926 по 1927 работал сельским письмоносцем с. Студеники. В период октябрьской и февральской революций находился в с. Студеники Переяславского района Киевской обл. и работал в кулацких хозяйствах.

Окончил сельскую школу 7 классов в 1919 г. с Студеники. В февральской и октябрьской революции участия не принимал. Член ВКП(б) с 1932 г. мая, принят парторганизацией 137 сп 46 сд партбилет № 1976623. В 1934 году был секретарем партячейки стат…перовой команды 137 сп. С 1935 г. по 1938 год руководил КСМ просвещением. В 1937 г. в феврале был исключен парторганизацией 137 сп 46 сд за разоблачение врагов народа, бывшего Пом. ком полка Семенова и комбата Мамаева. Перед их

арестом в апреле 1937 года восстановлен без партвзыскания.

В других партиях не состоял, ни в каких оппозициях участия не принимал, никаких колебаний и отклонений от генеральной линии партии не было.

С 1921 год по 1927 год никакой партийной работы не вел и работы в антипартийных группировках не принимал…».

Если отбросить все политические и идеологические навороты, все становится ясно. Родился в крестьянской большой, но бедной семье бойкий хлопец. Семья всегда боролась не за счастье, это далеко и желательно, а за выживание. Трудились от зари до позднего вечера, чтобы прокормиться. Но все равно до конца зимы запасов не хватало и приходилось идти на поклон к зажиточным соседям и отрабатывать долг половину лета. Детвора, как и везде, зимой собирала по огородам мерзлую неубранную картошку, а ранней весной с радостью налетала на молодые ростки крапивы, лебеды, а щавель уже считался деликатесом.

В автобиографии он не указал, что до революции переболел оспой. Это тяжелая очень заразная болезнь. Каждый третий, а то и второй, заразившийся этой болезнью, умирал, но Ваня выжил и на память от той болезни у него все лицо было в ямочках – оспинах. Таких людей в народе называли рябыми. Видимо уже тогда, перенеся тяжелую болезнь, он научился сопереживать чужим бедам и помогать людям при каждом удобном случае.

В 9 лет он уже начал трудиться, батрачить на зажиточных соседей своего села, а в зимние месяцы учился в сельской школе.

«…С января 1926 по октябрь 1927 работал письмоносцем в Почтовом отделении с. Студеники Переяславского р-на Киевской обл.

С января 1926 по октябрь 1927 г. был Секретарь КСМ организации с. Студеники Переяславского р-на Киевской обл…»

Что тут можно добавить. Хлопец с октября по апрель учился, с апреля по октябрь трудился. Как учился? В одной рубахе и босиком до трескучих морозов. И не потому, что закалялся, а потому, что ни путной одежды, ни обуви не было. Вот и приходилось закаляться. Но он был не в обиде и стойко сносил все трудности и лишения в жизни бедного батрацкого сына. Если учесть что ходил он в школу зимой, а валенки были одни на троих, то приходилось босиком бежать за знаниями по снегу и морозу. Бежать и приговаривать: «Пусть знает дед Мороз, что его беднота не боится!» В классе он, видимо, себя вел как большинство сельских ребятишек его возраста, не слушая наставления взрослых: «Учись Иванко. Только грамотный может чего-то в жизни добиться». Ведь вокруг было всего столько

интересного, да и усидеть на уроках целых 45 минут было выше его сил. Поэтому, наверняка, ему доставалось и от учителей, и от родителей за его непоседливость и энергичность. Но к своим обязанностям по работе он относился ответственно, иначе ему бы не доверили пасти скотину. Пастух – это большая ответственность. Доверенная тебе живность должна быть в порядке и соседние поля не должны быть тронуты. А то бывает какая-нибудь молодая телка поднимет хвост трубой и бегом на соседнее поле, на зеленя. Так ее надо догнать и вернуть. Традиционно часов в семь вечера стадо в облаке пыли входило в деревню. На улицу высыпали женщины с привычными криками «Милка», «Зорька». Но трудовой день не окончен, ночью надо пасти коней. А утром все по новой. И хорошо, если дни погожие, но бывают и затяжные дожди и тогда пастухам совсем не сладко.

Вспоминая свое детство, Иван Яковлевич писал: «У моего хозяина было много скота, а во дворе много всякой птицы. Я целый день пас коров, а ночью лошадей. Кормили плохо, хотя в корзинах были яйца. Глядя на эти корзины, я думал, что хозяйка положит в сумку пастушка яиц, сала. А когда разворачивал свои харчи, то видел кусок хлеба и картошку в мундире. Ел, а слезы от обиды на жадных и скупых хозяев текли по щекам. Когда грянула Империалистическая, отца погнали на войну, а на меня еще больше свалилось забот о хлебе насущном, ведь у матери кроме меня на руках еще была моя маленькая сестренка…»

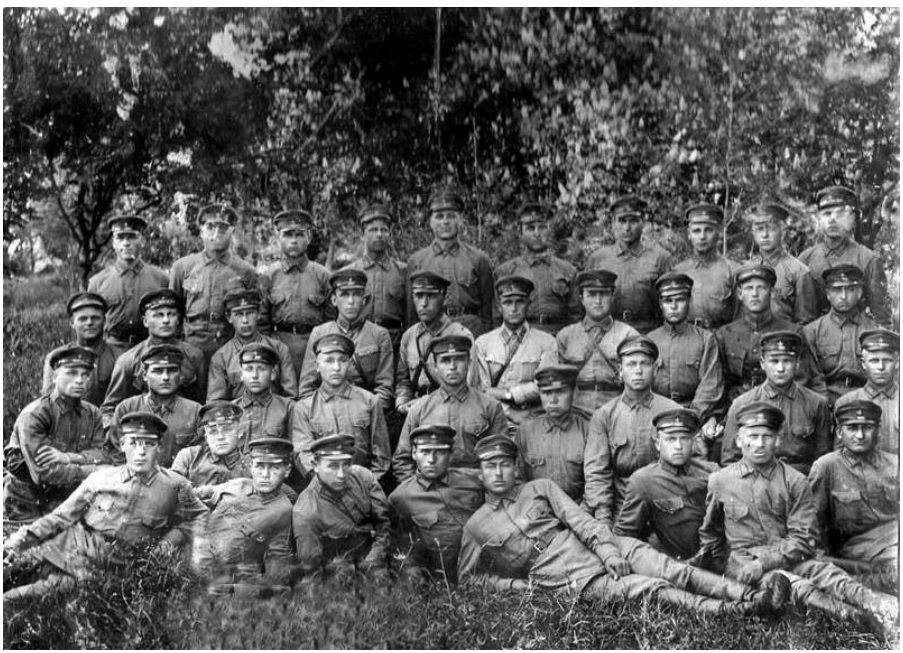
Очень редко ему удавалось поиграть со сверстниками. Какие игры были у молодежи в то время? Понятно, что не компьютерные, а, в основном, подвижные и на сообразительность. А для закалки тела у него было огромное количество возможностей. Вот в сочетании всего вышесказанного и выковался несгибаемый боец. А знание трудностей жизни, всегда помогало ему понять беду ближнего и помочь чем возможно. Это очень ценное качество командира, которым потом стал Ваня Кравченко. Точно так же вся армия любила маршала Рокоссовского, он был именно таким командиром, не допускал страданий и напрасной гибели солдат.

Грянула Революция. Отец Вани не вернулся с фронта, он попал в австрийский плен. Ваня продолжал батрачить на кулаков и учиться. В 1919 году из плена возвращается его отец. Семья начинает выкарабкиваться из нищеты и становиться на ноги. Первыми вступили в колхоз.

С 16 до 21 года он вместе с родителями работает на своей земле. Растит и убирает хлеб, поднимает собственное хозяйство. И вот в 21 год он вступает в комсомол – показывает всю свою серьезность и надежность. Его избирают секретарем

комсомольской организации села. Ему находится работа письмоносца. Разносил он не только письма, но и бандероли, и денежные переводы. Он обслуживал территорию радиусом 10 километров. От угла до угла все 20 км и все пешком. Забавно, когда мы сегодня и 1 километра ленимся пройти, а тут 20 километров.

Как ответственному работнику, работающему с ценностями и комсомольскому активисту, ему выдали револьвер «Смитт и Вессон», правда старый и без патрон, но кто об этом кроме него знал, а он с детства не любил языком трепать, но очень любил всякие механизмы. Он весь это пистолет разобрал, смазал, подремонтировал мелкие поломки и пистолет заработал, как часы. Он к нему относился как своему лучшему другу. Как в армии говорят: «Оружие любит ласку, чистоту и смазку». Всем этим Ваня обеспечил свой револьвер.



Рядовой И.Я. Кравченко третий справа, в третьем ряду сверху. Где-то 1927 год

Серьезная и ответственная работа письмоносца, доверие старших и ровесников, дала Ване толчок к осознанию того, о чем долго и бесполезно говорили родители: «Учись Иванко». Тут уже без напоминаний Ваня самостоятельно взялся за науки. Сначала было боязно подходить к этому дремучему лесу знаний, но, как говорят в народе: «Глаза боятся, а руки делают». Прошел всего один год, и он уже экстерном – предмет за предметом – сдал

весть курс средней школы и получил аттестат зрелости.

В 1927 году в 22 года его призвали в армию, и он пошел на службу со средним образованием, что в те времена было большой редкостью, особенно в деревне.

Как Иван Яковлевич пошел во солдаты

Из воспоминаний дочери Ивана Яковлевича Кравченко, Нины Ивановны

«Его отец, мой дед, в Первую Мировую ушел на фронт. Осталась мать с двумя детьми на руках. Жили бедно. Мать батрачила все лето за бочку капусты. У них на троих были одни сапоги. После революции вернулся с войны отец. Хата у них была ветхая, но простояла почти 100 лет. Бабушка отметила 100 лет и умерла, как только она умерла и хата развалилась. Что ей только не предлагали и новый дом, и квартиру, мы хотели забрать ее в Москву. Но она говорила, нет. Я здесь свой век доживу. Жила одна в доме. Крыша текла. Чуть дождь, так она все тазы и ведра подставляла. Мы с Любой (моей сестрой) как-то приехали к ней, а она на печке лежит и с ней курочка. Она с этой курочкой разговаривала, а та ей отвечала. Так и общались. Мы в детстве практически на все каникулы ездили на Украину. Моего приезда всегда очень ждал дедушка. И как-то один раз я не приехала. Дедушка все меня ждал и спрашивал: «Внучка не приехала?» Лежал на печке. Там и умер, меня не дождавшись. Мы с Любой поехали на Украину и похоронили его.

Наша деревня находится недалеко от Киева, в 90 км. Недавно мы с Сережей (сын) и племянником Толей приехали в нашу деревню. Раньше это было большое село, было много молодежи. Сейчас там никто не живет. Пустая деревня. Все разваливается, зарастает кустарником и бурьяном. Земля не обрабатывается. Раньше тут было 4 колхоза миллионера. А сейчас колхозные строения полностью разобраны, даже фундаментов нет. Все брошено. Мерзость и запустение. Смотришь на это – плакать хочется.

Узнав, что мы приехали, нас пригласили в местную школу. Директор – такая активная дама, хочет, чтобы школе присвоили имя нашего папы, но у нее пока ничего не получается.

Мамины родители тоже жили бедно, но побогаче папиных родителей. У моей бабушки было 8 человек детей. Правда, четверо умерли. Хата у них была небольшая, но крепкая. Наши родственники жили между собой дружно. Сейчас люди так не живут.

Служил в Переслав-Хмельницком, где Богдан Хмельницкий заключал союз с Москвой. Отслужил и остался на сверхсрочную службу.

И.Я. Кравченко со своей женой Ефросиньею

Пришел в увольнение, служил-то он недалеко от нашей деревни, зашел на девичник, встретил мою мать, это у нее был прощальный девичий вечер, они пообщались и он предложил ей быть его женой, а она уже готовилась к свадьбе с другим хлопцем. И сватовство было, и день свадьбы назначен. Но отец сказал:

– Ничего не знаю, я хочу, чтобы ты была моей женой.

Пришел домой и сказал родителям, что в Воскресенье моя свадьба. Женюсь. Родители поохали, но стали готовиться к свадьбе, ведь оставалось меньше недели.

У нас в деревне было две семьи по фамилии Кравченко как раз моего папы и моей мамы, вот они и породнились. Получилось так, что приезжают сваты, а тут уже свадьба идет полным ходом, ну и они уехали не солно хлебавши. Они поженились и отца направили в школу командиров. Я родилась в 1931 году. Мама оставила меня бабке, а сама уехала с ним.

Потом он служил на Украине в Коростене, в Волковинцах. В Коростене в 1938 году родилась моя сестра Люба. А в Волковинцах был такой случай. Я была совсем маленькая. Папа рассказал, что в трубах нашего гарнизонного дома культуры галки вьют гнезда и мне захотелось посмотреть. Я забралась по наружной пожарной лестнице на крышу, но роста не хватало заглянуть в трубу, и я прыгала около труб и пыталась заглянуть во внутрь. Люди увидели, кто-то из офицеров забрался на крышу, сграбастал меня и спустил вниз.

Командир взвода, лейтенант И.Я. Кравченко третий слева, во втором ряду. 1932 год

Мама мне, конечно, всыпала, а папа смеялся и говорил: «Ну, молодец, ты у меня дочка. Ну, молодец!». Он очень хотел мальчика, а родилась девочка. Оттуда его послали освобождать Западную Украину…»

Из автобиографии (окончание)

В РРКА призван в 1927 г. в октябре в 138 сп 46 сд. С 1927 по 1928 г. октябрь – курсант полковой школы. С 1928 г. октябрь по 1930 г. октябрь младший командир 138 сп 46 сд.

С 1930 по 1931 г. сентябрь курсант Киевского пехотного училища.

С 1 сентября 1931 г. по 1933 г. командир стрелкового взвода

137 сп 46 сд.

С 1933 по 1934 г. командир учебного взвода 137 сп.

С 1934 по 1937 г. командир и политрук стрелковой роты 136 сп 46 сд.

С 1937 по 1938 г. март командир роты 136 сп 46 сд.

С 1938 март по декабрь 1938 г. начальник продснабжения 289 сп 97 сд.

В никаких боях не участвовал. Наград не имею. Перерывов в службе не было. Никаких учебных заведений в старой армии не кончал.

Военно-политического и специального образования не имею. В других армиях не служил. В плену нигде не был. На территории занятой белыми не был. Никакой работы против царского и других буржуазных правительств не вел.

С подпольными организациями связан не был. Со стороны царского правительства не преследовался. За границей не был. Под судом и следствием не состоял.

С 1938 г. декабря месяца назначен помощником командира стрелкового батальона.

С декабря месяца 1938 года по настоящее время работаю командиром стрелкового батальона.

22 марта 1939 г.

п/п Помощник командира стрелкового батальона капитан Кравченко

Из личного дела Кравченко Ивана Яковлевича

1905 г. место рождения с. Студеники Переяславский р-н Киевская обл. (с. Студеники Студеницкой вол. Полтавской губ.)

Украинец

Украинский

Иностранными языками не владеет. Народов СССР: русским, говорит, читает и пишет свободно

Крестьянин – бедняк

8. Занятие родителей:

а) до 1917 г. (чем занимался и где) По найму у кулаков-помещиков с. Студеники Полтавской губ.

Иван Яковлевич Кравченко со своей женой Ефросиньею. 1937 год

б) после 1917 г. по наст. время. Хлебопашеством в своем бедняцком хозяйстве. Член колхоза с 1929 г.

в) местонахождение родителей. с. Студеники р-н Киевской обл.

9. Родных и родственников его и его жены лишенных избирательных прав не имеется.

10. Осужден не был.

11. Семейное положение. Женат. Жена Ефросинья Моисеевна

Кравченко рождения 1912 г. с. Студеники Переяславский р-н Киевская обл.

Родители И.Я. Кравченко, Яков Федорович и Марьяна Ивановна, с его дочерьми Ниной (в середине) и Любой. 1939 год

На иждивении: мать Марьяна Ивановна рождения 1878 г. дочь Нина рождения 1931 г. дочь Любовь рождения 1938 г.

12. Образование

а) Общее. Окончил 5 классов сельской школы в 1919 г. с. Студеники Переяславский р-н Киевской обл.

б) Специальное не имеет.

в) Ученой степени не имеет.

г) Партийное. Партийного образования не имеет.

д) Военное. Окончил школу мл. к/с в 1928 г. при 138 сп.

Окончил Киевское пехотное училище в 1931 г.

Окончил 1,5 месячные курсы при Стрелково-Тактическом институте «Выстрел» в 1933 г. Москва.

Окончил краткосрочный курс Краснознаменной и ордена Ленина военной академии Кр. Армии им. М.В. Фрунзе в 1941 г. (пр. ГУК НКО № 0143 1.11.41 г.).

13. научных трудов и изобретений не имеет

14. Пребывание в ВЛКСМ

а) состоял членом ВЛКСМ с 1925 по 1929 г. принят КСМ организацией с. Студеники Переяславского р-на Киевской обл. Выбыл в 1929 г. за проявление антисемитизма.

Комсомольского билета не имеет.

15. Партийное положение

Член ВКП(б) с 1932 г., принят партийной организацией 137 сп и ДПК 46 сд.

Партбилет № 1976623 получен взамен парт. билета № 0265937, выдан. Политотделом 97 сд.

Ранее в ВКП(б) не состоял.

В братских компартиях не состоял.

Партвзысканиям не подвергался.

В оппозиции и партийных группировках не участвовал.

В других партиях не состоял.

За границей не был.

На территории занятой белыми не находился.

В плену по время гражданской войны не был.

В белых и иностранных армиях не служил. В боях против Красной Армии не участвовал.

Никого из родных и родственников его и его жены за границей не имеет.

Родные и родственники его и его жены в армии других стран не служили и не служат.

Родные и родственники его жены в белых армиях не служили.

В старой армии не служил.

В Красной гвардии не состоял.

1927 г. октября призван в ряды РККА Киевским окружным военкоматом.

Орденов СССР, Союзных Республик и наград не имеет.

По состоянию здоровье его и членов его семьи с одного округа в другой не переводился.

На фронтах в период гражданской войны и ликвидации банд не был.

Участвовал в боевых действиях Украинского фронта по освобождению народов Западной Украины 17.9.39–13.10.39 г.

Нач. штаба 69 сд капитан Владимиров.

В каких выборных партийных и советских органах состоял (состоит).

Январь 1926 – октябрь 1927 с. Студеники Переяславского р-на Киевской обл. Секретарь КСМ организации.

Март 1935 – октябрь 1937 г. Коростень Житомирской обл. Член гор совета Оборонной секции.

Пом. командира стрелкового батальона капитан Кравченко.

23 мая 1939 г.

Освобождение Западной Украины

Служебный отзыв

На врид командира стрелкового батальона 69 сп
Капитана тов. Кравченко Ивана Яковлевича.

Тов. Кравченко командовал батальоном с ноября 1938 г. по настоящее время.

Несмотря на то, что тов. Кравченко командовал временно, батальон подготовлен Хорошо и по огневой подготовке на инспекторской проверке вышел на оценку Отлично.

Батальон, которым командовал тов. Кравченко, ведущий батальон в полку по боевой и политической подготовке.

Тов. Кравченко показал себя как бесстрашный командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и при освобождении народов Западной Украины он был всегда в первых рядах и служил примером для подчиненных ему подразделений.

В настоящее время при развороте боевой и политической подготовки на новый учебный год, и здесь тов. Кравченко является ведущим в полку.

Пользуется авторитетом, тактически грамотный командир, хороший стрелок из всех видов оружия, инициативный товарищ.

Предан партии Ленина – Сталина.

Безусловно, подлежит утверждению командиром стрелкового батальона во внеочередном порядке.

Командир 69 стр. полка полковник Романенко
5 декабря 1939 г.

Партхарактеристика

На члена ВКП(б) тов. Кравченко Ивана Яковлевича

Тов. Кравченко член ВКП(б) с 1932 года, работает командиром батальона, к работе относится добросовестно, с отстающего вывел в передовой батальон в полку, много работал над укреплением боеспособности батальона, сам дисциплинирован, требователен к себе и своим подчиненным. Избран членом партийного бюро полка. Идеологически выдержан, политически развит.

Во время боевых действий показал себя как преданного делу партии Ленина – Сталина и социалистической родине.

Как недостаток у т. Кравченко есть случаи, что большую

часть работы берет на себя (сам за всех), и подчиненных меньше загружает работой.

Секретарь Парт бюро 69 сп политрук Псарев

5 декабря 1939 г.

Из воспоминаний дочери Ивана Яковлевича Кравченко, Нины Ивановны

«Потом когда все на Западной Украине успокоилось он забрал нас к себе недалеко от г. Львова. Нам выделили комнатку, мы только обустроились, только обжились. Достали какую-то мебель из фанеры, его так и называли шифоньер, стол, кровать. И его стали посылать на войну с финнами».

Часть 2. Война с Финляндией

Я не хочу тратить лишних слов. Ярче всего опишут подвиги Ивана Яковлевича документы, и свидетельства очевидцев и современников.

Из воспоминаний дочери Ивана Яковлевича Кравченко, Нины Ивановны

«Папа озабоченный ходил по комнате и говорил: «Будь что будет. Или грудь в крестах или голова в кустах». Утром он уехал на Финскую войну.

Мы жили среди поляков. Они очень плохо к нам относились. Вдруг к нам приходит письмо, что наш папа погиб. Мы очень горевали по нему. Мы стали собираться в Студеники. Что нам с поляками жить?! Мы уже собрались. Вечером, было уже темно, мама вышла на улицу вытрясти наволочку, в которую хотели уложить вещи. Люба спала, я еще нет. Вдруг подъезжает коляска запряженная парой лошадей, оттуда выходит военный и говорит: «Здравствуй, хозяйка». Мама сразу узнала голос отца и чуть сознание не потеряла. Он зашел домой. Я так обрадовалась. Мы заехали домой в деревню, повидались с родными и поехали в далекий Выборг.

Он действительно лежал в госпитале с обморожениями и тяжелым ранением. Пуля в сантиметре от сердца прошла. Вот он подлечился и уже с Украины поехал в Выборг, где стоял его батальон, и тут же его назначили командиром полка.

На берегу финского залива стоял красивый особняк и нас туда поселили. Мы ходили в лес за грибами, ягодами, особенно много было черники. С нами любил жить его отец, мой дед. Любил ходить по лесам. Очень ему нравилось собирать ягоды и грибы.

В Выборге мы пробыли недолго».

Наградной лист

Кравченко Иван Яковлевич

Капитан командир батальона 245 сп 123 ордена Ленина сд Предоставляется к званию Героя Советского Союза 1905 г.р. Украинец чл. ВКП(б) Ранен

Чем раньше был награжден. Нет.

Домашний адрес. Гор. Выборг 123 ордена Ленина сд 245 сп. Описание подвига.

Энергичный, смелый, волевой командир. Правильно расставил силы в батальоне. При прорыве укрепрайона с 11.2.40 г. действовал в направлении выс. 65, 5 и рощи «Молоток». Своим батальоном захватил пять ДОТов, 7 деревоземляных сооружений, 4 ПТО, два склада с вещевым имуществом, уничтожил более 100 белофиннов. В последующих боях за овладение рощи «Фигурная» и выс. 72, 7 проявил исключительный героизм и отвагу, показывая образец бесстрашия.

Командир 123 ордена Ленина СД полковник (Огурцов)

Комиссар 123 ордена Ленина СД полк. Комиссар (Ушаков)

17.3.40 г.

Указом ПВС СССР от 21 марта 1940 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»

ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 24, л. 138, 139

Аттестация

За период с декабря 1939 по июнь 1940 г.

На командира батальона 245 ордена Красного Знамени стрелкового полка Героя Советского Союза капитана Кравченко Ивана Яковлевича.

Г.р. 1905 Украинец Член ВКП(б) Крестьянин бедняк

Образование: общее 7 классов

Киевское пехотное училище, полуторамесячные курсы при стр. такт. институте «Выстрел»

Иностранными языками не владеет.

В РККА с 1927 г.

На должности нач. состава с 1931 г.

В Гражданской войне не участвовал.

Награды: Герой Советского Союза.

Тов. Кравченко предан делу партии Ленина – Сталина и Социалистической родине. Политически и морально устойчив. Военную тайну хранить умеет. Общее политическое развитие хорошее. С массами связан хорошо, тоже самое с партийными организациями. Умеет правильно нацелить актив на выполнение поставленных задач. Активно участвует в партийно-политической и общественно-массовой работе. Пользуется деловым и политическим авторитетом.

Лично дисциплинирован, энергичен и при проведении в

жизнь своих решений настойчив. Требователен к себе и подчиненным. Как недостаток следует отметить, что тов. Кравченко иногда может поспешно принимать решение, не обосновав его и не обдумав всесторонне.

Личная огневая подготовка отличная, а тактическая хорошая. Свои знания подчиненным передать умеет, работает над повышением своих знаний. В практической работе умеет правильно сделать выводы и исправлять недочеты.

В боях с белофиннами был тяжело ранен, но в настоящее время вполне здоров. При подготовке к прорыву укрепленного района тов. Кравченко хорошо подготовил и сплотил свой батальон, как крепкую боевую единицу.

Правильно наладил учет и сбережение всего боевого имущества.

В боях с белофиннами батальон, которым командовал тов. Кравченко проявил при этом пример мужества, храбрости и геройства, за что правительством ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Выводы:

1. Достоин назначения на должность стрелкового полка

2. Достоин присвоения очередного военного звания Майор во внеочередном порядке.

3. Необходимо послать учиться на курсы усовершенствования комсостава «Выстрел»

Командир 245 ордена Красного Знамени стр. полка Полковник Рослый Комиссар 245 ордена Красного Знамени стр. полка Политрук Гущин Начальник штаба 245 ордена Красного Знамени стр. полка Ст. л-нт Жуковский

Александр Исбах. «Боевые дни»

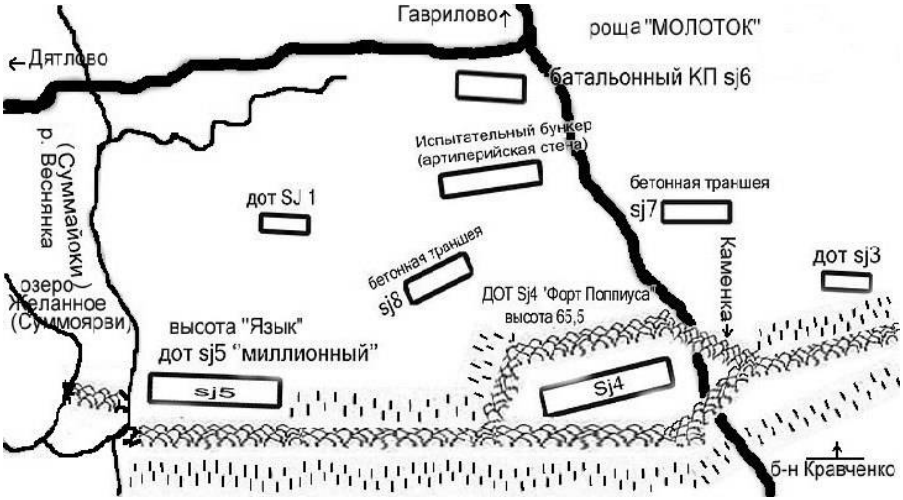
Первые сражения, в которых принял участие Иван Кравченко, были знаменитые деревенские «стенки». Собственно, он тогда еще и не был Иваном. Маленький задорный батрачонок Ванька, Ванюшка Кравченко был вожаком во всех ребячьих битвах. Он врывался в самую гущу «вражеского» отряда и, ловко увертываясь от чужих ударов, во все стороны наносил тумаки своими уже в те детские годы увесистыми кулаками.

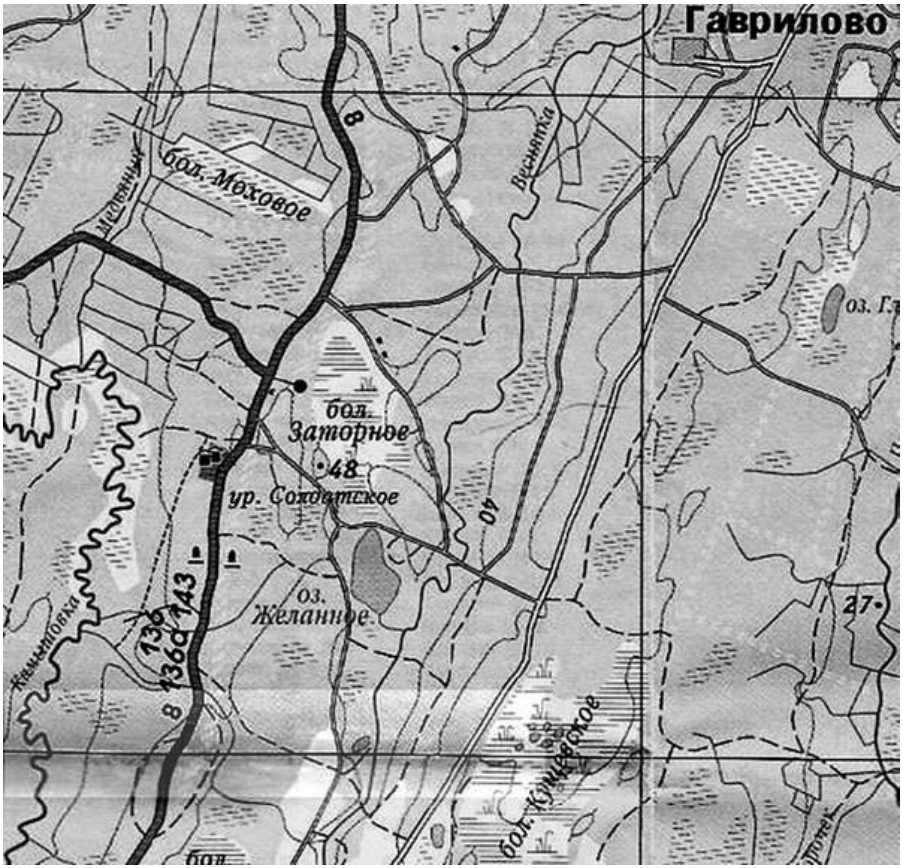
Случались в деревне и «конные атаки». На старой, видавшей виды, лошади заскакивал Кравченко в самую середину чужого табуна и рубил направо и налево деревянной шашкой.

Самоделок у него было немало. Первые самопалы «системы Кравченко» были невзрачны, но при надлежащей тренировке били птиц наповал. Ваня Кравченко был главным конструктором и директором «тайного оружейного завода» и начальником «смертоносного боевого ребячьего арсенала» села Студеники на Киевщине. И не раз хозяин – кулак Петро Барабаш обламывал о бока изобретателя самые сложные его конструкции.

Отца Вани – Якова Кравченко угнали на войну. Были весточки, будто попал он в австрийский плен. Мальчик должен был сам зарабатывать свой горький хлеб и безропотно сносить кулацкие побои… Но Петро Барабаш, как он ни старался, не мог выбить из Ивана пытливости и любви к изобретательству.

Обладателем настоящего оружия Ваня Кравченко стал после революции. Ему доверили большую и почетную обязанность – выдвинули из пастушат в письмоносцы. На почте Кравченко выдали, как официальному лицу, старый заржавленный револьвер «Смит и Вессон». Правда, патронов к револьверу у начальника почты не оказалось, но это ничуть не уменьшило Ваниного восхищения. Кравченко разобрал револьвер, любовно почистил и смазал его и не расставался с ним ни днем, ни ночью. Когда кулака Петро Барабаша арестовали, Ваня шагал сзади него, вынув «смертоносное оружие» из кобуры и держа на боевом взводе…





Почтальон-выдвиженец обслуживал четыре села. Утром и вечером, зимой и летом, в распутицу и морозы шагал Кравченко с сумкой нагруженной газетами и письмами, по радиусу в тридцать километров. И всюду был любимым и желанным гостем.

Сельсовет подарил ему найденные у помещика замечательные беговые лыжи. И он мчался на них по лесным дорогам, по открытым долинам; быстрее ветра спускался с гор и преодолевал глубокие, занесенные снегом овраги. Сама судьба готовила его к будущим, еще никому не ведомым боям.

Шли годы. Рос авторитет Кравченко в селе. Он был секретарем комсомольской ячейки и представителем советской власти – членом сельсовета, когда наступил год призыва, 1927 год. Кравченко вступил в ряды Красной Армии и сменил старый романтический «Смит и Вессон» на прозаическую винтовку образца 1891 года.

Дважды чемпион

В Красной Армии нашел Кравченко, бывший батрак, пастух и письмоносец, свое настоящее призвание. Многое пригодилось здесь из его прошлой жизни: и тактика «боевых» сражений в деревенских «стенках», и упражнения в стрельбе по грачам, и хитроумные конструкции самопалов, и внимательное изучение «Смита и Вессона», и неустанная лыжная тренировка.

Кравченко был досрочно выпущен из полковой школы. Его назначили командиром отделения и за особые успехи в учебе наградили серебряными часами. Он учил других и учился сам. И каждый месяц учебы приносил ему новый опыт и новые знания.

Вскоре Кравченко послали в Киевскую пехотную школу. Он окончил ее и сменил треугольники в петлицах на квадратик командира взвода. Теперь в его подчинении находился не один десяток бойцов. И опять он учил людей, не забывая о своем совершенствовании.

В полку был оборудован неплохой стрелковый кабинет. Старая страсть к оружию не покидала Кравченко. Он отдавал стрельбе все свободное время, занял первое место на полковых состязаниях и был признан полковым чемпионом. В новом полку, куда был переведен Кравченко, он воспитал десятки снайперов. Он проверял в своем взводе каждый пулемет, каждую винтовку, каждый револьвер. Во взводе все знали: пылинка в канале ствола – преступление!

Кравченко конструирует приспособление для прицеливания. Он упорно, методически, день за днем работает с бойцами. Результаты сказываются быстро: снайперский взвод, которым командует Кравченко, занимает первое место в полку, в дивизии и в корпусе.

Но одной стрельбы недостаточно. Снайпер должен быть

физически силен, выносливый, он должен быть готов к долгим и трудным переходам. И Кравченко каждое утро, до начала занятий, выходит на беговую дорожку.

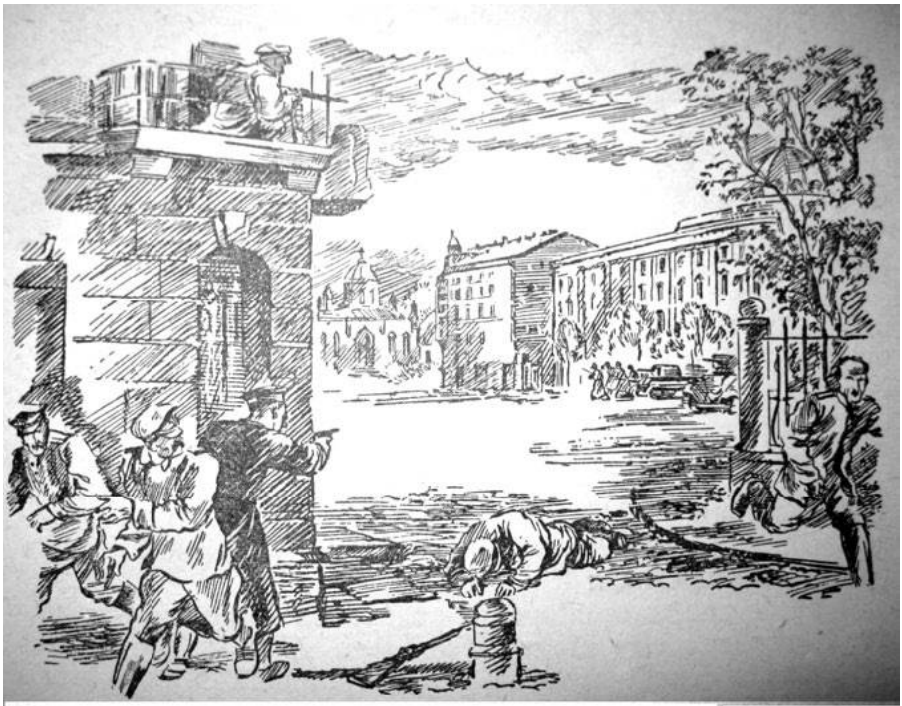
Первое место в полку по бегу занимал командир роты Арбузов. Всякому свое. Кравченко – чемпион стрельбы. Арбузов – чемпион бега. Однако на корпусных соревнованиях по бегу Кравченко оставляет позади всех прославленных бегунов корпуса. Он не бежит, а летит по воздуху! Откуда столько сил сохранил он к финишу? Пригодилась тренировка письмоносца: ежедневный бег на тридцать километров по радиусу. На двадцать метров обгоняет Кравченко Арбузова! Теперь он дважды чемпион – по бегу и по стрельбе.

Вскоре Кравченко получает снайперскую роту. Основной принцип Кравченко: все важно в учебе! И стрельба и политзанятия и тренировка на марше и саперное дело. Снайперская рота Кравченко занимает первое место в полку по всем видам боевой подготовки.

А Кравченко уже приметил новый вид спорта, С восхищением наблюдает он за парашютистами. Покачиваясь на стропах, под голубыми куполами, парашютисты спускаются на землю.

Новый спорт пришелся Кравченко по вкусу. Он прыгает раз, другой, третий, пятый… Хорошо в воздухе!

И снова тянутся непрерывные будни командира снайперской учебной роты большевика Ивана Кравченко.



Батальон Кравченко вступил во Львов. Разрозненные польские части бежали...

В 1938 году Иван Яковлевич Кравченко был назначен командиром батальона. Уже на следующий год батальон занял первое место в дивизии и получил переходящее Красное знамя. На осенних инспекторских стрельбах весь батальон показал невиданные успехи в стрельбе из винтовок и пулеметов – 97,8 % выполнения. Показатели были оценены как сверхотличные.

Командир батальона Кравченко получил благодарность и был премирован.

В сентябре 1939 года часть, в которой служил капитан Кравченко, вышла к границам Польши.

На Львов!

С большим интересом знакомится Кравченко с новыми местами. Часть стояла на самой границе, и не раз видели красноармейцы, как взвивалось пламя пожаров над помещичьими владениями. Неспокойно было в панской Польше. Но долго изучать местность не пришлось. Полк получил приказ перейти границу. Части Красной Армии выступили, чтобы освободить Западную Украину от ярма польских панов.

Ночь на 17 сентября была грозовой. Хлестал непрерывный дождь. Молния прорезала небо от края до края. В пять часов утра Кравченко впереди своего батальона подошел к реке Збруч в районе села Мыслован. Батальон вброд перешел реку и пошел дальше. Поляки пытались преградить дорогу. Батальон принял боевой порядок. Снайперы капитана Кравченко били без промаха. Было уничтожено 57 человек, четверо взято в плен.

Начался знаменитый освободительный марш Красной Армии. День и ночь двигались вперед части Красной Армии, освобождая Западную Украину. Батальон Кравченко шел в авангарде. Двигались по бездорожью, без сна, без отдыха. Преодолев небольшое сопротивление противника, вступили в Тарнополь. Подавили предательский огонь из домов и костелов и без отдыха двинулись дальше, на Львов.

Кравченко, внимательно изучавший историю гражданской войны, вспомнил, как почти двадцать лет назад на подступах к Львову стояли красные конники Ворошилова и Буденного… Их дело ныне продолжал месте с бойцами и командирами Красной Армии и он – пехотный капитан Кравченко.

21 сентября его батальон вступил в центр города.

Разрозненные польские части бежали к румынской границе. Батальон Кравченко, уничтожая по пути отдельные офицерские банды, двигался к Яворову…

Боевые действия закончены. Части перешли на мирную учебу.

Подходили к концу дни золотой осени. Наступила зима. Она была мягкой и теплой. Благодатный край. Из Киевщины в западные области приехали семьи командиров. Маленькая пионерка Нина Кравченко поступила в первый класс украинской школы. Совсем маленькая Люба Кравченко в первый раз произнесла слова «папа». Иван Яковлевич конструировал какой-то новый прибор для снайперской винтовки.

А газеты приносили тревожные вести. На Финляндской границе начались провокации белофиннов. 30 ноября 1939 года наши части перешли реку Сестру.

2 декабря 1939 года Кравченко получил телеграмму. Капитан переводился в Ленинградский военный округ. Это была большая радость и гордость: не забыли! Вспомнили капитана Кравченко.

В тот же день Кравченко простился с семьей и с батальоном. Жалко было оставлять своих бойцов, но мыслями он был уже там на севере. Капитан всячески сокращал путь.

5 декабря Кравченко явился в штаб Ленинградского округа и 10 декабря был направлен на фронт. 15 декабря он прибыл в один из полков 123-й дивизии.

Боевые друзья

Суровая природа Карельского перешейка. Густой заснеженный лес. Грохот артиллерийской канонады. Такого грохота не слыхал Кравченко в Польше.

Через сугробы пробирался капитан к командному пункту. Навстречу ему стали попадаться раненые. Вскоре он услышал и свист пуль. Они пролетали совсем близко. Рвались снаряды. И вдруг что-то с силой ударило Кравченко и отбросило в сугроб. Снег и земля взметнулись к небу.

– Мина, – сказал Бодров, один из красноармейцев, сопровождавших капитана. – Счастливо отделались. Совсем рядом взорвалась.

Кравченко поднялся, стряхивая снег с полушубка. Испугаться он даже не успел, а показать своего смущения не хотел.

– Да, война здесь серьезная, – спокойно сказал он и пошел дальше.

С фронтовой обстановкой Кравченко ознакомился быстро. И вскоре привык и к снарядам и к минам, и к однотонной свистящей песне пуль. Его назначили командиром третьего батальона. Стояли жестокие морозы. Больно было дышать. Голос сразу стал грубым и хриплым.

Бойцы лежали на подступах к высоте 65,5 – возле знаменитой линии «Маннергейма». Лежали в сорокаградусный мороз в снегу. Костры разводить запрещалось: противник был рядом. Уходили в опасные разведки, к самым огневым точкам. Возвращались обледеневшие и опять ложились на снег, на мерзлые сучья.

Кравченко приказал немедленно рыть землянки и ходы сообщения. Земля промерзла насквозь и долго не поддавалась. Но землю сломили, сделали землянки, разместили батальон.

Капитан сразу же принялся за оружие.

Мороз. Снег. Затвор прилипает к ладони. Все это верно. Однако орудие при любой обстановке должно быть в чистоте и исправности. *При любой обстановке!* И оружие бойцов было приведено в образцовый порядок.

Батальон сразу же почувствовал железную руку капитана. Некоторые бойцы сначала ворчали. На морозе, в лесу, под пулями капитан требовал такого же порядка, как в казармах! Разве этого можно было достичь? Оказалось, что можно. И не только можно, но и необходимо. Без этого нельзя было воевать.

Капитан умел не только требовать, но и по отечески заботился о своих бойцах. Он приказал установить в лощине кипятильник, прорыть к нему ход и в жестокие морозы весь батальон постоянно имел кипяток.

Беспокоили бойцов белофинские «кукушки».

Кравченко приказал приготовить станковые пулеметы. Он методическим огнем «прочесал» лес на своем участке. «Кукушки» посыпались с деревьев.

– Обожглись, – усмехались бойцы. – Перехитрил их наш капитан…

«Наш капитан» – так звал Кравченко весь батальон. Позже кто-то из бойцов дал капитану новое прозвище: «Чапаев». Его связного, красноармейца Бодрова, стали называть «Петькой». Бодров был доволен, а Кравченко, – чего греха таить, тоже не обижался.

Батальон полюбил своего командира. Кравченко никогда не кричал, не суетился. Он требовал беспрекословного подчинения, но в тоже время был другом своих бойцов, часто заглядывал к ним в землянки, беседовал, а иногда, в короткие минуты досуга, пел с ними свои любимые украинские песни.

…Вторым батальоном командовал капитан Артем Сорока. Горячий, стремительный, веселый, он сразу понравился спокойному и уравновешенному Кравченко. Они совместно вели разведку укрепленного района, советовались, готовились к решительным боям. Вскоре в их крепкое боевое содружество вошел новый командир полка – майор Иван Павлович Рослый.

Командование частью майор принял в новогоднюю ночь.

«Встречаю новый год, писал он друзьям, – под замечательными елями, при ослепительном «фейерверке»…

С людьми познакомился он быстро. В нем удачно сочетались командир и политработник-агитатор, массовик. Недаром майор Рослый много лет был политруком, а начинал свою военную службу рядовым бойцом. И сейчас еще помнит, как гордился первыми двумя треугольниками в петлицах… А потом – академия. Он изучал труды Ленина и Сталина, боевой опыт Фрунзе, Ворошилова. Буденного, знакомился с произведениями Энгельса, Меринга, Клауэсвица.

Это все в прошлом. Сейчас он сам вел в бой свою часть, и ему противостояли густые леса и незамерзающие болота, жестокие морозы и подземные неприступные крепости, каких не штурмовал еще ни один полководец.

Враг был хитер и коварен. Но у майора Рослого была совершенная военная техника, созданная на советских заводах. У майора Рослого были замечательные командиры и бойцы, бесстрашные сыны родины. Он вел их в бой, и они преодолевали на своем пути все преграды.

Майор был требователен, но внимательно следил за тем, чтобы каждому рядовому бойцу были обеспечены отдых и пища.

Он воспитывал людей, создавал единый сплоченный, боевой коллектив. Он неутомимо и строго следил за боевой готовностью части. Он проверил батальон Кравченко и объявил капитану благодарность за состояние оружия и заботу о бойцах.

Комбаты – капитаны Сорока и Кравченко стали лучшими друзьями и помощниками майора.

По ночам между боями на командном пункте полка над картами склонялись три головы: майора и двух капитанов. Жизни сотен людей были вверены им. Они сидели над картой и думали о том, каким путем привести своих бойцов к победе, какой путь окажется самым верным и наиболее бескровным.

…123-я дивизия готовилась к штурму «линии Маннергейма». Подготовкой к общему штурму руководил командующий фронтом командарм Семен Константинович Тимошенко.

Полк занял исходное положение перед высотой и рощей «Фигурной». Но подходы к высоте находились под непрекращающимся огнем «кукушек». Особенно дурной славой пользовался стоящий на пути пень. Бойцы прозвали его пнем смерти. Каждого, кто приближался к пню, выводили из строя меткие пули белофинского стрелка. Погиб старшина роты, доставлявший бойцам продукты. Ранили командира взвода. Погибли два бойца посланные с донесением к комбату.

Кравченко объявил «кукушкам» беспощадную борьбу. Испытанный снайпер, он начал готовить сверхметких стрелков в своем батальоне.

Смертный час неуловимых «кукушек» приближался.

Однажды ночью бойцы Денисов и Ермолаев срубили невысокую елку, натянули на нее маскировочный халат и, положив чучело на тропинку, залегли между деревьями, в метрах сорока друг от друга. Две веревки засыпанные снегом, тянулась от чучела к снайперам. Когда веревка натягивалась, мнимый «разведчик» начинал шевелиться.

«Кукушка» молчала: что-то, видимо, показалось ей подозрительным. Но кравченковские снайперы обладали большой выдержкой. Сорокаградусный мороз не смог сломить их терпения. Они ждали. Час, другой, третий…

И вот, когда бойцам уже начало казаться, что затея их провалилась, раздался выстрел с дерева. Ага… Клюнуло!.. Веревка натянулась и «разведчик» зашевелился. Еще несколько выстрелов. И тут «кукушка» попалась! Снайперы разглядели в бинокль почти совсем неприметную голову белофинна, сидевшего на верхушке большой ели, покрытой высокой снежной шапкой… лицо вражеского снайпера сливалось со снегом.

Еще два выстрела прозвучали в роще, и «кукушка»

сковырнулась в снег.

Снайперы решили вернуться в землянки. Первым выбрался из укрытия Ермолаев. Как только он поднялся на ноги, раздался выстрел: где-то притаилась вторая «кукушка». Ермолаев вскрикнул и упал.

Денисов бросился было на помощь товарищу, но тут же остановился.

Ему показалось даже, что не он сам, а капитан Кравченко произнес за него эти слова.

Ермолаев лежал, раскинув руки на снегу… Эх, какой парень был! И что скажет капитан…

Напрягая зрение, Денисов всматривался в верхушки деревьев. Из глубины леса вспыхнули еще два огонька.

– Ага! Вот ты где, гадина… – почти закричал Денисов, и тут же нажал спусковой крючок. – Это тебе за друга!..

Осыпая целые облака снежной пыли, белофинский стрелок упал с дерева. Больше выстрелов не было. Тишина. Далеко в стороне слышались лишь глухие взрывы снарядов. Однако Денисов уже не доверял этой тишине. Он осторожно поднял шапку над головой. Нет… Кончено… «Кукушки» мертвы.

Денисов выполз из-за укрытия и пополз к убитому товарищу.

Денисов поднял товарища на плечи и понес его к землянкам

– Василий, окликнул он его горестно. И вдруг… Ермолаев зашевелился…

– Вася, жив?

– Жив. Только замерз. Помоги мне…

Да… Вот это была выдержка!.. Денисов поднял товарища на плечи, взял винтовку и, проваливаясь по колена в снег, понес его к землянкам.

Боевая дружба была славной традицией Ивана Кравченко.

Ночь в Воронке

Когда требовалось выполнить особенно важную и поэтому особенно опасную задачу, майор Рослый иногда становился в тупик: кому поручить ее капитану Кравченко или капитану Сороке? Оба они стремились перехватить друг у друга опасное поручение.

Первого февраля седьмая рота батальона Кравченко получила приказ: разведать боем систему огня в укрепленном районе противника. Ротой командовал молодой лейтенант Степанов.

Кравченко, не отрывая бинокля от глаз, следил с наблюдательного пункта за наступлением роты.

У самых надолб финны встретили роту жестоким артиллерийским огнем. Лейтенант Степанов был ранен. Командование принял политрук Петров. Бойцы залегли, но огнь все усиливался…

Оставаться спокойным наблюдателем капитан больше не мог. Он догнал бойцов и вместе с политруком Петровым повел седьмую роту в бой.

С небольшой группой бойцов Кравченко ворвался на высоту. Им сразу пришлось залечь в первой же попавшейся воронке: стальные плиты крепости находились на расстоянии нескольких метров от них. Из амбразур беспрестанными очередями строчили пулеметы.

Финны вели огонь из дота прямо в лоб группе Кравченко. Неожиданно по смельчакам с обоих флангов открыли огонь и неизвестные до сих пор Кравченко огневые точки слева и справа. Из глубины обороны противника загрохотал мощный артиллерийский дот-капонир.

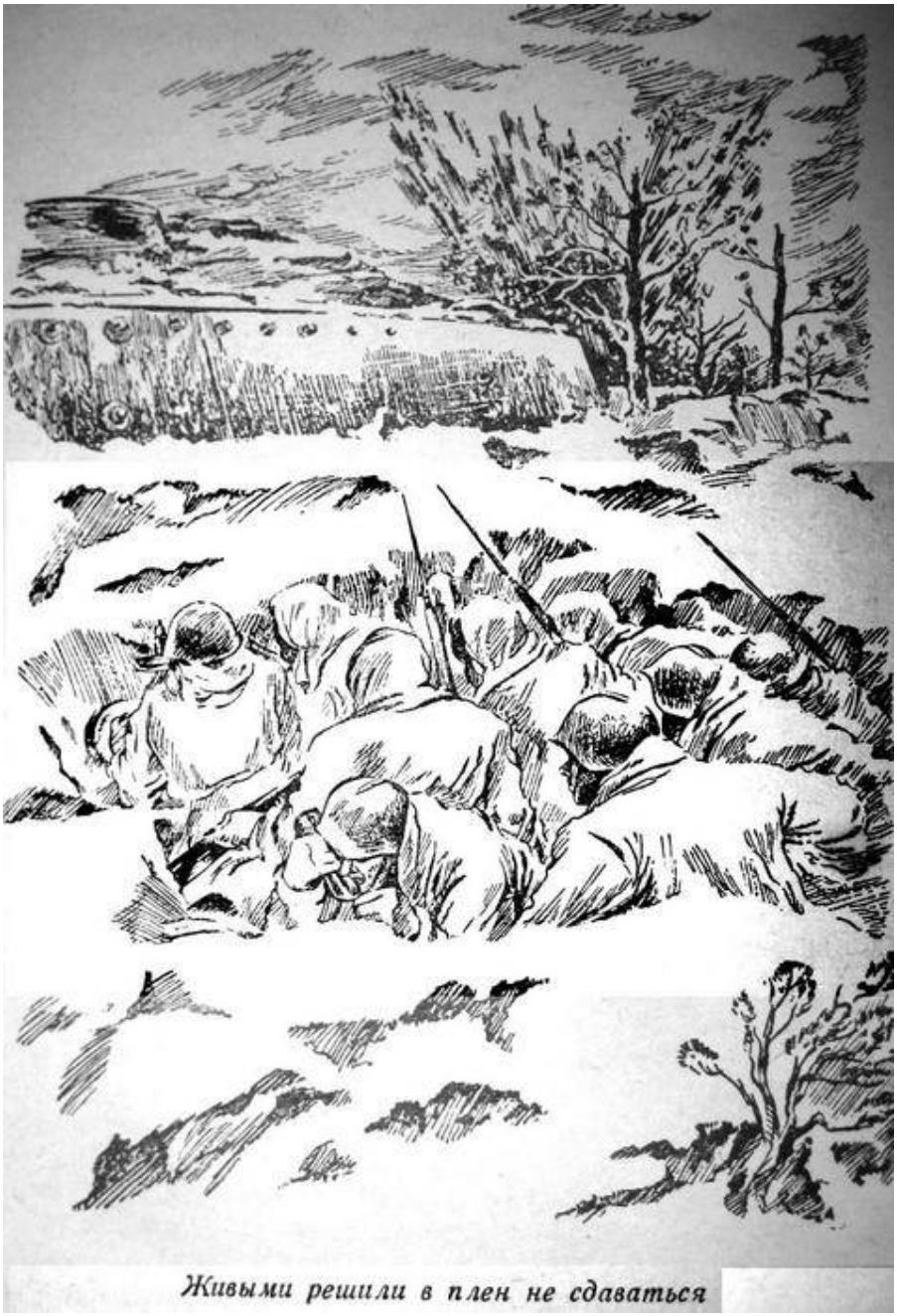
Задача разведки была, в сущности, выполнена: огневые точки врага обнаружены. Но Кравченко со своими бойцами попал под перекрестный огонь белофиннов, как в железные клещи. Нельзя было продвигаться ни вперед, ни назад. Невозможно даже голову поднять из воронки.

Прижимаясь к слежавшемуся, обледеневшему снегу, согревая друг друга своим теплом, в воронке лежал капитан Кравченко,

политрук Петров, старший лейтенант Квашин, связист Виноградов.

Финны пытались было живыми взять смельчаков, попавших в ловушку. Они вылезли из своих окопов, но пулеметный огонь из воронки сейчас же загнал их обратно.

Капитан Кравченко сохранял свои обычные выдержку и мужество. Младший командир связист Андрей Виноградов передавал по аппарату. приказания капитана артиллеристам, сообщал им пристрелочные ориентиры. Наши орудия начали бить по артиллерийскому доту, по ходам сообщения, по траншеи противника. Это мешало финнам подобраться к воронке.



Живыми решили в плен не сдаваться

Виноградов передавал приказания и бережно прятал трубку на груди, чтобы она не испортилась от мороза. А мороз становился все злее.

Ночью финны перерезали провод. Напрасно кричал Виноградов в трубку хриплым лающим голосом. Связь со своими была прервана окончательно. В эту ночь в воронке никто не спал.

Обменивались короткими репликами.

Кравченко пытался даже шутить. Но больше молчали, напряженно вглядываясь во тьму. Отгоняли подползавших врагов пулеметным огнем и гранатами.

На командном пункте полка лейтенант Ждан-Пушкин регулярно докладывал майору Рослому о положении отрезанной группы. Капитан Сорока просил разрешения пойти на выручку. Но это означало верную и бессмысленную гибель. Майор запретил.

Бойцы и командиры с волнением ожидали известий о положении смельчаков. Лейтенант Грицак, замещавший в батальоне капитана Кравченко, и командир артиллерийского взвода Курочкин огнем пулеметов и орудий помогали попавшим в беду товарищам. Но путей к спасению не было.

Днем второго февраля финский огонь по группе Кравченко усилился. Потеряв надежду захватить смельчаков живыми, финны решили уничтожить их. Снаряды и мины рвались у самой воронки. Группа Кравченко находилась в кольце непрерывного вражеского огня. Бойцов засыпало снегом, мерзлой землей. Ледяной коркой покрылись их шинели и валенки, стыло сердце, коченели руки и ноги.

Кравченко собрал шесть последних гранат и держал рядом с собой. Живыми решили в плен не сдаваться.

Наступила вторая ночь. Капитан лежал на спине рядом с политруком Петровым. Над воронкой виднелся кусок холодного неба с редкими, колючими звездами.

«Неужели конец? – Думал Кравченко. Вспомнилась семья, дети… Вспомнилось родное село. Батрачонок Ванюша любил собирать на деревьях грачиные яйца. Он ловко как белка перескакивал с сосны на сосну… с сосны на сосну… Нет, нельзя спать! Нельзя спать, капитан!.. Вот сволочи… Неужели конец?..»

– Политрук, – хриплым шепотом сказал капитан Петову. – Политрук, если меня убьют раньше, сорвите петлицы и сожгите партбилет. Чтобы не знали белофинны, что капитана убили… Слышите политрук! Не спите!

И вдруг в воздухе послышался шум моторов. Над воронкой плыли самолеты. Кравченко встрепенулся. Вскочил на колени. Такими близкими показались ему эти машины с красными звездами, эти люди сидящие у штурвалов!

– Летят!.. Наши летят!.. Веселее политрук… Ты что загрустил?.. будем жить политрук! Еще на твоей свадьбе потанцуем!..

Его товарищи, его бойцы, голодные, в тяжелом полусне лежали вокруг него. Виноградов прижался щекой к молчавшему мертвому ящику аппарата.

А в невдалеке один за другим раздавались тяжелые взрывы. Наши летчики бомбили рощу «Фигурную».

Ночь становилась все тревожней. Финны беспрестанно освещали воронку ракетами. В ожидании новой атаки Кравченко не смыкал глаз, не выпускал из рук пулемета. Он напряженно вглядывался во тьму.

Неожиданно капитан услышал хруст снега. Кто-то полз к воронке с тыла. Неужели окружают? Стой!.. Капитан поднял гранату и замер… Он менее удивился бы, встретившись с приведением. Да, собственно, мало чем отличался от приведения весь облепленный снегом человек в белом халате с капюшоном, свалившийся в воронку. Это был командир взвода Иванов. Его прислал майор Рослый. Иванов сообщил капитану, что майор собирается послать на помощь бойцам роту… каким-то чудом Иванов невредимым дополз до воронки…

Бойцы, сгрудившиеся вокруг Иванова, еле живые, обледеневшие, с надеждой смотрели на капитана.

– Нет, – сказал капитан, – не нужно роты. Рота погибнет. Немедленно ползите обратно. Скажите майору, чтоб никого не посылал. Мы сами выйдем! Да ну-же, быстрее.

Кравченко нахмурил заиндевевшие мохнатые брови, и Иванов, знавший капитана, понял, что возражать бесполезно.

Он тяжело вздохнул, перекатился через край воронки и пополз во тьму.

На середине поля ракета осветила Иванова, и финский снайпер убил его наповал…

…А Кравченко решил вывести своих бойцов по почти неприметной лощине, которая извивалась в 20 метрах от воронки. Это была почти верная смерть. Но другого выхода не было. Остаться в воронке еще на одну ночь – значило заморозить бойцов.

Капитан принял решение.

– Только бы добраться до лощины, а там можно уползти за надолбы.

Как только начала стрелять наша артиллерия – финны умолкали. Они ожидали разрыва, а потом открывали свой огонь. Надо было улучить мгновение между нашим и вражеским огнем, моментально перекатиться через край воронки и ползти.

– Двигайтесь за мной по одному, – приказал капитан и первым выбрался из воронки…

Они ползли эти несколько метров до лощины в странном полузабытьи, движимые одним стремлением – поскорее добраться до своих. Вот, наконец, и спасительные надолбы. Капитан пересчитал людей. Девять. Где десятый? Услышали стон.

Под огнем двое бойцов вернулись назад и на себе принесли раненого.

За надолбами были свои…обмороженные, почерневшие, в обледеневших, не сгибающихся тулупах и шинелях, добрели к ним десять смельчаков. И здесь силы их оставили. У самого наблюдательного пункта героев встретили капитан Сорока и связной капитана Бодров – «Петька». Кравченко протянул ему руку, хотел что-то сказать, но упал и потерял сознание.

Его отправили на медпункт, а оттуда – в госпиталь. Командование батальоном принял лейтенант Грицак.

Флаги на дотах

Койка Кравченко стояла у самого окна. Ноги были сильно обморожены. Ныла грудь. Но все это казалось пустяком. Главное – жив! а здорово хорошо жить, читать письма детей, рассказывать о них сестре дружиннице…

Он лежал без движения, смотрел в лес, на заснеженные, мохнатые верхушки елей, на солнце, встающее над лесом, на самолеты, летящие туда, к фронту…

«К фронту… А он?.. Батальон, наверное, ждет его! Небось, и Рослый не раз спросил у Сороки: «Как-то там наш Иван Яковлевич?..»

Через несколько дней Кравченко надоело лежать. Он соскучился по своим друзьям, по батальону. Он умоляюще смотрел на врачей. Но врачи были беспощадны.

Девятого февраля в госпиталь привезли раненого лейтенанта из батальона Сороки. От него Кравченко узнал, что в ближайшие дни начнется генеральный штурм «линии Маннергейма».

Кравченко давно ждал штурма. Исходное положение было подготовлено. Его батальон давно готов к атаке. Но как же это – атака и без него, без Кравченко? И капитан впервые нарушил суровую воинскую дисциплину. Этой же ночью он с помощью санитарки тайком покинул палату и бежал из госпиталя. На попутных грузовиках добрался до дивизии и здесь встретил танкиста Калабухова. Танки Калабухова шли к позиции полка Рослого.

Кравченко был весь в бинтах, но старший лейтенант без лишних расспросов накормил капитана, посадил его в танк… Ночью 10 февраля Кравченко прибыл в свой батальон.

Полк майора Рослого находился на решающем участке прорыва. Полку пришлось атаковать один из самых сильных опорных пунктов «линии Маннергейма».

Разведка дала майору точные сведения о противнике. На востоке – болото. На западе – озеро. Между этими естественными преградами расположена командная высота с крупным пулеметно-артиллерийским дотом. На востоке от нее несколько дотов укрытых лесом. На западе высота с одним из крупнейших дотов оборонительной полосы. Большое количество амбразур позволяло дотам вести огонь по ближним и непосредственным подступам, а также обстреливать подступы к соседним точкам. Взаимная огневая связь дотов была полной. Каждый дот имел бронеколпаки для наблюдения. Железобетон покрывался броневыми щитами в 35 сантиметров толщиной. Все белофинские сооружения соединялись траншеями. На одной линии с каждым железобетонном сооружении в глубине земли были расположены блиндажи и убежища.

Перед опорным пунктом белофиннов проходили два заградительных пояса, упиравшиеся в танконепроходимые места. Каждый пояс состоял из нескольких линий надолб, проволочных заграждений, рвов, минированных полей.

И вот эту несокрушимую, казалось бы, «линию Маннергейма» надо было прорвать частям 123-й дивизии. И прежде всего – полку Ивана Павловича Рослого, и в первую очередь – батальонам Сороки и Кравченко…

Батальон Кравченко находился на исходном положении для атаки. Командующий батальоном лейтенант Грицак отдавал последние распоряжения. Неожиданно рядом с Грицаком появился капитан. Он не успел даже заглянуть на командный пункт полка… и от бойца к бойцу пошла весть: капитан вернулся, капитан поведет нас в бой.

… Утро 11 февраля было пасмурным. Густой туман висел над землей. В нескольких метрах ничего не было видно.

Где-то далеко позади наших бойцов раздался одиночный выстрел тяжелого орудия. Снаряд с гулом пролетел над их головами и разорвался у проволочных заграждений. И началось… ураган огня. Грохот взрывов. Орудийные выстрелы. Вой и свист пролетающих снарядов… по всему фронту «линии Маннергейма» началась артиллерийская подготовка. В воздухе появились эскадрильи бомбардировщиков. Глухие взрывы тяжелых авиационных бомб выделялись в общем грохоте канонады.

В несколько минут вражеские позиции окутались густыми клубами дыма, а на белофиннов обрушивались все новые и новые тонны металла.

Советские артиллеристы, обманывая противника, несколько раз переносили огонь с переднего края белофинской обороны в глубину вражеских позиций. А в это время батальоны Кравченко и

Сороки, продвигаясь ползком по снегу, накапливались на исходных позициях. Отдельные взводы находились уже на расстоянии всего около 100 метров от позиций противника: они шли почти вплотную за артиллерийским огневым валом. Осколки снарядов свистели над головой бойцов. Но каждый боец знал, что в укрепленный район врага легче всего ворваться «на хвосте своих снарядов».

Наконец, над командным пунктом дивизии взвилась ракета – сигнал к решительной атаке. Огневой вал вновь передвинулся вглубь, и пехотинцы бросились вперед. По лесам и долинам раздались мощные звуки «Интернационала». По всему фронту пронеслось любимое имя вождя, имя Сталина: бойцы 123-й дивизии пошли в атаку! Загудели танки. Круша проволочные заграждения, они вместе с пехотой устремились в заранее сделанные артиллерией проходы.

Батальон Сороки наступал на высоту 65,5; батальон Кравченко – правее, по болоту Мунасуо, – на рощу «Молоток».

Друзья так и не увиделись перед боем. Ни капитан Сорока, ни майор Рослый не знали о возвращении Кравченко.

Майор Рослый внимательно следил на командном пункте полка за продвижением батальонов. Он видел, как по всему полю битвы не останавливаясь, бежали вперед бойцы в белых халатах. На пункте непрерывно трещал аппарат, поступали сообщения:

– Батальон Сороки прошел надолбы.

– Третий батальон подошел к траншеям.

– Подошли к высоте.

– Захватили траншеи.

– Заняли опушку… Подошли к доту.

Наступая вдоль западного берега болота Мунасуо, батальон капитана Кравченко захватил укрепленный район. Воспитанные капитаном снайперы вели непрерывный огонь.

Кравченко бежал по глубокому снегу, Бойцы ни на шаг не отставали от него, и он повел их в штыковую атаку. Первой ворвалась в укрепленный район 7-я рота лейтенанта Тарана. Командир взвода лейтенант Хватов водрузил над дотом красный флаг. Первый красный флаг над «линией Маннергейма»!

В захваченном доте помещался штаб финского полка. Убегая, финны оставили радиостанцию, секретные карты, документы, письма… были заняты блиндажи и траншеи. Была занята вся роща «Молоток» приказ командования капитан Кравченко выполнил.

Через несколько минут был взят дот и на соседнем участке. Над вражеской крепостью поднялся еще один красный флаг. Только выглядел этот флаг как-то странно, форма его была

необычной. Этот флаг поднял над дотом красноармеец Сергей Яковлев.

Знамя с портретами Ленина и Сталина политрук вручил Яковлеву еще на исходном положении. Яковлев бежал вперед, сжимая в одной руке винтовку, в другой – знамя. Пуля ударила его по каске, но скользнула, не пробив ее. Яковлев даже не остановился.

«Только бы добежать, – думал он, – только бы добежать!»

Еще одна пуля просвистела рядом. Яковлеву казалось, что все вражеские солдаты целятся в него, бойца, которому доверено знамя. Люди, бегущие рядом с ним, часто вскидывали винтовки, прицеливались и стреляли. Но он бежал не останавливаясь. Он бежал впереди всех, в руках у него было знамя.

«Только бы добежать, только бы добежать, только бы добежать…»

упал бежавший рядом с Яковлевым товарищ его же односельчанин, запевала и баянист Слесарев. Но задержаться возле друга Яковлев не мог. Он догнал политрука Шиндакова. Немолодой политрук, задыхаясь от мороза и быстрого бега, посмотрел на Яковлева, махнул рукой вперед и … упал.

Яковлев нагнулся над ним. Шиндаков был ранен осколком мины. Боец с тоской посмотрел на политрука и опять побежал, обгоняя товарищей. И снова рядом с ним падали бойцы. А он все бежал вперед, словно флаг придавал ему особую неуязвимость.

Перед самой крепостью роту встретил ожесточенный пулеметный огонь. Яковлев почувствовал резкий удар по руке и толчок в грудь. В глазах у него помутилось, пальцы разжались. Флаг выпал. Рукав и пола халата сразу окрасились кровью. Но он не хотел думать о смерти. Он посмотрел на поле боя. По всему полю бежали вперед бойцы в белых халатах. Падали. Поднимались. Опять падали. Роты шли под огнем и ждали, когда он, Яковлев, водрузит знамя, врученное ему политруком. И тогда, собрав последние силы, боец вскакивает в траншею, срывает рукав и полу своего халата, пропитанные кровью… и красное боевое знамя взвивается над крепостью противника.

Роща «Молоток» была занята батальоном Кравченко в 12 часов 25 минут.

Комбат Сорока, узнав об этом, порадовался за батальон друга и пожалел, что его друг, капитан Кравченко, в госпитале, а не со своим батальоном… через три минуты выполнил свою боевую задачу и капитан Сорока.

На командном пункте полка майор Рослый подошел к аппарату.

– Комбат три сообщает, что задача выполнена.

– Поздравляю, лейтенант.

– У аппарата капитан Кравченко.

– Бросьте шутить, лейтенант… Кравченко в госпитале.

– Я в батальоне, майор.

Тут уж у майора не нашлось слов. Ну и Кравченко! Удружил! Какие ребята… какие замечательные командиры у него в полку! Надо было бы поругать капитана за бегство из госпиталя. Но… победителей не судят! И весь этот день теплая улыбка не сходила с лица майора.

А Кравченко вел свой батальон дальше. Его бойцы вышли к южной опушке рощи «Фигурной». Путь здесь был прегражден глубоким противотанковым рвом.

Батальон Кравченко проник в глубь расположения белофиннов. Другие батальоны отстали. С обоих флангов – враги. На беду была потеряна связь с Рослым и соседями.

Командир девятой роты, молодой лейтенант, разгоряченный боем и победой, хотел было двигаться дальше. Но капитан сурово осадил его. Белофинны могли заманить батальон в ловушку и отрезать от своих.

Ложное геройство привело бы к бесцельно гибели десятков бойцов. Надо было действовать спокойно и расчетливо. Кравченко вместе со своим помощником лейтенантом Грицуком детально обсудил создавшуюся обстановку. Было решено закрепиться на захваченном рубеже и организовать круговую оборону.

Бойцам комбат приказал рыть окопы. Кроме непосредственных целей обороны здесь было одно дополнительное и очень важное соображение: мороз становился все злее. Работой надо было согреть бойцов.

Эта работа была не из легких. Мерзлая земля, переплетенная корневищами, не поддавалась лопатам. Вскоре крупные капли пота потекли по лицам бойцов.

Связной капитана «Петька» втайне негодовал на своего «Чапаева». Он сочувствовал горячему лейтенанту: такая замечательная победа, а тут копайся в земле, точно крот! Однако «Петька» вместе с другими добросовестно работал лопатой.

Наконец бойцы засели в окопы. Сюда же спустили и пулеметы. Ничего не осталось на поверхности, на снегу. Капитан ждал финской контратаки. И он не ошибся.

Ночью из лесу показались белофинны. Они крадучись, медленно двигались вперед, почти незаметные на снегу.

В напряженной тишине батальон ждал приближавшихся белофиннов. Их было несколько сотен. Они надвигались и справа и слева. Вот они подошли на расстояние 100 метров… 90

метров… 80 метров.

– Товарищ капитан, – порывисто зашептал «горячий» лейтенант, разрешите открыть огонь.

– Отставить, – сердито, но тихо ответил Кравченко, – Ждать моего приказа!

70 метров… 60 метров… враги почти рядом.

– Товарищ капитан, – тревожно передавал по телефону командир седьмой роты, я открываю огонь!..

– Отставить! – прошипел в трубку Кравченко. – Ждать моего приказа!

50 метров… 45 метров… еще момент, и белофинны обнаружат окопы. 40 метров…

– Пулеметы на площадку! Огонь!

И земля полыхнула огнем. Лавина огня обрушилась на ошеломленного противника. Сотни ракет взлетели в небо, превратив темную ночь в яркий, ослепительный день. Одна за другой взрывались гранаты. Заговорили все пулеметы и винтовки. Загрохотала батальонная пушка.

С криком и воем, оставляя сотни трупов на снегу, белофинны повернули назад. Контратака была отбита с жестоким уроном для врага.

Последняя ракета с треском взвилась в воздух… Бодров с уважением посмотрел на своего «Чапаева». Рябоватое лицо капитана было спокойно и сурово.

В течение ночь батальон отбил еще четыре контратаки. Четыре белофинских батальона находилось на этом участке. Они потеряли за эту ночь свыше пятисот человек. Батальон Кравченко неизменно удерживал рощу и, угрожая флангу противника, оттягивал силы от продвигающегося вперед батальона капитана Сороки.

Батальон Сороки подошел к утру. Комбаты крепко, безмолвно обнялись.

В этот день батальоны Сороки и Кравченко взяли рощу «Фигурную». В этот же день дивизия узнала о том, что Верховный Совет наградил ее орденом Ленина. И в тот же день в дивизии родилась песня, которая поплыла от роты к роте, от взвода к взводу, от бойца к бойцу. Песня о дружбе и мужестве, песня о двух комбатах героях.

Два друга, два славных отважных героя
Вели батальоны свои,
Железные роты вели за собою
На штурмы, в атаки, в бои.
Была нестрашна огневая дорога

И смерти грядущей снаряд,
Когда с нами рядом шагал наш Сорока,
Отважный, любимый комбат.
Пел песню о славе, о подвигах ветер,
Был каждый в боях закален,
И Кравченко вел от победы к победе
Громящий врага батальон.
И песня плыла и вздымалась над строем,
Над шквалом атак огневых
О двух капитанах – отважных героях,
О славных друзьях боевых.
И с песней победы, рожденною в ротах,
Шли в схватку, отваги полны.
И алые флаги вздымались на дотах –
Знамена Советской страны.
Два друга, два славных, отважных героя
Вели батальоны свои,
Железные роты вели за собою
На штурмы, в атаки, в бои…

– Слышал? – спросил Сорока капитана Кравченко, прощаясь с другом после привала. – Слышал песню?

– Неплохая песня, – усмехнулся комбат.

Так рождалась боевая слава.

… Это была последняя встреча двух друзей. На другой день бесстрашный капитан Сорока был убит.

Герой Советского Союза Капитан И.Я. Кравченко. 1940 год

Кравченко не хотел этому верить. Он сжал зубы, на мгновенье прижал руку к груди и… повел дальше свой боевой батальон…

На подступах к Выборгу

Батальон двигался вперед с непрерывными боями. Противник, разгромленный на «линии Маннергейма», оказывал упорное сопротивление нашим частям на новых опорных пунктах. С боем приходилось брать каждую высоту.

Большую помощь батальону оказал в те дни молодой артиллерист – разведчик Федор Бабаченко. Кравченко полюбил его, как брата.

В один из февральских дней батальон подошел к высоте, поросшей густым сосновым лесом. Высота была хорошо укреплена. Сплошными рядами стояли высокие гранитные

надолбы. За надолбами и валунами притаились финские стрелки. Взять высоту в лоб было невозможно.

– Действуйте, лейтенант, – сказал капитан своему молодому товарищу, – без ваших «гостинцев» здесь не обойдешься!

Бабаченко понимал капитана с полуслова. Захватив аппарат, он пополз к высоте. Его сейчас же начали обстреливать белофинские снайперы. Одна пуля ударила в кобуру револьвера, другая просвистела у самого уха. Он замер, притворился мертвым, выждал и опять пополз.

Свои остались далеко позади. Бабаченко был один, совсем рядом с врагом. Один? Нет! Лейтенант знал, что капитан Кравченко следит за каждым его движением. Он знал, что сердце капитана Кравченко в эти минуты также взволновано бьется в груди, как его собственное.

Лейтенант вырыл ямку за большим валуном. Распластавшись на снегу, он прижимался губами к телефонной трубке. Артиллеристы напряженно слушали его приказания.

Залп… снаряды падают за высотой. Поправка… залп. Снаряды падают совсем близко у высоты. Осколки металла и бетона ударяют в валун, за которым лежит лейтенант. Бабаченко доволен. Корректируя стрельбу, он подводит огонь почти на себя. Залп… Залп… Залп. Его осыпает землей камнями, осколками «собственного» валуна.

– Бедовый… – с тревогой и восхищением думает, покачивая головой, капитан Кравченко. – До чего бедовый. С огнем играет!

Но Бабаченко верит в меткость своих батарейцев. Он лихорадочно стряхивает с лица снег, землю, каменную пыль и, почти вдавливая трубку в землю, отдает новые приказания.

Залп!.. Залп!.. Залп!..

Уже разбит один финский блиндаж. Другой. Третий. Глаза Бабаченко блестят. Сердце стучит непрерывными очередями. Мокрое лицо, иссеченное каменными осколками, совсем почернело от грязи. Тонкие струйки крови стрекают со лба.

Он следит за разрывами и опять примыкает губами к трубке.

– Знаменито работаешь артиллерист! Ну, переноси теперь огонь в глубину.

Бабаченко поднимает голову и вдруг видит знакомое дружеское лицо, теплые, смеющиеся глаза капитана Кравченко. За комбатом по всей лощине ползут бойцы.

– Помог, лейтенант! – говорит Кравченко. – Здорово помог!

– Ложитесь, капитан, – кричит Бабаченко. – Здесь наша артиллерия бьет! Вот рисковый вы человек…

Капитан усмехается… Ему хочется сказать лейтенанту какие-то особые ласковые слова… Но времени для дружеских излияний

нет. Огонь перенесен в глубину и начинается сокрушительная атака пехотинцев кравченского батальона… Федор Бабаченко бросает свой командный пункт и бежит с пехотинцами вперед рядом с командиром батальона капитаном Кравченко.

… Продвигаясь вперед, наступая на опорные пункты белофиннов, батальон капитан Кравченко не раз заходил во фланг противнику. Кравченко давно понял преимущество этого маневра перед лобовой атакой, и победа давалась ему малой кровью. Он берег своих бойцов, заботился о них. И бойцы отвечали ему тем же.

После захвата селения Ляхде полк майора Рослого вместе с танками вышел к станции Кямяря. Дорога к станции была сплошь минирована. Два танка вырвавшиеся вперед тут же вышли из строя. Движение танков было задержано, но батальон Кравченко получил приказание наступать на станцию.

Кравченко стремительно ворвался в Кямяря.

Готовясь к отступления, белофинны подожгли станцию, но не успели уничтожить вооружение и боеприпасы. Батальон захватил до миллиона патронов, большое количество обмундирования и снаряжения. Были взяты в плен финские саперы. Они должны были взорвать станцию, но не успели.

Батальон Кравченко занял оборону за станцией. У многих бойцов от новой большой победы несколько кружились головы. Но капитан был спокоен, как всегда. Расположив свои роты, он приказал бойцам далеко в стороне разжечь несколько костров. Кравченко готовился к посещению незваных гостей. И, действительно, ночью в воздухе зашумели моторы финского самолета. Покружившись над станцией, самолет сбросил бомбы на костры и улетел… Бойцы, отдыхавшие вдали от костров, посмеивались и хвалили своего хитрого «Чапаева».

– Ну и дали финны жару нашим кострам! – ухмылялся «Петька».

А Кравченко, обследуя местность, набрел на превосходную баню, неизвестно каким чудом уцелевшую от снарядов. Судя по листовкам и прокламациям, здесь помещался финский штаб, но печь и котел были в полной исправности. В печах финны разбирались неплохо. Печи здесь складывали знаменитые. И Кравченко, как только увидел котел, решил устроить себе праздник по поводу взятия Кямяря.

Вместе с «Петькой» истопил он баньку финскими прокламациями. А тут и командир полка Рослый явился. Увидев пар, идущий от котла, Рослый понимающе подмигнул капитану. Отложили временно командиры свои дела, крепко прикрыли двери и вскоре исчезли в облаках пара. Так «отпраздновал»

комбат свою крупную победу над врагом.

…123-я дивизия продвигалась к Выборгу. На подступах к городу предстояли новые серьезные бои.

18 февраля в 12 часов батальон капитана Кравченко, действуя в головном отряде дивизии, достиг опушки рощи. Здесь пехотинцы были встречены яростным огнем. Разведка и наблюдение установили, что силы противника были значительны.

Командир дивизии полковник Алябушев приказал атаковать противника двумя батальонами полка Рослого. Но атака была отбита. В наших батальонах было много убитых и раненых.

Роты залегли у самых надолб. Сюда подползали командир дивизии Алябушев и командир полка Рослый. Вдруг совсем рядом с командирами разорвался снаряд.

«И чего лезут под огонь, – сердито думал Кравченко, – Разве это их дело!..»

оставив всякую субординацию, он сурово предложил командирам спрятаться в воронку. Он знал, что жизнь командиров слишком дорога, чтобы отдавать ее под удар шальной пули. Командиры беспрекословно подчинились требованию капитана и, лежа в воронке, склонились над схемой наступлений, которую набросал Кравченко.

Однако наступление велось медленно. Приходилось с боем брать каждый клочок земли.

19 февраля наши роты начали теснить противника. В 100 метрах от финских позиций Кравченко из маленького окопчика следил за продвижением своего батальона, когда к нему подполз помначштаба полка капитан Коваленко.

– Приказ командира полка: развивать успех…

Капитан Коваленко не успел договорить. Удар. Разорвался снаряд. Перед глазами Кравченко все поплыло. Когда капитан пришел в себя, руки и лицо его были в крови, но никакой боли он не испытывал. А рядом лежал Коваленко с разбитой головой. Это его кровь была на лице у Кравченко.

Капитан потерял свое спокойствие.

– Ах, черти!.. Ах, сволочи!..

Кравченко выскочил из окопа. Что-то сразу же толкнуло его в грудь, острая боль пронизала все тело. Но он бежал вперед. К ротам… В атаку! А халат уже багровел от крови.

– Вы ранены, товарищ комбат, – закричал в ужасе «Петька».

Кравченко внезапно остановился, тускнеющими глазами посмотрел вперед на атакующую роту и упал.

Лейтенант Бобаченко нагнулся над ним. Кравченко что-то шептал. И последние слова его были такими же деловыми и будничными как всегда;

– За меня… остается… Грицак…

Бабаченко приказал увезти комбата. Он хотел сам отправить его, но не мог уйти с поля боя… А «Петька» раздобыл узкую финскую лодочку, положил на нее безжизненное тело капитана и, не обращая внимания на пули, сам почти без чувств от горя, повез своего «Чапаева» в тыл.

…Из блиндажа, в котором помещался командный пункт полка, выскочил Рослый. Он уже знал о случившемся несчастье. Майор подбежал к своему боевому другу. Он нагнулся над лодкой, долго смотрел на капитана, потом тихо поцеловал его в лоб. И вдруг капитан открыл глаза и чуть заметно улыбнулся, узнав майора.

– Жив, жив, – закричал Рослый. Голос его даже дрогнул от волнения. – Еще поживем, капитан, еще повоюем…

И он долго смотрел вслед санитарам, увозящим лодочку, легко скользящую по снегу.

Земля опять поплыла перед глазами капитана, и елки почему-то вздымались над ним корнями вверх. Это было странно, необычайно странно… Комбат глубоко вздохнул и больше уже ничего не видел…

Друзья встречаются вновь

18 апреля 1940 года Герой Советского Союза капитан Кравченко вернулся из госпиталя в полк.

Кравченко ехал из Ленинграда в Выборг поездом. Он смотрел в окно. Весеннее солнце растопило снега, и неузнаваемы были те места, где сражались его боевые роты, места, обильно смоченные горячен кровью его бойцов.

…Станция Кямяря…

Да… Как недавно и как давно это было!..

Маленький домик с высокой трубой мелькнул мимо окна вагона… Баня… Да это же та, знаменитая баня! Кравченко необычайно остро захотелось поскорей увидеть Ивана Павловича Рослого, друзей – командиров, бойцов, «Петьку»…

Но Рослый находился в Москве. Капитан Кравченко, назначенный помощником командира полка, с первых же дней стал командовать полком. А дни стояли горячие. Шла подготовка к первомайскому параду.

Вначале как-то непривычно было возвращаться к будничной учебе, строевым занятиям, маршировке. Будто и не было этих суровых дней войны… будто и не было той воронки перед дотом…

Но все это было… и бойцы стали иными, и сколачивать полк было легче во много раз.

В яркий весенний день Кравченко построил полк на плацу над самым заливом. И вдруг в воротах показался Рослый. Издалека виден был блеск золотой звездочки на его груди.

Герой Советского Союза капитан Кравченко принимает орден Ленина из рук всесоюзного старосты

Никогда, кажется, капитан Кравченко не испытывал такого волнения. Старый боевой друг… Как он соскучился по нем!..

– Полк, сми-и-рно! – скомандовал Кравченко.

Полк замер.

Через весь плац пошел Кравченко навстречу командиру полка четким, сильным шагом прирожденного пехотинца. И вот они стоят друг перед другом на плацу, залитом весенним солнцем, и на них смотрит весь полк.

– Товарищ майор, – начал было Кравченко, но взглянул на петлицы друга и осекся… – товарищ половник! Полк построен для тренировки к первомайскому параду!

А глаза говорили о радости встречи, о мужественной дружбе, проверенной в боях…

– Здравствуйте, капитан, – сказал Рослый и пожал руку Кравченко. – Здравствуйте, товарищи!..

И полк дружно, одним выдохом ответил:

– Здравствуйте…

– А теперь, капитан, передайте командование начштаба. Вы мне нужны.

Они прошли вдвоем через плац, молча вошли в кабинет полковника и остановились посередине комнаты. Рослый положил руки на плечи капитана.

– Вот и повстречались, Ваня… – сказал он тихо. Первый раз в жизни назвал Кравченко по имени. – Вот и повстречались…

* * *

Ослепительно светит солнце над Выборгским заливом. Свежий ветер с залива развевает красные знамена над домами старого города Выборга.

Торжественным маршем выходят на первомайский парад части 123-й дивизии. Впереди дивизии краснознаменный полк, а впереди полка Герой Советского Союза полковник Рослый. Рядом с Рослым – Герой Советского Союза Иван Яковлевич Кравченко.

А через несколько дней полковник Рослый прощается со своим полком. Рослый с грустью пожимает руки старым друзьям. Новая большая работа ждет его.

…И опять собираются части дивизии на большую выборгскую площадь.

Председатель Верховного Совета Союза ССР Михаил Иванович Калинин вручает дивизии орден Ленина, вручает ордена славным ее бойцам. Впереди дивизии краснознаменный полк, и новый командир полка – Герой Советского Союза капитан Кравченко принимает орден Ленина из рук всесоюзного старосты.

Исбах А.А. «Боевые дни» – М. Госполитиздат, 1941. – 32 с.

Бои в Финляндии. Воспоминания участников

Генерал-майор Ф. Алябушев 123-я ордена Ленина стрелковая дивизия

Тридцатого ноября 1939 года, выполняя волю советского народа, части Красной Армии перешли государственную границу. Среди них была 123-я стрелковая дивизия.

Основной удар противника приняли на себя части первого эшелона. 123-й стрелковой дивизии, находившейся тогда во втором эшелоне, пришлось вести борьбу с мелкими группами, противника и преодолевать устроенные белофиннами заграждения.

Некоторые бойцы, столкнувшись с неожиданными для них формами сопротивления противника (мины, «кукушки» и пр.), терялись.

В то время наши бойцы еще не научились «прочесывать» лес, что имеет огромное значение во время боев в лесных условиях, не умели находить мины, хорошо маскироваться…

Однако это не могло сломить и не сломило воли бойцов и командиров. Продолжая теснить противника вглубь Карельского перешейка, дивизия одерживала все новые победы. Уже в начальный период военных действий за боевые заслуги было присвоено звание Героя Советского Союза красноармейцу Соломонникову, а 38 бойцов и командиров дивизии получили ордена и медали.

Ко второй половине декабря дивизия подошла к переднему краю линии Маннергейма.

Стояли морозы в 35–40 градусов. Бойцы ютились в норах. Землянок не было. В такой обстановке трудно было вести серьезную борьбу с противником, которая требовала тщательной подготовки, точного плана.

Необходимо было как можно скорее обогреть и ободрить бойцов. Построили землянки, поставили в них печи. Получили перчатки, валенки, телогрейки, а для командного состава еще и полушубки. Усилили питание.

Одновременно началась разведка оборонительной системы противника. Об этой системе командованию дивизии почти ничего не было известно. Были организованы дневные и ночные поиски. И вот во время одного из ночных поисков был взят в плен сержант пехотного финского полка в то время, когда он выставлял секреты. Сержант заявил, что прибыл в свой полк недавно, но уже успел побывать на высоте 65,5 и в роще «Молоток». На высоте 65,5, по словам сержанта, он видел два дота, вооруженных пушками и пулеметами, а в роще «Молоток» – один дот, вооруженный пулеметами. Рассказал он и о деревоземляных сооружениях, о ходах сообщения между дотами и так далее.

После этого было установлено наблюдение за дотами, а артиллерия стала вскрывать отдельные бугорки высот. Прежде всего, вскрывались каменные и земляные «подушки», которыми доты маскировались; затем подвергались обстрелу и сами укрепленные точки.

К первой половине января выяснилось, что линия сопротивления на участке дивизии от рощи «Молоток» до высоты «Язык» имеет три опорных пункта.

В роще «Молоток» были два железобетонных дота и несколько деревоземляных укреплений. На высоте 65,5 имелись железобетонные доты с большими убежищами и четыре-шесть

деревоземляных укреплений.

Этот дот штурмовал батальон капитана И.Я. Кравченко (современный вид)

Это был наиболее мощный узел укреплений. За ним располагалась высота «Язык». Здесь дот имел форму капонира с амбразурами, из которых можно было обстреливать с одной стороны озеро Сумма-ярви, а с другой – подступы к высоте 65,5. Здесь же находились хороший наблюдательный пункт с двумя стальными колпаками и ряд деревоземляных укреплений.

Все укрепленные пункты противника были тесно связаны между собой. Взять их можно было только одновременно, так как один дот прикрывал подходы к другому.

К 15 января мы выявили до десяти железобетонных и восемнадцать деревоземляных укреплений. Их-то и предстояло нам разрушить, чтобы прорвать в этом месте линию Маннергейма.

Прежде всего, решили обстрелять прямой наводкой из тяжелых орудий высоты 65,5 и «Язык».

18 января на заранее подготовленную площадку в 400–450 метрах от дота мы подвезли 152-миллиметровую пушку. Чтобы заглушить шум тракторов, прибегли к артиллерийской канонаде. Все обошлось хорошо. Этой пушкой был сбит стальной колпак наблюдательного пункта дота на высоте «Язык» и повреждена его амбразура. Удалось повредить и часть дота на высоте 65,5.

Дивизия готовилась к решительному наступлению. Следовало распределить части для решения сложнейшей боевой задачи в зависимости от их боеспособности и слаженности. Уже давно в нашей дивизии выделялся стрелковый полк майора Рослого. Майор Рослый, капитан Сорока, капитан **Кравченко,** комиссар Коршаков и другие пользовались заслуженным авторитетом у бойцов. Бойцы этого полка не раз показывали примеры героизма в боях.

Поэтому было решено – против главных пунктов сопротивления противника, а именно против высоты 65,5 и рощи «Молоток» направить стрелковый полк майора Рослого. Против высоты «Язык» определили место расположения другого стрелкового полка. Во втором эшелоне надлежало идти третьему стрелковому полку.

Дивизии была придана артиллерия. Имелись и пушечные полки, и гаубичный полк, и группы дальнего действия. 108 орудий, начиная от 76-миллиметровых и кончая 280-миллиметровыми, решено было установить на огневых позициях. Полоса прорыва равнялась трем километрам. Пехоте были приданы также танковые батальоны, инженерный батальон.

В тылу мы устроили учебное поле. На нем день и ночь проводились занятия. То, что обнаружилось в системе укреплений противника, мы старались воспроизвести на учебном поле и тренировались в условиях, наиболее приближенных к боевым. На учебном поле преодолевали проволочные заграждения, вели огонь по укрепленным точкам, блокировали

доты и т. д.

Главное внимание обращали на движение пехоты за огневым валом, на использование щитков и взаимодействие пехоты с танками, с полковой и батальонной артиллерией во время боя. Отдельно проводились занятия с командным составом. Как я уже указывал, два стрелковых полка должны были идти в первом эшелоне, а третий стрелковый полк – во втором. В том же боевом порядке мы развертывали полки на тренировочных занятиях. Для достижения большей подвижности бойцы осваивали лыжное дело, совершая 15-километровые переходы при морозе в 40 градусов.

К 4 февраля боевая подготовка дивизии была закончена. Выбрали места для наблюдательных и командных пунктов больших и малых подразделений, разработали схему связи. Танки в точно установленное время проходили расстояние, которое им надлежало пройти во время боя. Инженерные войска оборудовали исходные рубежи, на флангах устроили окопы и блиндажи. Все было готово к атаке.

На случай контрподготовки со стороны противника для наших резервов по дороге были вырыты щели.

Большим вниманием стала пользоваться маскировка. Опыт декабрьских боев, когда подразделения шли на высоту 65,5 без всякой подготовки, не разведав, как следует, местности, не замаскировавшись, был полностью учтен.

Настроение в дивизии круто изменилось. Если раньше слышались отдельные голоса, что ничего, мол, не выйдет, то теперь во всех подразделениях нетерпеливо ждали дня решительного наступления.

– Скоро ли наступать? – спрашивали бойцы.

Части первого эшелона хорошо отдохнули и к началу февраля получили свежее пополнение.

В разведку мы посылали бойцов второго эшелона, чтобы части первого были к моменту Соя в полной силе, сохранности и готовности.

Командование батальонов крепче взялось за руководство тылами. Решили ни одной лишней повозки не допускать на территорию, где должны бы ли разыграться боевые действия, чтобы ничто не мешало продвижению войск.

Наконец, был разработан детальный план решающей атаки. Планирование артиллерийского огня построили так, чтобы вконец запутать противника, учитывая опыт декабрьских боев. Тогда, во время переноса нашего артиллерийского огня в глубину оборонительной полосы, финны спокойно выходили из укреплений, занимали места в окопах и вели жестокий огонь по атакующей пехоте. Теперь мы решили прибегнуть к ложным

переносам огня. Порядок артиллерийского огня был заранее разработан с точностью до минуты.

2 часа 20 минут должна была проходить артиллерийская подготовка. За десятиминутным огневым налетом следовал методический огонь (15 минут), затем снова огневой налет (5 минут), далее ложный перенос в глубину (15 минут), потом снова огневой налет (10 минут), методический огонь (20 минут) и т. д. Перед самой атакой ложный перенос огня продолжался уже 30 минут.

Артиллеристы подготовили все расчеты. Даже в том случае, если бы была порвана связь с командным пунктом, ничто не смогло бы остановить проведение точно разработанного плана прорыва линии Маннергейма. Командиры и политруки широко разъясняли в своих подразделениях план артиллерийского огня. Каждый знал свое место в предстоящей атаке.

10 февраля пришел приказ: частям дивизии 11 февраля перейти в наступление. Было указано, что час атаки будет сообщен дополнительно. Вечером нам указали и час атаки: 12.00.

Незабываема ночь с 10 на 11 февраля. Никто в дивизии не спал. Шла окончательная подготовка к прорыву. Артиллерия танки, пехота занимали свои места, согласно плану. Командный пункт дивизии перешел на другое, заранее подготовленное место (высота 54,2), ближе к огневым позициям. Связь там была уже готова.

К 8 часам все части заняли свои исходные рубежи и замаскировались так, что даже я с трудом мог обнаружить

некоторые танки, хотя и знал о месте их пребывания.

На поле предстоящего боя не было никого.

В эту напряженную ночь я побывал почти во всех подразделениях и всюду наблюдал такую уверенность в победе, такой порыв вперед, на штурм линии Маннергейма, что стало ясно: теперь ничто не может остановить бойцов!

Бойцы крепко верили в своих командиров, и настроение у них было приподнятое. Все чувствовали, что предстоит одно из величайших в истории сражений, которое решит дальнейший ход войны.

В 9 часов 40 минут началась артиллерийская подготовка. Велась она классически. Тысячи снарядов полетели на головы врагов. Ни на одну минуту не прерывалась связь с командным пунктом. Два часа гремели орудия всех калибров, поднимая вверх груды земли. Осталось 20 минут до конца артиллерийской подготовки. Загудели моторы. Танки пошли вперед с исходного рубежа. Ровно в 12 часов они соединились с пехотой. За танками на бронесанях двинулись пехота и саперы с взрывчатыми веществами.

Враг думал только о своем, спасении. Дезорганизованный ложными переносами огня, он потерял много людей убитыми и ранеными. А когда началась атака и наш огневой вал уже по-настоящему прикрывал пехоту, белофинны не решились вылезти из своих нор. Они боялись повторения внезапных огневых налетов.

Не прошло и получаса с начала атаки, а над центральным дотом высоты 65,5 уже развевалось знамя с портретами Ленина и Сталина.

Остановить наши части теперь не смогла бы никакая сила. К концу дня почти без потерь взяты были и остальные

железобетонные укрепления. Захваченные пленные заявили, что финны были ошеломлены внезапностью атаки.

В ночь с 11 на 12 февраля враг кое-где пытался перейти в контратаку. На некоторых участках было до десяти таких попыток. Но белофиннам уже не было спасения. Такая уверенность, такая сила была в наших бойцах, что все попытки врагов отбросить нас с занятых рубежей не привели ни к чему.

Дот за дотом мы прорывали первую линию обороны противника. Плохие дороги мешали быстрому продвижению наших войск. 15 февраля мы впервые применили танкодесантные операции. Прямо на танки с пулеметами и гранатами усаживалась пехота и громила врагов.

Финны отступали…

К 17 февраля, пройдя в труднейших условиях за 2 дня 12 километров, мы подошли ко второй линии обороны противника – на рубеже Кусисто – полустанок Хантемяки – Хумола. Тут снова нас встретили надолбы и противотанковые рвы, и проволочные заграждения, и минные поля. К этому времени наша дивизия опередила другие соединения.

20 февраля завязался бой за высоту 47,8 у озера Липиенлампи. Это была довольно поучительная борьба. Местность лесистая. Из леса стреляли и настолько интенсивно, что наши немного растерялись. Прихожу в батальон, спрашиваю:

– Почему не идете?

– Стреляют.

– Откуда?

– Из лесу.

Я приказал пулеметами «прочесать» лес сверху донизу. Стрельба прекратилась. Но занять этот лесок, нам еще долго не удавалось. Где бы мы ни сосредоточились в нем, противник засыпал нас снарядами, расставлял поблизости мины. Это было довольно странным явлением. Командир 1-го батальона организовал поиски. Он нашел и обезоружил группу белофиннов с офицером во главе. Они бродили по лесу, имея радиостанцию и телефон, и сообщали своей батарее о расположении наших войск. С ликвидацией этой группы разведчиков-белофиннов прекратился обстрел наших частей. Отсюда вывод: во время наступления требуется особенно тщательная разведка леса.

Вскоре была взята станция Тали. Наши бойцы проявили большой героизм, когда приходилось форсировать затопленные финнами полосы.

Вода была выше колен, но водная преграда не остановила красноармейцев. Они прошли через нее, подняв винтовки кверху.

Бои в Финляндии явились для бойцов нашей дивизии

хорошей боевой школой.

Комабат И.Я. Кравченко со своими чудо-богатырями (второй ряд, третий справа). 1940 год.

* * *

Белофинская печать утверждает, что вся 123-я стрелковая дивизия состоит из коммунистов. Конечно, это не так. Но наши непартийные большевики шли в ногу с коммунистами и победили.

Весь боевой путь 123-й стрелковой дивизии является наглядной иллюстрацией к словам Народного Комиссара Обороны Героя и маршала Советского Союза товарища Тимошенко о том, что «мы будем побеждать малой кровью только тогда, когда научимся образцово владеть своей техникой, применять ее в любых сложных условиях, когда наши люди будут обучены искусству воевать».

За боевые заслуги награждены орденом Красного Знамени стрелковый полк майора Рослого и артиллерийский полк дивизии, 22 человека получили звание Героев Советского Союза, 981 человек награжден орденами и медалями.

За прорыв линии Маннергейма дивизия награждена орденом Ленина.

11 мая товарищ Калинин, выдавая ордена и медали бойцам, командирам и политработникам, участникам боев с белофиннами, в своей речи особо сказал о нашей дивизии.

– Эта дивизия, – заявил он, – ныне существующая, выковалась в борьбе с белофиннами и получила право на свое дальнейшее существование.

Майор С. Степанов

Прорыв

Перед нами современная, построенная по последнему слову техники линия Маннергейма. Эта укрепленная линия, которую по праву сравнивали с линиями Мажино и Зигфрида, являлась последней надеждой финской буржуазии.

Ее искусно замаскированные, прикрытые лесами и снегом доты и дзоты осыпали нашу дивизию от Меркки до Суммы свинцом пуль и сталью снарядов.

123-я стрелковая дивизия остановилась перед этим шквалом огня. Батальоны атакуют линию Маннергейма. Встреченные фланговым и косоприцельным огнем невидимых дотов, отходят назад. Отдельные подразделения прорываются за передний край укрепленной полосы. Втиснутые в снег плотным огнем пулеметов, они лежат без движения, скованные холодом. Коченеет каждая частица тела. Как хочется потереть лицо, руки, ноги! Но малейшее движение вызывает фланговый огонь. И только ночью, под прикрытием окаймляющего огня артиллерии, удается отойти назад. В сердце каждого бойца огромная, невыразимая ненависть к белофиннам.

Вот выносят раненых, но не слышно стонов и жалоб на боль. Стиснуты зубы. Один из бойцов бережно, с материнской нежностью укладывает в санитарную двуколку своего тяжело раненого товарища, вынесенного им из боя. Укрывает его одеялом и, как родного брата, целует в лоб. Губы что-то шепчут, большие, усталые глаза покрываются влагой, слезы катятся по обветренному лицу.

– Мне прислали посылку, – приглушенным голосом говорит раненый, – возьми ее, поделись с другими.

По узкой тропе в частом ельнике идет рослый, широкоплечий боец. Он ругается и сердито кому-то грозит кулаком.

– Что случилось? – спрашиваю я, выходя на тропу.

– Ранили, товарищ майор…

– Куда вы ранены?

– Да вот, в плечо. Где здесь пункт медпомощи, товарищ майор?

Рана серьезная, но боец не думает о ней. Его бесит сопротивление врага. После перевязки хочет снова в бой.

Но одной храбростью, отвагой и мужеством не возьмешь железобетонных укреплений врага. Для преодоления линии Маннергейма, помимо бесстрашия, требовались высокая организованность, выучка и тесное взаимодействие всех родов войск.

Фронт атаки нашей дивизии сужается.

Началась подготовка к прорыву. Справа и слева выходят соседние воинские части. Прибывают для усиления огневого воздействия гаубичный и другие артиллерийские полки большой мощности. Увеличивается количество танков. Изучается опыт предыдущих боев. Анализируются неудачи, конкретно разбираются ошибки всех родов войск.

Начались занятия с командирами полков, батальонов – дивизионов, рот – батарей. Основной упор – на взаимодействие. В тылу полка, в глубоком снегу пехота с танками и артиллерией «штурмует доты». Сколачиваются блокировочные группы. Танки оснащаются всем необходимым для преодоления противотанковых рвов и тренируются в преодолении их.

Артиллерия начала свою подготовку к прорыву с разведки.

Нарезаются полосы для разведки дивизионам, уточняются и конкретизируются их задачи. Густая сеть наблюдательных пунктов расположена так, чтобы ни одна точка на переднем крае противника не осталась вне наблюдения. Передовые наблюдательные пункты находятся непосредственно в расположении пехоты. Базы сопряженного наблюдения дивизиона оборудуют свои пункты на высоких соснах.

Началась методическая артиллерийская разведка. Посредством перископа, бинокля, стереотрубы, а также и невооруженным глазом прощупываются каждый куст, каждая кочка, бугорок. И за любым, пусть даже самым маленьким клочочком земли, где только можно подозревать огневую точку противника, устанавливается неослабное наблюдение. Если оно не дает результатов, разведчики-артиллеристы, утопая в рыхлом, глубоком снегу, ползут к интересующему их объекту и наблюдают за ним почти в, упор. Они идут с пехотой в ночные поиски, проникают за передний край обороны противника и добывают нужные сведения для артиллерийских штабов. Старший лейтенант Желанов, лейтенант Бондарь и бесстрашный заместитель политрука Мысягин под покровом ночи подползают к нашим подбитым танкам, оставленным на брустверах траншей

противника, забираются в танки, ведут оттуда разведку, наблюдая за передним краем укрепленного района. Много дней проводят они в танках и получают исключительно ценный материал о дотах, пулеметных гнездах, расположении траншей, ходах сообщения и блиндажах. Когда удается, устанавливаем телефонную связь с таким временным наблюдательным пунктом, и оттуда корректируется огонь по обнаруженным огневым точкам.

Но всего этого, конечно, мало для того, чтобы полностью расшифровать линию Маннергейма. И вот огнем отдельных орудий прощупываются подозрительные снежные бугорки. Некоторые из них при прямом попадании снаряда дают высокий огненный язык, появление которого сопровождается резким, режущим ухо, металлическим звуком. Это бетон. Значит, здесь железобетонный дот. Земляная маска его вскрыта, и он передается для разрушения артиллерии большей мощности.

Методично долбят дот тяжелые, бетонобойные снаряды. Высоко взлетают вверх громадные, черные с огнем, столбы взрывов. Прямое попадание тяжелого снаряда в стальную плиту или железобетонную стенку дота вызывает резкий металлический звук необычной силы. Содрогается земля, и, кажется, что передняя стенка наблюдательного пункта как бы падает на тебя.

Оголяются стены хваленых маннергеймовских сооружений. Кусок за куском отлетает бетон. Стальные плиты дают трещины. Острыми, изуродованными концами торчат железные брусья дота, похоронившие под собой обитателей укрепления.

* * *

Соревнование по разведке огневой системы врага ширится. Люди увлекаются разведкой. Каждый день подводятся итоги.

Линия Маннергейма с нашего наблюдательного пункта еще недавно выглядела мирным финским ландшафтом. Густой лес покрывал ее. На деревьях были большие шапки снега. Теперь же на разведывательной схеме перед нами детальный план всей огневой системы противника. Жирными кружками обозначены доты № 006, 008, 0021 и дзоты № 13, 14 и 19. Черной зубчатой линией показаны траншеи, соединяющие доты и дзоты. На схеме густая сеть точек – это огневые точки. И далее наблюдательные пункты, ходы сообщений и блиндажи. Все ясно. Теперь можно реально планировать артиллерийскую подготовку для всей группы.

Батареи, так же как и мы, уже давно ведут интенсивную

подготовку к прорыву. Бойцам скорее хочется покончить с зарвавшимися белофиннами.

Идет напряженная работа по оборудованию передовых огневых позиций, с которых в день атаки будет проводиться артиллерийская подготовка. Строятся солидные орудийные окопы, погребки для снарядов, блиндажи. Каждая батарея гордится чистотой и надежностью оборудования, хорошей маскировкой. Предусматриваются все мелочи, вплоть до санок, на которых нужно будет подвозить из погребов боеприпасы: предстоит большой расход снарядов, расчет не в состоянии будет вынести их на руках. Снаряды заранее раскладываются по периодам артподготовки. Проложены необходимые для передвижения дороги и тропы.

Связисты также не отстают. Учитывая опыт прошлого, когда свои же танки нарушали телефонную связь, наматывая кабель на гусеницы, связисты подвешивают кабель на высокие столбы. В артиллерийской группе связь организуется как по линии наблюдательных, так и по линии командных пунктов. Огневые позиции батарей дивизионов тоже связаны между собой. Широко применялась и радиосвязь. Такая организация связи гарантирует бесперебойное управление огнем группы и дивизионов.

По инициативе командира стрелкового полка майора И. Рослого пехота сапой подбирается к вражеским дотам и траншеям, идущим по восточным скатам высоты 65,5, и в 60 метрах от них оборудуются исходные рубежи для атаки. Отважные саперы проделывают проходы для танков в многорядных, доходящих до 12 рядов, надолбах.

Расставлены все огневые средства пехоты – пулеметы, минометы, противотанковые орудия, полковая артиллерия. Все нацелено. Все получили конкретные, ясные задачи.

* * *

В небольшой, жарко натопленной землянке у майора Рослого происходит совещание перед штурмом. Здесь представлены пехота, артиллерия, танковые части. Спокойный, выдержанный командир, человек большой культуры и прекрасный организатор, майор Рослый в последний раз подробно, учитывая каждую мелочь, излагает план атаки. Еще раз уточняются сигналы взаимодействия. Проверяется, понимает ли каждый командир свою задачу и задачи других родов войск.

Входит командир дивизии полковник Алябушев. Он интересуется каждой мелочью, обращая главное внимание на

взаимодействие пехоты с артиллерией и танками, на использование всех огневых средств пехоты. Он проверяет снаряжение и подготовку питания бойцов на время штурма. Недоговоренностей нет.

* * *

10 февраля поступил приказ о наступлении. Завтра, после длительной артиллерийской подготовки, идем на штурм. Сердце учащенно забилось. Мысль сверлит голову: «А все ли у тебя готово, не упустил ли чего в своей работе. Не будет ли лишней крови по твоей вине?»

Штаб нашего артиллерийского полка немедленно приступает к планированию огня. Под карандашом помощника начальника штаба младшего лейтенанта Тараканова лист бумаги быстро начинает пестреть трех – и четырехзначными цифрами. Ровными колонками размещаются цифры в таблице огня группы. Завтра они оживут. Разрезая морозный воздух, тысячами полетят из жерл грозных орудий снаряды на укрепления линии Маннергейма.

Отработка документов закончена. Все необходимые сведения переданы в дивизионы.

Ясная, тихая ночь. Поражает необычная тишина. Нигде ни выстрела, ни звука. Артиллерия не ведет даже обычного беспокоящего огня. Часовой у землянки штаба замечает:

– Эх, хороша ночка! Вот такая, наверно, и у нас в деревне.

Четыре часа ночи 11 февраля.

Я и начальник штаба капитан Иваницкий, перелезая через брошенные финские траншеи и колючую проволоку, идем проверять боевую готовность дивизионов группы.

В землянках штабов дивизионов заканчивают работу. Составляются выписки из таблицы огня для командиров. Они все здесь. Задают ряд вопросов. Еще раз уточняют свои задачи, документы и, серьезные, озабоченные, спешат к себе на пункты.

Возвращаемся на свой командный пункт. Отдыхаем последние минуты перед решительной схваткой. Но вот уже настало время пойти на наблюдательный пункт. Берем все документы по управлению огнем и с комиссаром тов. Закладным и помощником начальника штаба тов. Таракановым направляемся к новому, только что подготовленному наблюдательному пункту.

При выходе из землянки нас поражает резкая перемена погоды. Звездную ночь сменило туманное утро. Белая густая мгла закрыла все. В пяти шагах ничего не видно.

Вглядываюсь в лицо рядом идущего комиссара, стараясь

угадать его мысли, его переживания. Задумался комиссар. Очевидно, мысль «все ли предусмотрено?» беспокоит и его. Беспокоит его и подготовка людей; все ли отлично выдержат экзамен, не будет ли малодушных, которые спасуют перед трудностями, не выполнят своей задачи или посеют панику? Нет, таких не должно быть. Люди готовы перенести любые трудности, готовы они и на любые подвиги. Ведь каждый день при обходе позиций только и слышали мы вопрос: «Скоро ли начнем громить гадов?»

А с каким упорством и настойчивостью готовились мы к решительному наступлению! Были, правда, тяжелые дни, но никогда, даже в самую тяжелую минуту, не слышал я недовольства, жалоб на трудности. Наш (ныне Краснознаменный) артиллерийский полк – дружный, крепкий коллектив. Благодаря усилиям партийной и комсомольской организаций и всего начальствующего состава он сплотился, как никогда, и живет единой мыслью, мыслью всего многомиллионного советского народа: «Скорее наголову разбить зарвавшегося врага. Разбить его – наглого и безумного, осмелившегося поднять меч на страну социализма».

Вот мы на наблюдательном пункте. Впрочем, в тумане, кроме переднего бруствера пункта, ничего не видно. Не видно высоты 65,5, рощи «Молоток» и черных зияющих пятен на снежном покрове – полуразгромленных дотов. Связь со всеми дивизионами работает отлично. Вот передают о готовности дивизионов к открытию огня. До волнующего момента, когда от Ладожского озера до берегов Финского залива тысячи орудий общим залпом возвестят о начале штурма, остались считанные минуты. Командиры нетерпеливо посматривают на часы. Иногда, кажется, что стрелки часов остановились. Приставляешь часы к уху, затаив дыхание, вслушиваешься и слышишь однотонное тиканье.

До атаки осталось 5 минут. Летит команда по телефонным проводам: «О готовности доложить!» Особенно четко и ясно передаются команды телефонистами. И в ответ доносят:

– «Тула» готова! «Орел» готов! «Кировск» готов! «Пенза» готова!

9 часов 38 минут. Тишина. Все возбуждены. Кажется, перестаешь дышать в ожидании начала. Вот где-то слева, очевидно, в соседней стрелковой дивизии, кто-то, не выдержав, дает орудийный выстрел.

Не спускаю глаз со стрелки часов.

9 часов 40 минут.

– Группа, огонь!

Легче становится на сердце.

Одновременный страшной силы треск раздается сзади на огневых позициях батарей. Мгла как бы разрывается. Содрогнулась земля. Через голову с резким визгом проносятся снаряды первого залпа, а за ними – несмолкаемый, сплошной гул.

Редко слышны отдельные выстрелы. Все слилось воедино. Как будто бы из брандспойта льют через наши головы огненную струю смертоносных снарядов.

Но вот гул утихает. Теперь слышны только отдельные выстрелы. Это методический огонь.

Вскоре огонь с прежней силой обрушивается на противника.

Там впереди, в туманной мгле, видны вспышки разрывов.

11 часов 20 минут. Бегу на наблюдательный пункт командира стрелкового полка майора Рослого. Спрашиваю:

– Товарищ Рослый, как танки, как **Кравченко** и Сорока? Готовы ли к атаке?

– Да, готовы. Больше того, батальоны **Кравченко** и Сороки вышли на исходные рубежи. Прижавшись к огню артиллерии, они лежат, готовые к штурму.

Огонь артиллерии нарастает.

11 часов 40 минут.

Еще раз оправляюсь о готовности пехоты и танков. Ответ утвердительный.

Мгла рассеивается. Теперь уже достаточно ясно видишь, как точно и метко ложатся наши снаряды на передний край противника. Тяжелые снаряды дивизиона старшего лейтенанта Головкова своими мощными взрывами закрывают всю высоту 65,5. На траншеи белофиннов ложатся снаряды дивизиона старшего лейтенанта Яцкова. Роща «Молоток» неузнаваема. Вместо лесного ландшафта – изуродованные, ощипанные деревья. Вид этой рощи изменила отличная работа дивизиона старшего лейтенанта Крючкова.

Стрелка подходит к 12 часам.

Вот настал решающий момент. Неужели не прорвем? Нет, этого не может быть. Отбрасываю эти мысли.

– Группа, приготовиться к «Тигру»!

Вот и 12 часов.

– Группе «Тигр» – огонь!

Минутная пауза, несколько отдельных запоздалых выстрелов, и вглубь, за высоту 65,5 и рощу «Молоток», переносится смертоносный огневой вал.

Все полны напряжения. Затарахтели пулеметы. Слышен захлебывающийся лай финского «Суоми». Телефонная трубка у уха.

– **Кравченко** овладел дотом № 0021, – докладывает старший

лейтенант Крючков.

На лицах окружающих появляются улыбки. Передаю весть о падении дота майору Рослому по телефону. Какая это была радость для всех!

– На доте № 0018 красный флаг, – докладывает старший лейтенант Яцков.

Все впились теперь глазами в высоту 65,5. Там центральный дот № 006, куда и наносится главный удар. И вот, наконец, в 12 часов 28 минут и на центральном доте № 006 взвился красный флаг.

Поблескивая серебром могучих крыльев, пошли на север самолеты. Огневой вал, очищая путь пехоте и танкам, уходит все дальше и дальше, к роще «Фигурная».

Прорыв совершен!

Герой Советского Союза полковник И. Рослый

Одиннадцатое февраля

Наконец-то приблизился долгожданный час – час решающего боя. Ночь прошла спокойно. Наша артиллерия молчала, чтобы не вызвать подозрений у противника. Молчали и финны.

Над землей вставал рассвет, одетый в серую дымку. Наступало 11 февраля. В предутренней полутьме невидимым было движение войск. Бесшумно накапливался мой стрелковый полк на исходных рубежах.

Справа, на болоте, в полной готовности к атаке, расположился батальон тов. **Кравченко**. Левее, на главном направлении, против высоты 65,5, особенно сильно укрепленной противником (12 рядов надолб, ряды колючей проволоки, доты и дзоты), залег батальон тов. Сороки. 1-й батальон находился на левом фланге, во втором эшелоне. Танки ждали сигнала к выступлению.

Вот заговорили мощные орудия. Оглушающие залпы сотрясали воздух и землю. Непрерывный гул орудийных выстрелов сливался с разрывами снарядов, высоко подбрасывавших вырванные с корнями деревья и глыбы мерзлой земли на рубеже, занятом противником. Это началась артиллерийская подготовка.

Еще раз проверяю готовность батальонов к атаке. С правого фланга бойко отвечает знакомый голос…

– Кравченко, это вы?

– Я, товарищ командир полка, – ответил **Кравченко.**

– Как настроение людей?

– Все уверены в победе.

За него я спокоен: прекрасный командир, истинный патриот социалистической Родины! Недавно **Кравченко** ходил в разведку с группой бойцов и обморозил ноги. Его отправили в госпиталь. Он просил отпустить его в батальон, но врачи были неумолимы. Кравченко не желал даже на короткое время расставаться с боевыми друзьями, с которыми делил лишения фронтовой жизни и радость побед. Однако пришлось уступить.

Но вот **Кравченко** узнает, что завтра в полдень батальон пойдет в решительную атаку. При содействии санитарки он втайне от врачей покинул госпиталь. С неописуемой радостью встретили бойцы любимого командира.

Канонада длится более двух часов. Путь пехоте проложен. На переднем крае оборонительной полосы противника все, казалось, превращено в щепы и развалины.

По установленному сигналу огонь артиллерии быстро переметнулся за передний край обороны. Пехота устремилась на высоту 65,5 и в рощу «Молоток». Будто из-под земли выросли танки, вырвались вперед и пошли впереди пехоты. Еще мгновение – и первые группы бойцов ворвались в траншеи, вступили в рукопашную схватку с белофиннами, забрасывая их гранатами, уничтожая штыками, расстреливая в упор.

Почти одновременно батальоны **Кравченко** и Сороки заняли высоту и водрузили красные флаги на дотах.

Это была волнующая картина. Когда мелькнули на дотах флаги, в первых рядах загремело грозное «ура». Его подхватили все бойцы. Клич победы катился из края в край, сливаясь с гулом артиллерии, со стуком пулеметов.

Но линия Маннергейма на этом участке была прорвана только частично. За железобетонными сооружениями имелись деревоземляные, куда поспешно отходил противник. Немедленно продвинуться вперед на плечах неприятеля, не давая ему опомниться, добить его – такая задача стояла перед нами.

Сочетая огонь с движением, мы стремились все вперед и вперед. Забрасывали гранатами удиравших шюцкоровцев, поливали их свинцовым дождем. Почерневший снег покрылся трупами белофиннов. Преследование не приостанавливалось до рощи «Фигурная». Но у рощи мы были встречены ураганным огнем. Пришлось остановиться для перегруппировки сил.

Разведка установила, что у опушки рощи «Фигурная» протянулся противотанковый ров шириной в 7 метров. Противник, численностью до двух батальонов, зарылся в землю. Мы готовились к новой атаке. Ночью на левом фланге сделали

проходы для танков.

– Товарищ командир полка, – сказал мне капитан **Кравченко**, – лобовой атакой трудно взять противника. Это будет стоить больших потерь.

Кравченко был прав. Подступы к роще «Фигурная» противник прикрывал сильным огнем.

Я приказал **Кравченко** отвести батальон в рощу «Молоток», ночью обойти рощу «Фигурная» и ударить во фланг противника. Так и сделали. Внезапный удар по флангу привел врага в замешательство, он обратился в бегство. До 700 трупов белофиннов усеяло землю.

Этим маневром полк завершил прорыв линии Маннергейма.

* * *

Когда вспоминаешь о славных боях за безопасность северо-западных границ нашей Родины и колыбели Великой Октябрьской социалистической революции – города Ленина, с гордостью думаешь о боевых товарищах и друзьях по фронту. Некоторые из них пали смертью храбрых – вечная память им! – а живые неустанно крепят мощь Красной Армии и находятся в постоянной боевой готовности.

Герой Советского Союза лейтенант Ф. Бабаченко

От высоты 65,5 к Выборгу

Наша 123-я стрелковая дивизия готовилась к прорыву линии Маннергейма. К нам непрерывно подвозили снаряды; многочисленные батареи располагались на укрытых позициях. Все мы знали, что наступает решительный час, и ждали боя, как праздника. Желание у всех было одно – поскорее покончить с врагом!

Дни и ночи проводил я в разведке на передовой линии. Как всегда, вплотную подбирался к противнику, уточняя данные для ведения огня.

В то время я был начальником разведки дивизиона. Мои разведчики и связисты – это в большинстве спокойные, храбрые люди, хорошо знающие свое дело, готовые выполнить любое, самое опасное поручение. Ведь по роду нашей службы приходится быть впереди расположения своих войск и часто пробираться к линиям противника под сильным огнем. Натянешь на себя

маскировочный халат и, затаившись вблизи от вражеских укреплений, лежишь и наблюдаешь. Донимает мороз, чувствуешь, что весь застыл, а тут: не то, чтобы пробежаться или похлопать руками, – пошевелиться нельзя. Движение демаскирует наблюдателя, выдает его врагу…

Дивизион наш действовал вместе со стрелковым полком майора Рослого. Полк штурмовал надолбы, проволочные заграждения, подбираясь к узловой финской позиции – высоте 65,5.

Когда последовал сигнал к атаке, все ринулись вперед. Бойцы обгоняли друг друга, и в шуме выстрелов гремели возгласы:

– Ура! За Родину, за Сталина, вперед!

Я продвигался вместе с пехотинцами. Наши снаряды рвались на высоте, за мною связисты тянули провод, и надо было, как только наши подойдут к переднему краю, дать сигнал для переноса огня дальше, в глубь оборонительной полосы противника. Этого пришлось ждать недолго. Торопливо выкрикиваю в трубку новые данные. Уже боец, первым ворвавшийся на высоту, с размаху втыкает в снег древко знамени. И волна пехотинцев катится вперед, преследуя бегущих финнов. Кое-где еще кипит бой, особенно в том месте, где расположилась финская артиллерия. Батареи наши бьют с удивительной точностью, снаряды ложатся близко перед наступающей пехотой, и бойцы радостно кричат:

– Здорово пристрелялись! Молодцы артиллеристы!

И вот важнейшая высота в наших руках. Захвачен целый дивизион тяжелых финских 152-миллиметровых орудий. Финны отступили так поспешно, что не успели испортить орудия, не успели увезти снаряды. Мы используем вражескую артиллерию без промедления. Развертываем орудия в сторону отступающих, открываем огонь…

…Утром стало известно, что наша дивизия награждена орденом Ленина, и это сообщение еще больше подняло дух бойцов. Помню, стоит под большой сосной, запорошенной снегом, политрук. Вокруг него толпятся бойцы, и он взволнованно говорит:

– Дивизия награждена за успешный прорыв линии Маннергейма. Товарищ Сталин уже знает, как мы выполнили его наказ…

Его прерывают восторженные возгласы. Нарастает мощный красноармейский порыв, к новому бою готовы все…

Начинается наступление на селение Селямяки. Наш дивизион придается полку, которому поставлена задача – взять высоту у селения. Надо подготовить данные для артиллерийского огня.

Пробираюсь как можно дальше вперед, чтобы все разведать самому. У меня такой метод работы: все видеть своими глазами, чтобы не было никакой ошибки в вычисления. Связисты тянут за мной провод, и мы, где можно, перебежками, а где ползком, двигаемся к расположению противника.

Перед высотой – открытое место, метров до пятисот в глубину. Это пространство надо пройти нашей пехоте под огнем, белофиннов. Возле высоты торчат надолбы, а еще ближе к ней тянется противотанковый ров.

Полз я до тех пор, пока финны не взяли меня под перекрестный огонь. Все же нашел удачное место, откуда все было видно, осмотрелся, сделал вычисления и схватил трубку телефона. Первые снаряды рвались далеко, я давал поправки, пока не полетели в воздух тучи снега, мотки проволоки с деревянными кольями, обломки досок, бревна, тела белофиннов. Пользуясь замешательством, начавшимся среди финнов, я со своими связистами решил пробраться еще ближе к ним.

– Жарко там, – пробормотал один связист, – убьют…

– Со мной никогда не убьют, – отвечаю я. – Надо знать, как подобраться, да ближе – и безопаснее.

Мы поползли. Я решил проникнуть в противотанковый ров, проходивший всего в 70 метрах от неприятельского расположения. Там можно было хорошо укрыться, а кроме того, требовалось выяснить, нельзя ли что-нибудь сделать для свободного прохождения танков через ров. Оказалось, что из рва очень удобно наблюдать. Только успевай сообщать данные батареям.

Вот ураган огня обрушивается на белофиннов. Вокруг нас дрожит воздух. Противник огня почти не ведет: он деморализован, и наша пехота, пользуясь этим, подбирается ближе, готовясь к решительной атаке. Но надолбы, проволочные заграждения, деревоземляные укрепления еще не сметены. Я решаю разрушить их до конца и поэтому прошу пехоту получше залечь. Огонь переношу еще ближе к себе. Теперь противотанковый ров, где мы залегли, находится почти в зоне нашего огня. Осколки падают совсем рядом. Вижу, как вдребезги разлетаются неприятельские укрепления.

М.И. Калинин вручает орден Ленина полку И.Я. Кравченко. Май 1940 года

Артиллерийская подготовка окончена. Вместе с пехотинцами я прорываюсь через проволочные заграждения. Не отставая от меня, бежит артиллерист-разведчик Калмыков с винтовкой наперевес. Передо мною финский блиндаж, прыгаю туда и натыкаюсь на двух офицеров. У меня винтовка со штыком, и я пускаю его в дело. Бойцы лавиной врываются в блиндаж. Финны почти никогда не принимают штыкового удара. И те, что уцелели после первого натиска, бегут или поднимают руки вверх.

Батальон капитана **Кравченко** занял селение Селямяки со всеми его укреплениями. Жестокий мороз, но бой так разогрел всех нас, что никто не чувствует холода. **Кравченко** ходит по селению, указывая, как надо укрепиться на ночь. Выдвигается сторожевое охранение, пулеметы искусно маскируются в снегу. Потом **Кравченко** проверяет посты, подсаживается к пулеметчикам, тихо разговаривает с ними. Только поздно ночью ложится спать.

На другую ночь получаем приказ захватить Кусисто и Ахолу.

Пристроились в лощинке на срубленных ветвях, прижались друг к другу. Калмыков, сладко затягиваясь махоркой и пряча огонек в сложенной ладони, мечтательно говорит:

– Тянем мы наш провод, товарищ командир, все дальше и дальше. Интересно бы знать, сколько его надо тянуть еще до Выборга?

А кто-то из темноты отвечает:

– Вот назавтра его до Кусисто протянешь, а там уже близко.

И верно, завтра Калмыков протянул провод до Кусисто.

Только не сразу удалось нам это. У самого Кусисто финны встретили нас ураганным огнем. **Кравченко** сердито кричит мне:

– Что же, Бабаченко? Давайте артиллерию! Скорей!

Калмыков уже устроил в снегу гнездышко, аппарат чернеет на подостланной шинели. Шрапнель завизжала над нашими головами – перелет, недолет, и после обычной вилки я перешел на поражение. **Кравченко** с довольным видом помахал мне рукой и повел батальон в атаку. Через час мы были в Кусисто. Противник отошел к Хепонотке. Здесь дело было серьезнее. Вокруг Хепонотки у финнов было множество деревоземляных точек. А, кроме того, за многочисленными крупными надолбами, искусно прячась в ямках, сидели их снайперы с автоматами. Наша пехота залегла.

Я пополз вперед и в сторону, отыскивая лучшее и близкое к противнику место для наблюдения. Облюбовал большой камень и устроился за ним. Пули щелкают о камень, но нас со связистом не достигают. Только мелкие осколки камня летят в стороны. Связался с дивизионом, батареи открыли огонь. Вижу, что снаряды ложатся хорошо, вскакиваю с трубкой у уха, чтобы проследить, вся ли площадь, занятая неприятелем, покрывается нашим огнем. Везде видны разрывы.

Хепонотка была взята без потерь с нашей стороны. У нас был только один раненый. Повсюду валялись убитые финны…

Скоро ночь, крепче мороз, и мы ищем, где бы нам расположиться на отдых. После разведки решили ночевать в имении Ахола, оставленном финнами. Осторожно пробрались в темные помещения, стали устраиваться там, кто как мог. И вдруг грохот разрывов, вой снарядов.

Очевидно, мы попали в ловушку, и враг обрушил огонь по заранее вычисленным целям. Бойцы стали выскакивать на двор, открыли беспорядочный огонь. Кое-кто заметался, ища выхода из окружения. **Кравченко** стал собирать людей, и тут его ранило в обе ноги.

Положение трудное. Ночь, мы окружены, и неизвестно, какие силы у противника. Но связь у меня с дивизионом не нарушена. Обхожу кругом двор и стараюсь выяснить по звукам выстрелов примерное расположение противника. Включаюсь в связь, сообщаю данные, и наши батареи создают перед имением завесу

заградительного огня. Под защитой огня командир батальона начал выводить людей из имения.

Я лежу в воронке, сверху снег, а внизу вода. Командир говорит мне, что оставляет нам два пулемета и что мы должны не прекращать огня, пока батальон полностью не выйдет из окружения. Молча киваю ему головой – отвечать нет времени. Корректирую огонь до тех пор, пока мне доносят, что батальон уже занял новый рубеж.

Теперь надо уходить и нам. Командую бойцам об отходе, хочу подняться и не могу. Шинель моя так крепко примерзла к снегу, что лишь с большим трудом удалось ее отодрать. Валенки насквозь промокли, коленок не чувствую – отмерзли. Ковыляю кое-как, пули густо ложатся возле. Калмыков сердится:

– Все ушли, товарищ командир, одни мы…

– Идите и вы, – говорю ему, – я догоню потом.

Он с глубоким удивлением смотрит на меня и отрицательно качает головой.

Приходим в батальон. Все в полном порядке. Ранены только **Кравченко** и еще два бойца. Утром выяснили обстановку, открыли артиллерийский огонь и сильным броском заняли имение. В воронке нашел свою шапку, которую там оставил ночью.

Через два дня я был у станции Тали, когда наши части форсировали водную преграду. Финны открыли шлюзы, но нам все же удалось под прикрытием артиллерийского огня организовать переправу.

Это был один из последних боев, наши части уже охватывали Выборг и начали штурм города-крепости в нескольких пунктах. Мне посчастливилось одним из первых войти в Выборг. Я был назначен тогда командиром батареи и участвовал в штурме. И вот наши орудия катятся по улицам Выборга. Бойцы радостно и с гордостью смотрят вокруг: был неприступный укрепленный район – бесчисленные доты, деревоземляные огневые точки, траншеи, надолбы, проволочные заграждения, скалы, водные преграды, противотанковые рвы. минированные селения, – и все это взято и разгромлено силой советского оружия, храбростью и мужеством советских патриотов.

Прекрасно было это сознание в лучшие часы боевой жизни!

Прошло несколько дней. Как-то на рассвете, когда я спал, в комнату шумно ворвались товарищи. Вскакиваю, думая, что это боевая тревога. А они суют мне прямо в лицо «Ленинградскую правду». И в списке новых Героев Советского Союза я нашел свое имя.

Герой Советского Союза М.Я. Кравченко и операторы фильма «Линия Маннергейма» Ешурин и Коган. Москва. 19 февраля 1941 года

Младший лейтенант Н. Кондратьев

Пленные

Вечером 17 февраля, после занятия станции Кямяря, наш полк свернул влево по дороге, ведущей в Выборгскому шоссе. Прошли километра три. Ночь стояла тихая, звездная. Позади в небе виднелись отсветы горящей станции, где-то слышалась отдаленная стрельба. 2-й батальон, шедший головным, неожиданно наткнулся на дорогу, не обозначенную на карте. Из лесу дорога спускалась в низину, а оттуда вела к крутому лесистому косогору. На косогоре – тщательно замаскированные, просторные финские землянки. Их было много, должно быть, тут стояла в резерве одна из финских частей, брошенная теперь на выручку разгромленной линии Маннергейма.

Разместились в первой линии землянок. Спим. Просыпаемся утром, узнаем от дозоров: в соседних с нами землянках – финны.

– Откуда же финны? – спрашиваем.

– Пришли и залегли, – отвечают дозорные.

– А чего же вы не подняли тревогу?

– Зачем? Только вспугнули бы их. Драться они с нами все

равно не стали бы: едва на ногах стоят. Должно быть, с линии.

Окружаем землянки. Действительно – финны. Приказываем сложить оружие. Бросают на землю винтовки, автоматы, пистолеты, ножи, патроны. Угрюмые, понурые лица. Цвет кожи землистый. У многих – седые волосы. Почти у всех пляшут руки и чувствуем, не от испуга перед пленом, а, должно быть, от пережитого в дотах ужаса.

Финны молчат. Их много, и все пришибленные, потерянные. Молчим и мы. Вдруг откуда-то сверху косогора раздается тонкий, с восторженно-истерическими нотками, голос:

– Я швед!.. Я швед!.. Я швед!..

Оборачиваемся: от верхней землянки спускается к нам по косогору молодой человек, лет двадцати пяти, в легком пальто, в шляпе, в ботиночках с острыми лакированными носками. Идет, приплясывая от холода, руки подняты вверх, а сам заискивающе улыбается и все повторяет:

– Я швед!.. Я швед!.. Я швед!..

Подошел, оглядывается, кому бы сдаться в плен. Красноармейцы с ненавистью смотрят на этого хлыща в лакированных ботиночках. Из добровольцев, должно быть. Добровольцем против нас, советских людей, пошел… Бродяга!

Увидев, что ни сочувствия, ни одобрения не встречает, швед некоторое время сконфуженно топчется на месте под суровыми взглядами людей, потом, желая, видимо, тронуть наши сердца, опять произносит:

– Я швед…

– Замолчи! – обрывает его красноармеец. – Не швед ты, а дерьмо. Всю свою нацию опозорил…

Финны улыбаются. Должно быть, и они не особенно в ладах с этими молодчиками, завербованными за границей.

По косогору разносится запах кухонь. Красноармейцы подходят к кухням с котелками и возвращаются к землянкам в клубах дымящегося борща, с буханками только что выпеченного вкусного армейского хлеба.

В группе пленных – движение. Лица финнов вытягиваются, глаза с жадностью смотрят на хлеб, борщ. Многие протягивают руки, просят сдавленным голосом:

– Хлеба, товарищ…

Командиры распорядились накормить пленных. Им дали по котелку борща, дали хлеба, шпику, чаю, сахару.

Как они ели! Руки пляшут, глаза воровато снуют. Им словно не верится, что в руках у них хлеб – настоящий хлеб!

И тут вдруг прибывает к нам командир 3-го батальона капитан **Кравченко**. С ним красноармейцы, у них тюки финских

листовок и прокламаций. 3-й батальон, оказывается, заночевал в даче какого-то русского эмигранта. В подвалах дачи красноармейцы обнаружили финскую военную типографию, печатавшую «обращения к красноармейцам», листовки, прокламации.

А «обращения» эти и листовки вот какие. На одной напечатано жирным шрифтом:

«Красноармейцы! Поворачивайте штыки в землю, сдавайтесь в плен. Мы вас будем кормить маслом, сыром, шоколадом… Пленные красноармейцы получат по стакану вина в день…»

Смотрим на листовки, на пленных финнов, поедающих наш борщ и хлеб. Думаем: этакая ирония судьбы! Нам предлагают масло, сыр, шоколад, вино, а сами рады кусочку нашего хлеба. Тьфу!

Финны позавтракали, просят закурить. Вспоминаем про листовки, становится противно. Но, думаем, не эти люди печатали листовки. Эти – обманутые, они поддались на гнусную шовинистическую пропаганду своих поработителей, не знали, что делают. Вытаскиваем папиросы, угощаем:

– Курите… Да вперед умнее будьте. Не против нас воевать вам надо, а против своих господ, против тех, кто обманывал вас, кто ожесточил вашу душу…

Курят, улыбаются…

> *Бои в Финляндии. Воспоминания участников 2 части. / 2-е изд. – М.: Воениздат, 1941. – 400; 540 с.*

Так вырабатывались и отрабатывались формы и методы ратной работы Ивана Яковлевича Кравченко, нацеленные на победу над врагом и сохранение жизней и здоровья своего личного состава. А подчиненные, в ответ на такую заботу, очень уважали своего Командира и выполняли все его указания и приказания с желанием и энтузиазмом.

Часть 3. Целый год мирной жизни

Из воспоминаний дочери Ивана Яковлевича Кравченко, Нины Ивановны

«Нашего папу отправил учиться в Академию им. Фрунзе. Мы приехали в Москву. На четвертом этаже общежития слушателей академии, прямо рядом с академией, нам дали двухкомнатную квартиру.

Я училась сначала в 34-й школе на Плющихе, потом весь наш класс перевели в 37-ю школу на Неопалимовском переулке. На углу Зубовской площади и Бол. Пироговской улицы стоял небольшой одноэтажный ДК им. Горького и мы туда часто бегали смотреть кино, там после войны часто показывали трофейные фильмы и мультфильмы. В Клуб «Каучук» ходили реже.

Лето 1940 года. Сочи. Дом отдыха

В 1941 году на Майские праздники мы вместе с папой ходили на Красную площадь на парад. Мне купили такую модную в то время матросочку. Мне из-за взрослых ничего видно не было и я искала место, где бы что увидеть и подошла к самому Мавзолею. Там на трибуне стояли все наши вожди, которых раньше я видела только на картинках. Когда шли войска и техника – мне было интересно, а когда пошли демонстранты – мне стало скучно и стала хныкать, чтобы мы скорее пошли домой. Я не понимала,

почему идет такое количество народа, все кричат, а папа их приветствует как старых знакомых. Вечером мама вместе с папой должны были идти на банкет в Кремль. Поэтому мама на парад не пошла, а готовилась к вечеру. Они с папой три раза были в Кремле на приемах.

Снимок из газеты Известия 3 января 1941 года. «1940 год был отмечен новыми выдающимися успехами в области науки, искусства, техники, в области обороны нашей страны. На снимке: славные представители советской интеллигенции. Сидят справа-налево: академик, заслуженный деятель науки дивврач Е.Н. Павловский, заслуженный артист П.Н. Симонов, заслуженный деятель науки профессор М.П. Кончаловский, Герой Социалистического труда Н.Н. Поликарпов, академик архитектуры К.С. Алабян. Стоят: Герой Социалистического Труда А.А. Микулин, профессор, доктор технических наук, военинженер 2-го ранга В.З. Власов, Герой Советского Союза капитан Д.Л. Маргулис, Профессор, заслуженный деятель науки и техники генерал-майор артиллерии А.А. Благонравов, Герой Социалистического труда Б.Г. Шпитальный, Герой Советского Союза капитан В.М. Мешков, изобретатель стереоскопического кино С.П. Иванов и Герой Советского Союза капитан И.Я. Кравченко». Фото С. Гурарий.

Там все было строго. На входе проверяли документы, а затем в помещении почти на каждой лестничной клетке. В огромном

зале были накрыты столы, на которых было все. Если чего-то не было, то стоило только спросить об этом – это блюдо тут же появлялось. За столами среди приглашенных сидели и все наши вожди. Именно не за отдельным столом, а среди приглашенных людей. В соседнем зале играла музыка и были танцы. Мама у меня была красавица и очень хорошо танцевала. Стоило папе с мамой войти в танцевальный зал, как тут же к маме подошел генерал и сказал папе: «Разрешите вашу даму пригласить на танец». Папа сказал: «Пожалуйста», – и отошел в сторону. А сам улыбается. Только он отошел, как уже к тому генералу с мамой подбегает еще один генерал и уже тому генералу говорит: «Разрешите вашу жену пригласить на танец». Мама растерялась. А потом всем отказала и ушла к папе. В Кремле еще был такой порядок, если вышел из банкетного зала в танцевальный, то обратно тебя без специального пропуска не пустят. Если кто-то перебирал спиртного, то его немедленно отвозили домой. Мой папа не пил спиртного.

Когда я закончила учебный год нас с сестрой отправили к бабушке на Украину, а мама вернулась в Москву. Когда началась война, то мой папа начал писать рапорта об отправке его на фронт. Он боевой офицер, Герой Советского Союза не должен во время войны за партой сидеть. И только после окончания им 1-го курса академии его и его однокурсника Баранова отправили в Белгород, где формировалась 299-я дивизия, на должности командиров полков».

Часть 4. Великая Отечественная война

Начало войны и новое назначение

Из воспоминаний дочери Ивана Яковлевича Кравченко Нины Ивановны

«Мама приехала к нам в деревню и забрала нас к папе. А в деревне уже вовсю копали окопы, бесконечным потоком на восток шли беженцы и гнали огромные гурты скота. Папа тогда жил в Белгороде и формировал свой полк. Большую часть солдат его полка были из Чебоксар. Когда мы в Киеве сели в поезд, то у нас украли все деньги и документы. В Полтаве нас высадили из поезда и сказали: «Добирайтесь до Белгорода как хотите». И вот моя мама с двумя маленькими детьми по военным дорогам пустилась в путь. Вещей у нас с собой был минимум, вот мы и добирались где пешком, где на телеге, где повезет – и на машине. Питались практически подножным кормом и подаяниями. Так мы добрались до Харькова, там мама связалась с Белгородом с отцом и мы уже без проблем добрались до Белгорода, где нас встретил отец. Правда, мы его практически не видели, он рано утром уходил и ночью приходил и так каждый день.

Я хорошо запомнила тот день, когда он уезжал на фронт. Подъехала большая черная машина с открытым верхом. Он поцеловал нас. Отдал маме Звезду Героя и орден Ленина, сказал, если убьют, то чтобы фашисты не знали, что убили командира да еще и Героя Советского Союза – много чести. Оставил маме две гранаты и пистолет и наказал не даваться в руки фашистов живыми. Мама все документы и ордена зашила в пояс, чтобы не потерять их ни при каких обстоятельствах.

Когда садился в машину сказал, что больше мы никогда не увидимся. С моей младшей сестрой случилась истерика. Мама его попросила успокоить ребенка. Он сказал, что обязательно вернется и купит ей большую куклу. Она успокоилась. Но когда он сел в машину, то еще раз повторил: «Больше вы меня никогда не увидите» и уехал.

После того как папа уехал, мы остались. Немцы уже подходили к Харькову. Наши солдаты нам говорили: «Что вы сидите? Самое большое через две недели немцы будут здесь». Мама к коменданту, тот говорит, что нет транспорта, хотите – дам трактор. В следующий раз пообещал дать волов. А мама уже не знала что делать. Случайно встретила знакомую женщину, та сказала, что спешит на последний эшелон. Мама к коменданту с ультиматумом. Тот прислал машину и солдат и нас отвезли и

погрузили на этот последний эшелон, уходящий из Белгорода. И мы уехали в Сталинград, но нас туда не пустили и отправили в Ташкент, там тоже не приняли. Направили в Алма-Ата, там тоже не приняли. Оттуда направили на приграничную станцию Матай. Нас забрал к себе начальник политотдела Суханов, мы жили у него. Он жил в трехкомнатной квартире и одну комнату выделил нам. Там я пошла в школу и училась в третьем и четвертом классе. Жилось нам там очень трудно. Папинного аттестата у нас не было и мы никакой положенной помощи не получали. Мама в 1938 году закончила фельдшерскую школу и поэтому устроилась работать фельдшером на станцию. Мама мне выхлопотала путевку в детский санаторий Чинбулак под Алма-Атой. Я там месяц пробыла, окрепла, подлечилась, а когда вернулась, пришло папино письмо, вернее запрос о нашем местонахождении. Мама написала ему сразу 11 писем, но все они вернулись назад. Он погиб, так и не узнав, что с нами. Прислали финаттестат и нам выдали все положенные деньга за все время. Мама сразу купила корову и благодаря ее молоку мы выжили. Я ухаживала за коровой, варила, пекла. Единственное, я не умела ее доить. Весь дом был на мне, ведь мама с утра и до вечера была на работе. И корову пасла и по степи бегала – саксаул собирала на топливо. И как только все успевала?! Я была почти взрослая, целых 10 лет. Мама и я дружно писали папе письма, но они стали возвращаться назад, а затем пришло письмо и похоронка, что папа погиб.

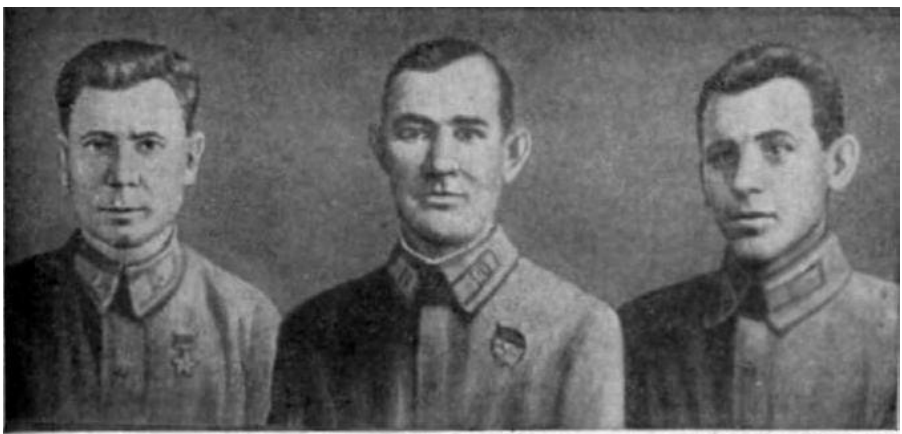
Потом Суханова направили на Украину в Нежин, это 125 км от Киева. Ему выделили целый товарный вагон. Мама очень просила, чтобы он взял нас на Украину. Мы продали корову, я так плакала, так жалко было, и уехали с ним. Приехали в Нежин 6 ноября 1943 года, в день освобождения Киева. Мы на телеге проехали на окраину Города и сняли там комнату. Только мы уехали со станции, на нее налетели немецкие самолеты и всю разбомбили и город разбомбили. Все горело. Нам везло, мы ни разу не попадали под сильную бомбежку. Только раз под воздушный налет попали, когда подъезжали к Нежину. Я заметалась, а мама меня поймала и с сестрой прижала к себе и сказала: «Ни в коем случае не разбегайтесь. Если погибать, то всем вместе».

Потом мы ходили в госпиталь, мама работала, а я помола раненым. Потом с большим трудом пошла в школу. Мне трудно было, там ведь все на украинском, а я привыкла к русскому языку. Мы написали письма своим родным в Студеники.

Однажды иду по улице, меня догоняют сани, мужчина спрашивает, а где здесь такая-то улица и дом. Я пригляделась, а это мои дедушки. Я обалдела. Мы не надеялись их увидеть

живыми после оккупации. Им тоже досталось, но без больших потерь. Даже когда немцы отступали, то те солдаты, которые жили у них, сказали, чтобы приготовили ведра, бочки с водой и другой противопожарный инвентарь, потому что при отступлении все будут сжигать, а так будет хоть какая-то возможность сохранить дом. Не все немцы звери были. Так оно и получилось. Немцы только когда отступали, перестреляли всю скотину. Не взяли ничего, просто перестреляли.

Мы уехала с ним в Студеники. Там мы прожили до конца войны. После войны мы хотели переехать в Киев потому, что Москва на время войны была закрыта. После окончания войны разрешили въезд в город и мы приехали в Москву, ведь у нас тут квартира оставалась».



Слева направо: командир 956-го стрелкового полка И. Я. Кравченко, командир 958-го стрелкового полка В. М. Баранов и командир 559-го саперного батальона 299-й стрелковой дивизии М. Д. Максимцов.

В 299-й дивизии было 3 стрелковых полка: 956-й, 958-й, 960-й и один артиллерийский, 843-й. 956-м командовал майор **И.Я. Кравченко**, 958-м – кавалер ордена Ленина (получил его в 1938 г. за бои в Туркестане) майор А.М. Баранов. Кстати после боев под Дедилово и расформирования 299-й дивизии, майор В.М. Баранов с декабря по январь тоже командовал Тульским Рабочим полком, видимо по протекции Кравченко. Начальник Боевой подготовки 50-й армии Подполковник Василий Михайлович Баранов погиб 27 февраля 1942 г.

Копия
Боевая характеристика
На командира 956 сп 299 сд Майора Кравченко

Ивана Яковлевича Полком начал командовать со дня его формирования (с 25.07.41 г.) к возложенным обязанностям относился серьезно. Применял много усилий к обучению бойцов приемам борьбы. В практической жизни мало расчетлив. Решения принимает наскоком. В боях за Родину со 2 по 15.9.41 г. проявлял усилия к разгрому врага, но мало контролировал выполнение задач подразделениями, в результате в бою под Гастиловкой имея перед фронтом слабые части противника, не принял мер обхода и захвата пленных.

Вследствие малого контроля, есть случаи перехода к врагу его подчиненных и потеря оружия на поле боя. В информации старших начальников преувеличивает факты. Есть склонность к обсуждению приказов начальников и недостаточно принимает меры к их исполнению (Получил боевой приказ о замене 885 сп, имея все возможности к этому, приказа не выполнил).

По характеру склонен к партизанским действиям.

Вывод: должности командира полка соответствует. Необходимо изжить зазнайство, повысить требовательность по выполнению приказов. Изжить факты недостоверности представляемых сведений.

Командир 299 сд Полковник Серегин
Военком Дивизии ст. Бат. Комиссар Корнев
Верно: Ст. Пом. Нач. 1-го отделения ОК
Ст. л-нт Гофферт
24.9.41 г.

Из воспоминаний старшего врача 956 сп и Тульского рабочего полка, Киры Георгиевны Аносовой – соратницы И.Я. Кравченко

«До войны мы жили хорошо и весело. Готовились к труду и обороне. Сдавали на зачет ГТО. Я была и Ворошиловским стрелком, и Ворошиловским кавалеристом.

Я училась в Курском медицинском институте. Мы сдавали последние госэкзамены. Последний госэкзамен должен был быть в понедельник 23 июня. На нужно было сдать гигиену – легкий предмет и мы решили, что мы уже все сдали и мы свободные люди. Решили в воскресенье отдохнуть всей группой поехали за город на речку на Солянку. Мы набрали продуктов и рано утром на велосипедах поехали. Туда на выходной всегда собиралось много народу.

Приезжали и производства на полуторках, по-всякому. Там все было хорошо организовано, всегда было весело. Когда мы туда приехали, даже не успели толком устроиться на месте. Вдруг говорят по радио, у кого-то в машине был радиоприемник небольшой, что началась война. Мы услышали выступление Молотова, но до конца не дослушали. Все с этой речки быстро разъехались по домам. Никто не понимал что это такое.

Мы сдали последний экзамен в понедельник. Вместо выпускного вечера, к которому мы серьезно готовились, шили наряды. Наш институт славился девушками. Мы были модными.

Тут все сразу оборвалось. На торжественном собрании мы, весь курс, сказали, что мы идем на фронт, все медики военнообязанные. На следующие дни пошли на комиссию в военкоматы и нас распределили кого куда. За всю войну я встретила только двух своих однокурсников. На фронт мы шли с

желанием быстрее прогнать немцев, мы шли защищать Родину. Мы шли на войну в полной уверенности в нашей победе. Нам выдали мужское обмундирование. Все было не по размеру. На одни портянки сколько сил и здоровья ушло. Намучились, пока научились с ними обращаться. Мы начали резать эти рубашки, кальсоны, гимнастерки, а начальники хозяйственной части ругали нас за это.

Меня направили 3 июля старшим врачом в 299-ю стрелковую дивизию, 956-й стрелковый полк, на Брянский фронт.

Командиром полка у нас был Герой Советского Союза И.Я. Кравченко, Героя он получил еще в Финскую войну, а начштаба – Акулов. Они вместе с Кравченко учились в академии им. Фрунзе. После ухода Кравченко он стал командиром полка. Он долго с нами был, а потом его забрали в штаб армии. Он писал какую-то книгу.

Командиром саперного батальона нашей дивизии был Максимцов. Это был боевой, смелый и исполнительный командир…»

Из воспоминаний командира роты 956 сп 299 сд Турова Владимира Семеновича

«После окончания, (20 июля 1941 года), Буйнакского военно-пехотного училища, (куда добровольно поступил после Шахтинского горного техникума), был направлен в 956 стрелковый полк 299-й стрелковой дивизии, в город Белгород, командиром 2-го стрелкового взвода 9-й роты. В июле я, молодой лейтенант, прибыл в город Белгород и был зачислен в 956-й стрелковый полк 299-й стрелковой дивизии. Дивизия находилась в стадии срочного формирования. Вскоре в роте было уже 160 бойцов, а у меня во взводе – 57, это были крестьяне из Кировской, Сумской, Черниговской, Гомельской области, все они были неграмотны за исключением бывшего фельдфебеля и унтер-офицера, которые служили еще в царской армии. Фельдфебель Матвиенко стал старшиной роты, а унтер-офицер – командиром отделения. Многие из них не видели даже ружья, не говоря уже о винтовке. Приходилось учить с азов. Учить было трудно, это все были взрослые люди до 47 лет.

У меня было также отделение минометчиков, которое следовало вместе со мной из училища. Времени на обучение не было и в августе месяце мы выехали на фронт. Высадились станции Синцово. Мы вступили в бой на границе Смоленской и Брянской областей. Райцентр Жуковка, Дядьково. Мы начали

наступление в августе 41-го года и отбросили немцев на несколько км. Там было с. Красное и ст. Красное.

Вооружены мы были неплохо. В роте имелись два станковых «максима», четыре ручных пулемета Дегтярева. Автоматов – всего три, но винтовок хватало, в том числе самозарядных, системы Токарева (СВТ).

С размещением по квартирам нам помогли ранее нас прибывшие командиры и сверхсрочнослужащие. А завтракать, обедать и ужинать мы ходили в военторговскую столовую. Через несколько дней, деньги нам выданные при выпуске из училища (600 руб.) закончились, а новое денежное довольствие еще не подошло. Мы 4 молодых лейтенанта обратились к командиру нашего 3-го батальона, к старшему лейтенанту Шутову: «Что нам делать?». Он не смог решить этот вопрос и разрешил обратиться к командиру полка майору Кравченко, что мы и сделали в тот же день. Испросив разрешения войти, мы вошли в кабинет командира полка, доложили ему о причине своего прихода.

Майор Кравченко выслушал нас, посмотрел вопросительно на комиссара полка, тот пожал плечами, и тогда обращаясь к нам, без тени упрека, заявил: «Вот что, с завтрашнего дня вы будете поставлены на довольствие в красноармейскую столовую, где будете питаться за столом, который для вас поставят. Вам ясно? Можете идти». И мы питались, не зная забот до выезда на фронт в середине августа 1941 г. Ни кто из нашего начальства ни словом, ни намеком нас не упрекнул. Но сами для себя мы сделали из этого полезные выводы.

К сожалению, кадровых бойцов было мало, приходилось срочно обучать новобранцев. Шли всякие слухи о немецких танковых колоннах, сметающих все на своем пути. Сельские парни понятия не имели о танках. Мне запомнился характерный эпизод, как нас учили бороться с бронированными машинами.

Командиром полка был майор Кравченко, участник Финской войны, Герой Советского Союза. На фронте он показал себя превосходным руководителем и замечательным командиром и вывел весь полк из окружения. Кравченко занимался лично с каждым батальоном. Наш батальон выстроился буквой «П», в центре вырыли окоп, глубокий, около двух метров.

Кравченко был в полевой форме, с кобурой и подсумком с учебными гранатами. Мы думали, что дело ограничится простым показом, но майор спрыгнул в окоп, и на него двинулся танк БТ-7. Мы ахнули, когда махина весом тринадцать тонн принялась крутиться на окопе. Казалось, что танк вдавит нашего комполка в землю. БТ проутюжил окоп как следует и пошел дальше.

На месте заваленного окопа зашевелилась земля, появилась голова, плечи командира. Кравченко одну за другой бросил три учебные гранаты. Бросал довольно точно, пара штук упала на трансмиссию позади башни – уязвимое место и наших, и немецких танков. Машина остановилась, а Кравченко стал приводить себя в порядок. Долго выколачивал пилоткой с гимнастерки и брюк прилипшую землю, вытер носовым платком лицо и спросил:

– Ну как?

Помню, красноармейцы и командиры что-то восхищенно выкрикивали, а командир полка прочитал нам краткую лекцию, которую после рискованного показа мы восприняли очень серьезно. Все видели, что занятие полностью приближено к боевой обстановке. Кравченко рисковал, ведь могло случиться всякое. Провались гусеницы сантиметров на 30–40 ниже – и все могло закончиться трагично.

А моральное воздействие? Я стоял в полусотне шагов и ощущал, как дрожала земля под тяжестью танка, а что чувствовал

наш командир, когда махина утюжила обычную стрелковую ячейку? Тем временем, хорошенько выколотив от пыли обмундирование, Кравченко коротко, рублеными фразами говорил нам о «танкобоязни». Многие слова, а особенно личный пример, врезались в память крепко:

– Если не поленился, вырыл добротную ячейку и не растерял гранаты, то никакой танк тебе не страшен. Пропустил его через себя – и спокойно кидай гранаты вслед, а лучше – бутылки с горючкой. Что, у немцев танки такие страшные? Горят за милую душу, только не теряйся. Пара гранат на трансмиссию или под гусеницы – никуда он не уедет. Ясно?

– Ясно! – вразнобой кричали мы.

Занятия тем временем продолжались. В полк поступило много самозарядных винтовок СВТ. Бойцы осваивали их с трудом, у них часто заклинивало затвор, застревали патроны. Я уважаю конструктора Токарева и считаю, что винтовка была неплохой. Немцы пользовались захваченными у нас СВТ до сорок пятого года.

Это оружие требовало гораздо большей заботы, чем любое другое. Автоматика быстро забивалась пылью, песком. Кроме того, патроны 7,62 мм с закраинами на донышке требовалось протирать, заряжать в магазин аккуратно, без спешки. Если впихнешь небрежно два-три патрона, они цеплялись закраинами и застревали в магазине.

На стрельбище, особенно в училище, винтовки Токарева, действовали почти безотказно. Ведь уход за оружием шел в нормальных условиях, под контролем командиров. Помню, на показательных стрельбах отделение из двенадцати человек одновременно вело огонь по мишеням. Плотность стрельбы напоминала пулеметный огонь. Если ударят сразу полсотни самозарядок, то и пулеметы не понадобятся. К сожалению, действительность внесла свои коррективы.

18 августа мы уже вступили в бой с фашистами на Западном фронте, где 299-я стрелковая дивизия с ходу нанесла удар по фашистам, потеснив их на несколько десятков километров.

Все свои фотографии по окончанию училища я отослал домой, но война и они не сохранились. У меня осталась только одна фотография – курсантская. У нас было обмундирование мирного времени. Красные звезды, золотая окантовка красных петлиц, красные кубики. Кравченко приказал спороть блестящие пуговицы и пришить темные. Чтобы не выдавать себя их блеском. Спороть красные петлицы, обозначить их черной краской или нитками. И у поэтому нас потери офицеров были меньше чем в соседних частях. Солдаты у нас были, преимущественно, из

Сумской, Черниговской и Белгородской областей.

Это было одно из «частных» контрнаступлений наших войск, которые в общей совокупности сорвали план «молниеносной» победы врага».

956-й полк начинает боевые действия

Дневник Василия Бенцеля.

«Старший лейтенант **Бенцель Василий Афанасьевич** 1919 г. рождения Черниговская обл. д. Ранки. Помощник начальника штаба 956 стрелкового полка 299 сд 50 Армии. С 09.1941 – 29.10.41 г. Пом нач штаба 956 стрелкового полка 299 стрелковой дивизии. 29.10.41 – 1.11.41 г. Нач. штаба Южного боевого участка г. Тула. 1.11.41 г. ПНШ 154 стрелковой дивизии.

12.1.1942 г. Начальник штаба Тульского Рабочего полка (766 стрелк. полк 217 стрелковой дивизии).

Погиб в бою 28.04.42 г. у д. Павлово Юхновского р-на Смоленской обл. По его просьбе похоронен в г. Тула на Всесвятском кладбище».

Кроме этой короткой справки, мало что известно о Василии Афанасьевиче Бенцеле. Не сохранилось его фотографии, нет в архиве и его личного дела. Только предположительно он опознан на групповом фото Тульского рабочего полка. После его гибели осталась папка с документами, приказы, оперативные сводки 956 сп 299 сд и дневник, в котором он день за днем описывал все что происходило с ним, с его полком, с командирами с 1 сентября по 2 ноября 1941 г. Подробно описаны боевые операции 956-го полка, злоключения его командира Героя Советского Союза майора И.Я. Кравченко и, самое главное, практически минута за минутой описаны боевые действия частей Южного боевого участка по обороне г. Тула.

Волею судеб эти документы не сгорели в огне той страшной войны, а сохранились. Каким-то образом они попали в Оперативный отдел Штаба Западного фронта и там осталась под названием 299-я стрелковая дивизия. По 299-й стрелковой дивизии 1-го формирования практически не осталось никаких документов, только ученическая тетрадь с ведомостью на получение зарплаты всех тех офицеров 299 сд, которые выжили в боях до декабря 1941 г. А в этой папке сохранился уникальный материал о жизни и боевых действиях солдат и офицеров 956 сп 299 сд.

По его дневниковым записям мы можем не только узнать о событиях того времени, но и лучше понять, как нам удалось победить. Благодаря чему-либо или, как всегда, вопреки. Но обо всем по порядку. Можно ли доверять дневнику? Думаю – да потому, что многие изложенные там факты имеют

документальное и фактическое подтверждение. Начнем издалека, с сентября месяца. Посмотрим глазами очевидца на всю ситуацию в армии того периода, на то, как люди находили выход из безвыходного положения, как воевали и побеждали, когда победить, казалось, было просто невозможно. Итак, дневник соратника Ивана Яковлевича Кравченко, Василия Афанасьевича Бенцеля:

ЦАМО РФ, ф. 208 Западный фронт, оп. 2511, д. 1034, кор. К-5628

Документы 299 стрелковой дивизии

(лл. 114–187) Дневник. 299 сд 956 сп В. Бенцель (командир Герой Советского Союза Кравченко Иван Яковлевич 10.10.1905 – 8.4.1942).

4.9.41 г. … поэтому комдивом было изменено направление нашему полку, и комполка выведены 1 и 2 батальоны с занятых позиций в 4024, направлены по шоссе в направлении Н.Буды и к исходу дня 3/956 сп занял район опушки леса у моста на шоссе в расстоянии 0,5 км от д. Н. Буда, 2/956 сп – у кустарника у полевой дороги сд и 4026 слева от шоссе, 1/956 сп во 2 эшелоне в р-не перекрестка шоссейной и железной дорог.

За три дня боя, проведенного без взаимодействия с другими родами войск, при открытом правом фланге, так как сосед справа 958 сп не подтянулся от сильного минометного, пулеметного, артиллерийского огня противника и ежедневной ожесточенной бомбардировке его авиацией (налет 4.9.41 продолжался с 13 до 20 часов) полк понес потери убитыми 11 чел. ср. комсостава и до 300 чел. мл. рядового состава, ранеными 56 чел. среднего н/состава и до 800 чел. мл. и ряд состава и пропавшими без вести около 300 чел.

5.9.41 г. наступления не было. Подразделения нашего полка, закреплялись на занятых к исходу дня 4.9.41 г. рубежах, на протяжении дня вели огонь по огневым точкам противника и вели разведывательные поиски. Небольшие разведгруппы противника предпринимали нападения на фланг 2 и 1 б-на и расположение штаба полка. Нападения успешно отбиты.

Комвзвода конной разведки л-нт Зеленков, при столкновении с противником убил 10 чел. фашистских солдат и л-нт Безсчасный 2 чел. в полку потерь не было.

6.9.41 г. боевым приказом, полку предложено после проведенной артподготовки и залпа гвардива в полном

взаимодействии с танками вести наступление на Н. Буда и в.с.х. Кочевские. Артподготовка проведена недостаточно, танки на линию огня не прибыли, поэтому начав атаку на Н. Буда 3/956 сп понес большие потери и по приказанию комполка приостановил наступление, ибо сильный огонь наземных войск противника в полном взаимодействии с авиацией угрожал уничтожением всего личного состава подразделения.

7.9.41 г. приказом дивизии № 5 намечалось наступление при полном взаимодействии всех родов войск и частей дивизии, но соседи слева и справа не подтянулись, танки не прибыли, а прибывшие отдельные танки вели едино отошли, не открывая огня. Сконцентрированный по подразделениям нашего полка огонь наземных войск противника и налеты его авиации не дали возможности вести наступление.

8 и 9.9.41 г. подразделения полка с занимаемого рубежа вели ожесточенных огонь по укрепленным огневым точкам и по противнику в районе Н. Буда. в связи с тем, что по приказу комдива 1/956 сп передан 958 сп, комполка больше 50 % личного состава тыловые и спецподразделений передал в батальоны.

В итоге 7 дневных боев, полк потерял убитыми ср. н/с 15 чел. младшего н/с и ряд. 352 чел., ранеными до 1200 чел. и пропавшими без вести 411 чел.

10.9.41 по приказу комдива занимаемый район был сдан 885 сп и наши подразделения.

Дневник. Записки из боевого пути 956 сп.

В. Бенцель (Пом. начальника штаба). Карта 100.000 изд. 41 г. съемка 1930 г.

1.9.41 г.

в 2.00 1.9.41 получен боевой приказ комдива № 1, которым полку приказано: в 15.00 выйти со станции Сельцо и к 5.00 2.9.41 г. занять район хуторов Поляковые, колхоз «Красный трудовик».

В 3.00 штаполка, выслана БГ для рекогносцировки маршрута. БГ возвратилась в 11.30 и встретила полк в движении.

Полк, согласно дополнительного приказания комдива, вышел со ст. Сельцо в 11.50 вместо 15.00 и следовал по маршруту ст. Сельцо – с. Домашово – с. Старо Лавшина – Скрибовка – колх. «Красный Трудовик». Во время следования полка, маршрут дважды менялся вследствие чего, по принятому маршруту прибыли в указанный пункт 1.9.41 к 12.00 ночи штаб полка, ОВС, ПФС, рота ПВО и 2.9.41 к 5.00 прибыл 2/956 сп.

Батальоны 1 и 3 и другие подразделения от с. Старая Лавшина, направлены командованием дивизии по маршруту: ст. Лавшина – Красный Угол – хут. Липовские – Поляковы – колх.

«Красный Трудовик».

Вследствие того, что наш маршрут не рекогносцирован и лесная тропа Красный Угол – Липовские в натуре заболоченная, заросшая, трудноопозноваемая и для прохождения транспорта негодная, полк вынужден был двигаться по маршруту Ст. Лавина – Красный Угол – выс. 177, 7 – дорога у высоты 171,4 – с. Тросна – хут. Поляковы – колхоз «Красный трудовик» и … к 6.15 2.9.41 3/956 сп шедший во главе полка по этому маршруту, прибыл к реке /граница 5426–5626/ не доходя 8 км до назначенного района.

2.9.41 г.

В 5.00 получен боевой приказ № 2 с заданием полку во втором эшелоне к 7.00 занять исходное положение на стыке дорог ю-в части 4830 и к 10.00 форсировав реку Десну атаковать противника вслед за 958 и 960 сп, которые по приказу должны были вести наступление в 1-м эшелоне.

Сложившиеся обстоятельства в связи с изменением маршрута, позволили командованию полка, к указанному времени, сконцентрировать в районе исходного положения лишь 2 батальон, остальные 1–3 б-ны были подтянуты к указанному пункту только к 12 дня, а обозы и рота связи, были разысканы и подтянуты к месту боя к вечеру 2.9.41 г.

Батальонам было дано распоряжение в 12.00 форсировать реку Десна в районе хут. Ядрово и наступать на противника. В хутор Ядров комполка направлены боевые подразделения полка 1, 2, 3 б-ны. В момент нахождения 2 б-на в х. Ядров и следования в указанный пункт, от комдива последовал приказ форсировать реку Десна через Мост на дороге Жуковка – Летошники сев-зап угол 4628 и вести наступление на противника в 1-м эшелоне, поскольку 960 сп, который должен был идти в 1-м эшелоне к месту атаки своевременно не прибыл.

Командование полка к 14.00 2.9.41 г. в районе моста были сконцентрированы 1, 2, 3 батальоны и начал формирование р. Десна и атака на фронт противника, на зап. берегу р. Десна в районе совхоза Гостиловка – роща 6/3 части 4626. Форсирование реки проходило под сильным минометным и пулеметным огнем, но закончилось без потерь.

Атака на фронт противника начата в 14.30 2.9.41 2 и 3 б-нами в 1-м эшелоне и 1 б-н во втором эшелоне, при поддержке батареи ПА/956 сп минрот б-нов. Минвзвод 120-мм – по приказу комдива передан 958 сп, не смотря на то, что наш полк вел наступление в 1-м эшелоне. Наступление начато без соответствующе проведенной артподготовки и без поддержки других родов войск. К исходу дня 2.9.41 преодолевая упорное

сопротивление противника полк занял совхоз Гостиловка, рощу с/я 4 4626, оседлал насыпь дороги на Летошинки и закрепился на этом участке. Кроме сильного огня отступающих … войск противника, к исходу дня ниши подразделения дважды подвергались усиленной бомбардировке авиации противника.

В связи с тем, что личный состав полка был направлен в бой после круглосуточного перехода, без сна, отдыха и питания, что атака проводилась без достаточно проведенной артподготовки и поддержки других родов войск в бою 2.9.41 г., от усиленного огня отступающих наземных войск и авиации противника, полк потерял убитыми и ранеными до 500 человек. Героически погиб инструктор пропаганды полка политрук Курилкин.

Первый бой

3.9.41 г.

В ночь на 3.9.41 г. наши подразделения вели разведывательные поиски, и с утра 3.9.41 полк продолжал наступление по задаче поставленной 2.9.41 г.

Утром 3.9.41, кроме обстрела артиллерийским и минометным огнем, фронт занятый нашим полком подвергался ожесточенной бомбардировке авиации противника. 9 тяжелых бомбовозов противника дважды вылетали подряд в продолжении 2-х часов бомбили и обстреливали пулеметным огнем наши подразделения. При отсутствии нашей авиации, зенитной артиллерии и действенных средств ПВО, не было никакой возможности отогнать вражеские самолеты и продолжать атаку. После налета авиации противника полк продолжал наступление. Наши подразделения выбили противника с занимаемой позиции и к исходу дня заняли боевой рубеж: опушка леса сев. 42.26 и Летошинские хутора с-з 4424, на подступах к д. Красное.

Боевые задания выполняются только при поддержке батареи ПА и минометных рот батальонов. Командир дивизии дал указание вести наступление колоннами батальонов, рассчитывая на предварительную атаку танков и поддержку артиллерии.

Поскольку танковой части на участку фронта полка не было, ПА не в силах полностью обеспечить артподдержкой все батальоны находящиеся в 1 м эшелоне, каждый участок территории батальоны занимали в упорных боях с противником неся значительные потери.

2 сб на подступах к лесным участкам в центре 42.26 попал под сильный перекрестный огонь укрепившегося (противника) и в упорном бою заняв район потерял более 60 % личного состава.

Во время ведения боевых действий командир полка не получил с дивизии данных о месте расположения и направлении фронта противника и точных данных о расположении соседей слева и справа. Данные о расположении частей дивизии даны командиру полка были неправильны, так как к исходу дня левый сосед 960 сп вклинился в район нашего полка, а 958 сп, который как будто ведет наступление справа, фактически не оказалось и правый фланг нашей части был открытый.

Неоднократные попытки командования полка установить связь с соседями оказались безуспешными.

Усиленная разведгруппа в составе взвода разведки и 1 роты 2 сб под руководством комиссара полка предприняла разведку глубокого тыла противника в районе перекрестка дорог севернее

с. Красного и попав под сильный огонь противника потеряла убитыми до 50 чел. в т. ч. 2 командиров. К ночи 23 чел. с пешей разведки возвратились. Комиссар возвратился 4.9.41 к 12.00. с целью самозащиты от нападения авиации противника командованием полка созданы группы противовоздушной защиты по всем подразделениям из стрелков и станковых пулеметчиков.

4.9.41 г.

Полк продолжал развивать наступление и в упорных боях с противником занял с. Красное, высоту 206,5, перекресток шоссе и железной дороги и лес северной части 40.24, продолжает развивать наступление в этом направлении.

С 12 до 19 авиация противника в составе до 15 самолетов, беспрерывными налетами производили жесткую бомбардировку и обстрел пулеметным огнем наших подразделений. Борьба созданных в подразделениях групп ПВО с бронированными бомбардировщиками противника эффекта не дала, ниши самолеты на участке фронта отсутствуют, зенитной артиллерии и других активных, действенных видов противовоздушной обороны не было. Самолеты противника с незначительной высоты бомбили и на бреющем полете обстреливали пулеметным огнем наши подразделения, артиллерию, обозы, на протяжении 7 часов свободно и безнаказанно.

В итоге проведенных боев с наземными войсками и жестокой воздушной бомбардировки полк понес значительные потери, убитыми и ранеными в личном составе, лошадей и обоза. В следствие плохого руководства и отсутствия координации боевых действий частями со стороны командования дивизии, подразделения 960 сп, зашли в район наступления 956 сп, и комдив во время хода боя собрав совещание части комбатов и командиров рот ДВО и 956 сп, для постановки задачи о наступлении. На совещании комбаты 960 сп заявили комдиву об отсутствии у них карт и о том что люди три дня не кормлены. После постановки задачи 956 сп получив новое направление. Потому во время наступления 2 сб пришлось направлять в направлении Новая Буда и восточная окраина Кочевский, в район развилки шоссе и железной дороги и вывести с занимаемой позиции в лесу северной части кв. 4024.

Преодолевая организационные трудности, сильный огонь наземных и воздушных сил противника, к исходу дня 4.9.41 г. полк занял такой р-н. справа 3/956 сп опушка леса, справа шоссе у железобетонного моста на подступах к д. Новая Буда.

Слева 2/956, слева шоссе 0,5 км выше развилки шоссейной и железной дорог. 1 сб занял район перекрестка шоссейной и железной дороги во 2-м эшелоне за 2 сб. Батарея ПА заняла

огневой рубеж в кустарнику левого угла развилки дорог.

Кроме убитых и раненых полк потерял до 400 человек пропавшими без вести.

5.9.41 г.

Полк занимает район, достигнутый к исходу 4.9.41 г.

На протяжении всего дня наступления не предпринимали. На протяжении всего дня ведется артиллерийская, минометная и пулеметная перестрелка и столкновения разведывательных групп.

Командир взвода конной разведки л-нт Зеленков, руководил РГ и попав в расположение противника вступил в бой. В бою им убито до 10 чел противника. РГ возвратилась полностью.

Лейтенант Безчасный руководил РГ тоже столкнулся с противником и убил 2 ч-ка.

В 18 и 20.00 небольшие разведгруппы противника предприняли нападение на левый фланг 2 сб и расположение штаба полка, и на правый фланг 1 сб. оба нападения были успешно отбиты.

Силами конной разведки и комендантского взвода организована прическа леса прилегающего к району расположения штаба и изгнаны отдельные стрелки-автоматчики.

6.9.41 г.

в 4.30 получен боевой приказ комдива. Полку дано задание вести наступление и атаковать Н. Буда и вост. окраину Кочевские.

Был установлен такой порядок наступления: Артиллерия проводит интенсивную подготовку и в 6.00 после залпа гвардейского артдивизиона, батальоны, при поддержке танков, атакуют указанные пункты. Артподготовка начата с запозданием в 7.00.

Выполняя приказ 3 сб не дождался залпа гварддива и прибытия танков, предпринял атаку противника в р-не Н. Буда, преодолевая интенсивный огонь и сильное сопротивление противника и неся большие потери. К 8.00 в район боевых действий прибыл комдив пол-к Сергеев и не смотря на большие потери, отсутствие танков, атаки низших подразделений не приостановил.

В 9.00 гвардарт дал залп и на расположение передней линии прибыли танки. Не подавив огневых точек противника танки ушли обратно в тыл наших подразделений. Одновременно на переднюю линию наших подразделений напала авиация противника и действуя в полной согласованности с огневыми точками наземных его войск, не дала возможности продвигаться дальше и выполнить задачу. Командир полка дал приказ о прекращении атаки и подразделения полка остались на прежнем месте. Ночью по приказу командива 1 сб передан 958 сп и для

выполнения боевых операций в полку осталось два неполных батальона.

7.9.41 г.

К 9.00 получен боевой приказ № 5, согласно которому с 9.00 до 10.30 артиллерия должна проводить интенсивную артподготовку. В 10.30 гвардейский артдив дает залп и вслед за танками 121 Тбр полк должен начать атаку, развить наступление на Н. Буда, Красная Поляна – Турейские, овладеть Турейским и закрепиться на рубеже Турейские – юз окраина Мореевка /иск/ перекресток дорог 13 км юз Чугуновка.

К назначенному времени танки не прибыли, артподготовка проведена не достаточная и когда наши подразделения предприняли атаку, они попали под сильный огонь обороняющегося противника. Соседи не выступали и враг всю силу огня сконцентрировал на нашем полку. Одновременно авиация противника до 7 самолетов предприняли воздушное нападение. Наступление было вести явно невозможно и полк остался на прежнем месте, неся однако значительные потери.

8.9.41 г.

В полку осталось вместе с тыловыми подразделениями 820 чел. личного состава.

Командир полка принял решение, часть личного состава тыловых и спецподразделений направить в батальоны. Сформирована отдельная рота и под командованием ПНТ л-нта Бесчастного направлена в 3-й сб. В тылах и спецподразделениях осталось до 50 % личного состава, работа выполняется с большим напряжением, но вполне нормально.

Наступление не предпринимали, организовывались разведывательные поиски отдельных групп. На протяжении дня участок занимаемый подразделениями полка и район размещения штаба подвергался интенсивному обстрелу минометным и пулеметным огнем и двукратной бомбардировке авиацией противника.

В 16.00 авиация противника предприняла интенсивную бомбардировку лощины и домика, где расположен штаб и командный пункт полка. Налет длился около часа. 9 самолетов с высоты 200–300 метров сбрасывали на лощину, шоссе и домик бомбы разной величины до 1000 кг. Включительно и на бреющем полете пулеметным огнем простреливали обе стороны лощины и всю площадь между шоссе и лощиной. Бомбардировка была настолько жестокой и цельной, что бомбы ложились в 2–3 метрах от блиндажей и компполка принял решение переменить командный пункт. Во время бомбардировки ранено и контужено 4 чел., убито 8 шт. лошадей, разбило автомашину командира

полка и домик, где находилась кухня и столовая штаба полка. Подожжена повозка с боеприпасами.

9.9.41.

На протяжении всего дня полк занимал и прочно удерживал прежний район обороны, полк ведет огонь по противнику. Противник, все время ведет по району, занимаемому полком интенсивный, методический минометный и пулеметный огонь.

За день подразделения полка подверглись двукратному воздушному нападению авиации противника.

10.9.41 г.

Получен боевой приказ полку занять деревню Н. Буда.

Ночью комполка, сконцентрировав основные боевые единицы на исходном рубеже – опушка леса у Ник. Слобода, сдав предварительно ранее занимаемый район 985 сп. передача участка происходила в 24.00.

Наступление намечалось после интенсивной артподготовки и в полном взаимодействии с танками.

Артподготовка проведена недостаточно, ибо обеспечивала ее только ПА/956 в количестве 4 шт. 76-мм орудий.

К 16.00 танки на линию огня не прибыли. Авиация противника в количестве 7 самолетов предприняла налет на район сосредоточения полка, на протяжении часа сбрасывая бомбы и прочесывая опушку леса пулеметным огнем на бреющем полете.

К 17.00 прибыла часть танков и выступила впереди пехоты, но с началом атаки последней, когда один танк во время подавления ПТО противника был подбит, остальные танки не открывая огня ушли обратно в тыл.

3 и 2 батальоны начали наступление, под проливным пулеметным и минометным огнем противника с огневых гнезд Н. Буда и Ник. Слобода. Артиллерия дивизии выступление пехоты не поддержала. 3 и 2 сб выдвинулись на возвышенность к Н. Слобода. наступление развивалось успешно, но к 18.00 противник выдвинул на фронт авиаподразделение в количестве до 27 самолетов. Предприняв налет эшелонами по 5–6 самолетов, авиация противника, на бреющем полете вела сильный пулеметный огонь и бомбардировку фронта наших войск.

Под сильным огнем авиации и наземных войск противника подразделения сп вынуждены были атаку прекратить и залечь на достигнутых рубежах.

В итоге проведенных боев со 2 по 10.9.41 г. полк понес потери убитыми до 350 чел, ранеными до 928 и пропавшими без вести до 400 чел.

С наступлением темноты, после трех бомбардировок авиации

и интенсивного минометного и пулеметного обстрела со стороны противника, не смотря на значительные потери в личном составе 2 и 3 сб оставшиеся в полку, все же повели наступление и заняли подступы к д. Никольская Слобода.

Из воспоминаний В.С. Турова

Полк вступил в бой в начале сентября западнее станции Жуковка, километрах в 150 от Брянска. Если посмотреть на карту Смоленского сражения, то на рубеже западнее Брянска отчетливо видна красная полоса сосредоточения наших войск для контрудара. Протяженность этой полосы составляла километров 200. Кстати, таких красных полос хватило и на остальных участках фронта: возле Ельни, Вязьмы, Ржева. Мы не только отходили и теряли города, но и наносили удары.

Первый бой нашего полка был не оборонительный. Мы наступали. Это была одна из тактических наступательных операций. Батальоны, артиллерия закрепились на опушке леса. Перед нами было открытое поле с редкими деревьями. Из леса мы немцев вышибли.

Спешно окапывались, укрепляли позиции. Дня два-три прошли в относительной тишине. Немцы рыли окопы за гребнем холма, метрах в 600–700 от нас. Где-то вдалеке гремело, ночами вспыхивали зарницы. Однако на участке нашего полка было пока спокойно. Примерно в километре за спиной сосредоточивались, маскировались в лесу еще какие-то части, артиллерийские батареи.

Время от времени, обычно утром и в полдень, нас обстреливали из батальонных 80-миллиметровых минометов. Противная вещь. Мины с близкого расстояния летели отвесно. Хотя прямые попадания в окопы случались не часто, но эффект от минометного огня был жутковатый. Что-то вроде бомбежки, когда остроносые трехкилограммовые мины, кажется, летят прямо в тебя.

Я видел результаты таких попаданий. Одного бойца из соседней роты превратило в месиво, изрубленное осколками. Натекло много крови, и несколько дней окоп пустовал, хотя был вырыт грамотно, из него хорошо просматривалась нейтральная полоса. Другого красноармейца выкинуло из окопа, ноги разлетелись в разные стороны. Смотреть на исковерканный низ живота было жутко.

В роте в моем распоряжении имелась снайперская винтовка. Немцы в некоторых местах рыли окопы открыто, не опасаясь нас.

Кроме того, я обратил внимание, что две лесные полосы искажают звуки пулеметных очередей и выстрелов. Эхо отдается в нескольких местах, а значит, обнаружить снайпера будет непросто.

Мне, молодому лейтенанту, хорошо усвоившему в военном училище снайперское дело, приходилось лично вести успешно охоту на зарвавшегося врага. В один из тех первых дней боев рота вышла на опушку леса. Командиры скрытно выдвинулись к самой опушке. Вдали на открытом поле мы увидели фашистов, отрывавших окопы.

До них было не так близко, из простой винтовки стрелять было бесполезно.

Я, спросив разрешения у командира роты «поохотиться» и, получив от него согласие, зарядил снайперскую винтовку (которых во взводе было две, но ни одного снайпера), сунул в карман четыре обоймы. Выполз вперед, откуда хорошо просматривалась местность, и стал через оптический прицел наблюдать за фашистами, подыскивая подходящую мишень. Вдали за окопами (метров 800), на окраине деревушки увидел гитлеровца, который нес в руках какие-то предметы. Тщательно, спокойно прицелился, затаив дыхание, спустил курок. Немец упал. Из-за кустов вышел второй и тоже после моего выстрела рухнул.

Гитлеровцы, копавшие окопы, всполошились, стали оглядываться. Эхо выстрелов отражалось от леса, который был перед ними, откуда я вел огонь, и от леса, который был в сотнях метров справа от нас и шел далеко за окопы немцев, и они никак не могли определить – откуда стреляют.

Я перенес огонь на копавших окопы солдат. Первым сразил маленького, шустрого немца. Гитлеровцы заволновались еще больше, и пока они прыгали в окопы, я успел уложить еще двоих.

И, видимо, стали прислушиваться, наблюдать – откуда стреляет русский снайпер? Осторожно стали высовываться из окопов. Этого мне было и надо. В оптический прицел прекрасно было видно, как над бруствером окопа приподнимается немецкая каска, и мне не нужно было более секунды на производство прицельного выстрела. А эхо выстрела разносилось со всех сторон…

Так продолжалось до тех пор, пока я расстрелял три обоймы, и, видимо, когда заряжал четвертую, был обнаружен немцами, по мне был открыт огонь из пулеметов и минометов. Мне пришлось срочно покидать свою огневую позицию. А немцы еще долго вели огонь по уже пустому месту. А в лесу командиры поздравляли меня и смеялись над немцами, которые «лупили» по тому месту,

где недавно я находился. Так в конце августа сорок первого года я открыл свой боевой счет.

Последние месяцы в военном училище я был командиром минометного отделения. А так как никто из командиров в роте не знал минометов, то положенные по штату роте два 50-миллиметровых миномета, (минометное отделение), тоже отдали в мой взвод. Готовить данные для стрельбы и вести огонь из этих минометов все время приходилось мне самому, так как подготовить из малограмотных крестьян опытных бойцов, во время формирования полка, за несколько дней было невозможно.

Не раз приходилось водить бойцов в атаку и лично, с винтовкой в руках, участвовать в рукопашной.

Через день мы пошли в наступление. И развивалось оно поначалу успешно, хотя и с потерями. Накануне удачно провели артподготовку. В тот период командиры Вермахта были еще слишком уверены в себе. Обстреливая наши позиции, они выдали расположение своих батарей. И думаю, из пренебрежения к нам, «Иванам», не удосужились сменить позиции своей артиллерии. В эти дни очень многое было для меня впервые. Огонь трехдюймовых пушек и небольшого числа тяжелых гаубиц казался сокрушающим. Взрывы гремели непрерывно, на вражеских позициях вспыхивало пламя, что-то горело.

Под прикрытием артиллерии, пока немцы не пришли в себя, нашей роте удалось подползти к их траншеям метров на пятьдесят. Но противник тоже вел огонь. Командир роты был отрезан от основной части бойцов.

Командование взял на себя политрук Кулаков. Немцы, приходя в себя, усиливали огонь. Рядом со мной тяжело ранило бойца. Из нескольких сквозных ранений на спине текла кровь. Ткнулся лицом в землю кто-то из сержантов. Кулаков поглядел на меня:

– Ротный молчит. Без него атакуем?

– Атакуем. Нельзя время тянуть, – отозвался я.

Рота лежала, напряженно ожидая сигнала к атаке.

Кулаков, невысокий, круглолицый, неуклюже привстал, затем поднялся в полный рост и закричал срывающимся голосом:

– В атаку!

Но рота, понесшая первые потери, лежала неподвижно. И немцы молчали. Топтался лишь политрук, подняв над головой наган.

– В атаку! – снова крикнул он.

Кажется, ударил одиночный выстрел. А может, короткая пулеметная очередь. Я был слишком напряжен и не понял. Пуля попала политруку в живот, он упал, но, пересилив боль, снова

поднялся. Следующая пуля угодила ему в лицо, Кулаков был убит наповал. Он был хорошим политруком, умел говорить с бойцами, а в этом бою видел себя комиссаром, чей долг – поднять роту в атаку. К сожалению, умения воевать ему не хватало.

Теперь обязанности командира роты временно исполнял я. Как нередко случается в самые трудные моменты, мозг человека действует автоматически. Я командовал громко и четко, словно сдавал зачет в военном училище:

– Рота, слушай команду! Подготовить гранаты, вставить запалы.

Залегшая цепь зашевелилась, готовя гранаты к бою. Следом, не менее громко, я прокричал:

– Рота, встать!

Команда, которой учили бойцов до автоматизма, сработала. Красноармейцы торопливо поднимались, держа перед собой винтовки с примкнутыми штыками.

– В атаку!

Вместе со всеми встал и я. Мы бежали, торопясь одолеть эти последние десятки метров. Над полем неслось протяжное «а…а…а…», крики «Ура!», «За Родину, за Сталина!». В нас стреляли почти в упор. Но сотня человек бежала, не останавливаясь, тоже стреляя на ходу. И огонь этот был плотный, так как вооружение роты составляли в основном самозарядные винтовки Токарева. Кроме того, нас хорошо поддерживали пулеметы.

И, тем не менее, люди падали один за другим. Боец впереди меня свалился ничком, еще один упал, схватившись за ногу. Пляшущий сноп пулеметного огня урезал сразу троих, но мы уже прыгали в траншею. Трудно описать рукопашный бой, тем более первый. Я могу вспомнить только отрывочные эпизоды, мгновения. Передо мной стоял крепкий высокий немец в сером френче, выставив свою винтовку с примкнутым ножевым штыком. Я держал в руках трехлинейку, владеть которой меня учили по несколько часов в день два года в училище, а затем я сам учил штыковому бою своих бойцов.

Винтовка Мосина, надежное безотказное оружие со штыком на специальном креплении – шейке, которая позволяет подцепить и отбить прочь вражеский ствол. Я поймал шейкой рукоятку чужого штыка, рывком вышиб винтовку из рук немца и сразу пробил его тело своим узким трехгранным штыком. На учениях в училище я с трудом прокалывал штыком чучело, а тут штык прошел в грудь как по маслу. Я не ощутил никакого сопротивления. Выдернул штык и бросился на другого немца.

Тот оказался не таким решительным и побежал прочь. Я догнал его ударом в спину. Наверное, мне следовало

командовать, а не искать очередного врага. Но бой уже вступил в такую фазу, где никто никого не слышал и сам выбирал свою цель.

Пять-шесть немцев, прячась в стрелковых нишах, вели беглый огонь. Нам повезло, что автомат имелся только у одного. Они успели убить и ранить несколько красноармейцев, но остановить остальную массу были не в состоянии. Люди, сумевшие преодолеть простреливаемое поле, оставившие позади погибших товарищей, переступили порог страха.

У автоматчика опустел магазин, и его пригвоздили штыком к стенке траншеи. Лихорадочно дергавший затвор винтовки унтер-офицер стрелял до последнего, но был втоптан в землю. Остальных из его отделения закололи штыками.

Двое пулеметчиков разворачивали на треноге пулемет. В них стрелял из нагана в упор один из командиров взводов. Несмотря на ранения, они сумели переставить пулемет. Смуглый боец, выскочивший вперед, ударом приклада свалил одного пулеметчика, второй упал, пробитый пулей.

Десятка два немцев, перескочив через бруствер, отступали. Грамотно, перебежками, прикрывая друг друга огнем. Наши за ними кинулись сгоряча. Упал один, второй боец. Я поймал за обмотку, пытавшегося броситься в погоню парня.

– Куда? Стреляй отсюда.

Время с неудачным преследованием упустили, но несколько фрицев остались лежать на поле. Остальные нырнули в овражек и исчезли. Хотя противника выбили из траншеи и заставили отступить, мы понесли значительные потери. Запомнилось большое число тяжелораненых. Их было не менее двух десятков. Те, кто угодили под пулеметные очереди, были ранены сразу несколькими пулями. Немецкие пулеметы МГ-34 со скорострельностью пятнадцать выстрелов в секунду прошивали тела насквозь, дробя кости на мелкие осколки. Я впервые увидел действие разрывных пуль. Попадание в тело означало почти неминуемую смерть. Бойцы, несмотря на умело наложенные повязки, истекали кровью.

Их торопливо грузили на подводы. С нами был командир роты. Он участвовал в бою с фланга.

– Ну что, получили боевое крещение? – проговорил ротный, глядя на тела погибших и подводы с ранеными, которых увозили в тыл.

– Получили, – отозвался кто-то из бойцов. – Ребят жалко. Но и фрицам досталось.

Вскоре мы снова наступали. Освободили несколько деревень. Запомнилось село Красное на Брянщине, из которого немцы

угнали всех жителей. К нам подбежал чудом уцелевший старик и, дрожа, звал на помощь:

– Там! Скорее! Там немцы закопали наших.

Я с бойцами побежал за стариком, и мы увидели две пары босых ног, торчавших из земли. Это были молодые ребята лет двадцати: тракторист и комбайнер. Фашисты закопали их живьем вниз головой.

Я прибежал на место со мной четыре человека связных. Грунт был песчаный. Мы выкопали двух ребят. У них на груди и на спине были вырезаны огромнейшие звезды. На спине разрезы были глубокими и были видны кости. Но они были уже мертвы. Им не было и 17 лет. Старичок сказал, что это тракторист и комбайнер. Они не смогли быстро эвакуировать прицепной комбайн, очень дорогая вещь. Комбайны раньше были прицепные и их по полю таскал трактор.

Так мы познакомились с «новым порядком», которые несли немцы. Те из немцев, кто считает, что армия Вермахта состояла из солдат, и гордятся своим ветеранским прошлым, пусть запомнят эту деревеньку Красную. Поэтому мы не называли немцев «солдатами». Для нас они были фашисты, гансы, фрицы. Звание «солдат» они не заслужили.

Могу с уверенностью и полной ответственностью сказать: «Да, нас – командиров Красной Армии в военных училищах готовили превосходно!». И в дальнейшем, на других фронтах, я это чувствовал по себе. И благодаря тем командирам, воспитателям нашего училища, я, собственно, и выжил в той, далекой уже, Великой Отечественной! Трудно описать рукопашный бой, тем более первый. До сих пор я могу вспомнить только отрывочные, не эпизоды, нет, а мгновения. Именно мгновения. Но то, как легко я выбил у гитлеровца винтовку и вонзил свой штык ему в грудь без усилий, я помню! (Не то, что как было трудно на учениях!)

Небольшая победа и дезертиры
Дневник В.А. Бенцеля

11.9.41 г.

На протяжении ночи с 10 на 11, 2-й и 3-й сб организовали разведывательные поиски в селе. Установили наличие большого количества огневых (минометных и пулеметных) точек. РГ подверглась обстрелу противника, ранено 4 человека.

После детальной разведки, проведенной ПА 956 сп артиллерийской подготовки, кучного минометного огня, 2 и 3 батальоны начали ночную атаку на д. Ник. Слобода и к 7.00 11.9.41 вытеснив противника, заняли ее.

На подступах к деревне кроме ожесточенной минометной и пулеметной стрельбы, слышны были отчаянные крики населения, животных, птицы и взрывы подожженных нашим огнем боеприпасов противника. Не выдерживая атаки наших двух батальонов, враг поспешно отступал.

Заняв Н. Слободу, нами захвачено 3 орудия, до 500 винтовок, до 5000 патрон, 3 ящика мин и прочее. По свидетельству местного населения немцы подобрали и вывезли до 500 чел. убитыми и ранеными, кроме того на поле боя обнаружено 2 трупа офицеров и до 70 немецких солдат.

Заняв село и оседлав шоссе, полк развивал наступление по направлению Шаровка.

Действующие справа 958 сп и слева 985 сп значительно отстали и наш полк, выдвинувшись вперед, очутился перед фактом полного окружения. Противник сосредоточил на наших двух батальонах всю силу своего огня, поэтому полк оседлав шоссе, вынужден был прекратив наступление и закрепиться на достигнутом рубеже, организуя полукруговую оборону.

В этом бою подразделения понесли большие потери и к исходу дня в 3 сб осталось около 200, а во втором около 150 чел.

Левый и правый соседи, не смотря на наши требования, не подтягиваются, полк вынужден находиться в обороне, вести круговой огонь, поддерживаемый только лишь огнем нашей ПА.

При занятии Н. Слобода обнаружено большое количество нашего вооружения (винтовки, противогазы, вещмешки, плащ-палатки, патроны и т. п.) которое, по словам местного населения, было принесено сдавшимися в плен к врагу красноармейцами, то есть дезертирами и добровольно перешедших к немцам до 500 чел.

12.9.41 г.

Одиннадцатый день полк находится в непосредственном столкновении с противником. С половины ночи и с наступлением утра и на протяжении всего дня противник ведет беспрерывный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь по р-ну расположения нашего полка. Обстрел ведется с фронта и с флангов и батальонам с незначительным личным составом, приходится сдерживать противника, при открытых флангах, так как отставшие 985 и 958 сп не подтянулись и тоже перешли к обороне. На линию огня командованием полка направлены все спецподразделения и лишь только 15 чел. комендантского взвода и 12 чел. со взвода ПФО оставлено для охраны штаба.

В 16.00 получен приказ о наступлении, и не смотря на то что комполка доложил комдиву о малочисленности 2 и 3 сб и о создавшейся обстановке в связи с отставанием соседей, комдив все же категорически приказал начать атаку. Поскольку приказ комдива давался без учета конкретной обстановки и полк начал наступление при незначительном личном составе и при открытых флангах под интенсивным перекрестным огнем противника, подразделения полка понесли большие потери. Соседи справа и слева настолько отстали, что фактически случились во 2-м эшелоне нашего полка.

Заняв в таких условиях часть южн. окраины д. Н. Буда полк приостановил наступление, а в 17.00 последовал второй приказ комдива, по которому полку предложено закрепиться на достигнутых рубежах, организовать оборону и подготовиться для отражения танковой атаки по шоссе справа и пехоты пр-ка со стороны Силе…

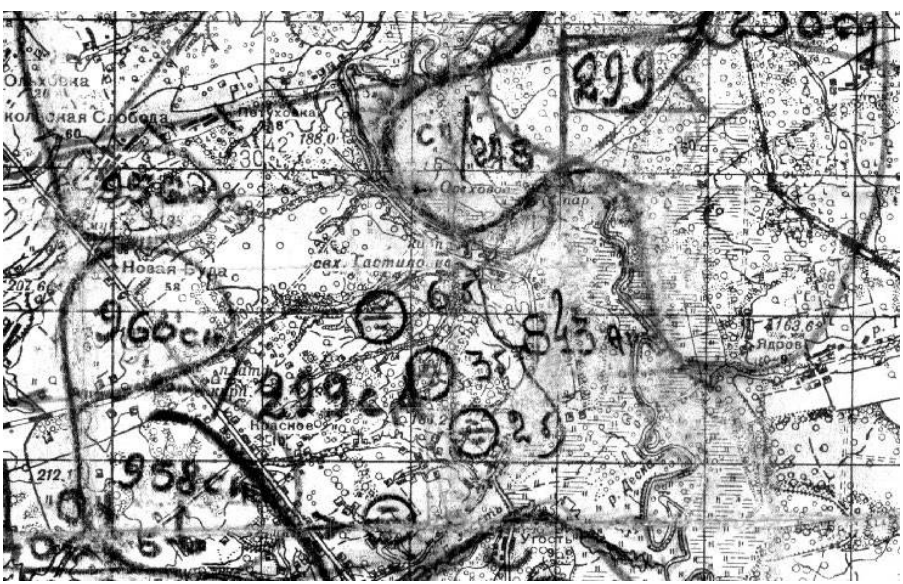
Задержание предателя

13.9.41 г.

На протяжении всей ночи на 13.9.41. подразделения сп и место расположения штаба, подвергались беспрерывному интенсивному обстрелу артиллерийским, минометным и пулеметным огнем противника.

В 22.00 12.9.41 в расположении кухонь 3 сб был задержан неизв. гражданин в рваной одежде, который в последствии оказался к-цем Лисица Дмитрием Карповичем, прибывший с Бобровицы Черниговского района, и будучи приведен в штаб, попросил комполка, одеть его в красноармейскую форму и отправить на передовую, при чем обе. очень хорошо дрался.

При допросе он показал, что 9.9.41. ночью, он вместе с 4 другими кр-цами 1 роты 1/956 сп, находящегося в 958 сп, перешел на сторону немцев. Перешедших с ним кр-цев направили в тыл, а его покормили, попоили водкой, переодели в старческую рваную гражданскую одежду и направили в наш полк с заданием: 1) установить количественный состав части. 2) Установить место нахождения штаба и сагитировать побольше бойцов сдаться в плен. Настоящий изменник Родины взялся за выполнение этого гнусного поручения (со слов Уполномоченного ОО).



Карта расположения 299 сд 15 сентября 1941 г.

Ночью, противник, организовав беспрерывный круговой огонь, пытался создать видимость окружения наших

подразделений. Одновременно группа противника до 50 чел. мотопехоты и 5–6 мотоциклистов атаковала фронт 3/956 сп. Атака была успешно отбита, причем нашим отделением захвачено 4 ящика мин. Проведен учет потерь личного состава и установлено, что в итоге проведенных боев полк понес потери: убитыми 425 чел., ранеными до 1200 чел. и пропавшими без вести 411 чел.

Во втором сб осталось 60 чел. и в 3-м – 120 чел., командир полка использовав все источники пополнения внутри полка, довел численный состав батальонов включая хозвзвода и транспорт: 2 сб – 186 чел. и 3 сб – 208 чел.

В тоже время все спецподразделения полка за исключением санитарной роты уменьшены до минимума. Так в транспортной роте осталось 28 чел., ПВО 8 чел. шоферов, взвод пешей разведки – 13 чел, взвод ПХО – 15, рота связи – 34, ветлазарет – 7 чел. и мастерская ОВС – 3 чел. Несмотря на то что 2 сб-на численностью боевого состава немногим более 300 чел. удерживают фронт протяжением до 6 км, комдив приказал начать наступление и лишь через три часа, после настоятельного требования командования полка, комдив отменил свои приказы.

Бестолковые маневры

14.9.41 г.

К исходу дня 13.9.41. противник усилил артиллерийский, минометный и пулеметный обстрел района расположения 3 сб. с наступлением ночи огонь усилился, пред фронтом 3 сб начались разъезды на мотоциклах и группа противника до одной роты пьяных офицеров и солдат предприняла атаку на 3 сб.

Подпустив противника на незначительное расстояние к фронту, наши бойцы открыли интенсивный огонь и пошли в контратаку.

Противник в панике отступил, оставив на поле боя до 25 офицеров и до 70 солдат, 1 миномет, 1 ручной пулемет, большое количество патрон, документов и писем. У убитого офицера найдена полевая сумка с документами, принадлежавшая погибшему политруку роты связи т. Олексеенко. Когда атака была отбита, противник занял оборону в заранее подготовленных огневых позициях юз Н. Буда и прекратил обстрел нашего фронта за исключением одиночных минометных выстрелов.

К 12.00 авиация противника предприняла интенсивную бомбардировку и пулеметный обстрел фронта и места нахождения штаба полка.

В 15.00 получен приказ комдива, согласно которому полк передает свой боевой участок соседу и выходит во второй эшелон в р-н д. Ядрово. Передачу необходимо было закончить к 23.00, но принимающие участок, только после наших неоднократных требований прибыли к 2.00 15.9.41 и к 3.00 боевой участок был передан и полк двинулся во второй эшелон по маршруту Никю Слобода – Пениховка – совх. Гастиловка – д. Ядрово.

15.9.41 г.

К 14 часам дня подразделения полка сосредоточились в р-не х. Ядров. Приступили к подготовке питания бойцов, организации мытья. Не прошло и 2-х часов когда был получен новый приказ комдива, немедленно к 24.00 занять прежний район обороны. Успев только накормить людей, без отдыха после ночного марша, полк двинулся в обратный путь по маршруту: Ядров – Жуковка – Летошские хут. – Красное – район обороны: Н. Буда и Ник. Слобода.

3 и 2 сб прибыли в район обороны к 3.00 16.9.41 г., а так как группа пп 843 ап и придан 958 сп 1 б-н 956 сп не прибыли, то полк 2 абсолютно неполными батальонами по существу 2 ротами) занял оборону по фронту 6 км. На протяжении всего дня проводилась инженерная подготовка р-на обороны. Противник

вел ожесточенный пулеметный и минометный огонь на протяжении всего дня.

17.9.41 г.

Полк находится в обороне. Организована система ведения огня по противнику. Установлено тщательное наблюдение за действиями противника.

Противник весь день ведет сильный пулеметный и минометный огонь по р-ну обороны. Особенно интенсивно обстреливает наш левый фланг и соседа слева. К вечеру прибыла группа пп 843 ап и возвратился с 958 сп 1 б-н ст. л-нта Салтовского, который выведен во 2-й эшелон н/полка на опушку леса под Н. Буда в стыке 2 и 3 сб.

К вечеру противник усилил огневой шквал, есть убитые и раненые. С наступлением темноты в р-не обороны перед фронтом 2 сб было подожжено 2 дома, усилился минометный огонь и группа в 40–50 человек с напр. Кочевский предприняла атаку боевого охранения левого фланга 2 сб. Решительной контратакой левого фланга обороны 2 сб группа была отброшена. ПА – уничтожило пушку противника и 2 огневых гнезда в лощине севернее Н. Буда.

18.9.41 г.

Проходит интенсивная перестрелка. Дуэль минометов, пулеметов и артиллерии. Особенно активничает артиллерия противника к исходу дня. Подготовились к отражению возможной атаки.

Глупое положение полка

19.9.41 г.

Ночь прошла спокойно. Глупое положение полка. Находимся в полуокружении. Соседа справа близко не видно, при том он сзади, левый сосед тоже сзади; наш полк вклинивался эллипсом. Со всех сторон обстреливается артиллерией и минометами противника.

Ночью организовали разведпоиск. Оказывается ночью противник уходит в глубь обороны и находится в огневых точках, сосредотачиваясь по 5–10 человек, а днем выходит на огневые позиции.

20.9.41 г.

С 4 часов утра противник начал интенсивную артподготовку в р-не 3 сб. Ожидаем атаки. Наша артиллерия открыла интенсивный огонь. дуэль длилась до половины дня. Огонь противника прекратился, атака не последовала.

Вечером прибыло 360 чел. пополнения. Люди не обученные. Противник на протяжении ночи освещает р-н обороны ракетами. В нас же нет ракетниц. Просили в дивизии – отказали.

21.9.41 г.

Одно и тоже, не жизнь, не война, а скука. Началась дуэль артиллерии и минометов. Над нашим фронтом «мирно» летают разведсамолеты противника. Организовали боевую учебу пополнения.

К вечеру противник усилил огневой шквал. Ночью все утихло.

22.9.41 г.

Ночь прошла спокойно. На протяжении дня все так же арт. и минометная перестрелка.

23.9.41 г.

Ночью пропали без вести 19 человек, сидение в окопах, постоянная перестрелка, кажется, начинает колебать уверенность менее стойких красноармейцев.

С утра и весь день над р-ном обороны, подобно «коршунам» кружат разведсамолеты противника.

24.9.41 г.

Все тоже. У противника появились орудия, которыми он обстреливает нас из р-на Шаровка. Нашим огнем подавлены 2 огнеточки противника у домиков по шоссе с-з 4 Ник. Слобода.

25.9.41 г.

Весь день противник ведет интенсивный методический артиллерийский огонь по нашему полку.

В 14.00 три бомбардировщика бомбили лощину у ж.д.

и южную окраину леса. Бойцы встретили «птиц» пулеметным и ружейным огнем. «Разбомбили» 1 лошадь и только. Осколками снарядов ранено 3 человека.

26.9.41 г.

Ночью организовали разведывательный поиск. Организация была проведена прекрасно. Рекогносцирован путь движения и отхода РГ, установлены точные места заградогня и поддержки артиллерии.

На протяжении ночи противник вел бесперебойный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь по всему нашему фронту. По шоссе севернее Ник. Слобода слышался шум моторов.

Наша РГ была обнаружена и вступила в бой с боевым охранением противника. Убито до 10 чел. и разбит ст. пулемет противника. Наши потери 2 убито и 3 ранено. День прошел спокойно.

27.9.41 г.

Ночь прошла спокойно. Наблюдением установлено арт. дуэль между противником и соседом справа.

ПА и группа пп 843 ап открыла огонь по противнику. Ночью перешло к противнику 5 красноармейцев.

Днем противник вел минометный огонь по р-ну обороны. Дважды летали разведывательные самолеты противника.

28.9.41 г.

Все та же дуэль. Подразделения полка занимаются боевой подготовкой.

29.9.41 г.

Ночью произведен усиленный разведпоиск. Уничтожено 2 огнеточки противника. РГ потерь не имела. С утра противник вел сильный минометный огонь. Нашей артиллерией уничтожено минбатарея противника.

В подразделениях полка проводятся инженерные работы. Нормально идет боевая подготовка. Организован отдых и санобработка личного состава части.

30.9.41 г.

Огневая дуэль, между нашими и противником.

1.10.41 г.

Весь день велась перестрелка. Вечером получили приказ о выходе во 2 эшелон.

К 3.00 2.10.41. район обороны был сдан и полк вышел по направлению Н. Левшино. Движение полка проводилось по учебному плану.

2.10.41 г.

К 14.00 полк сосредоточился в лесу восточнее Цилея.

К 16.00 получен приказ, о том, что противник прорвал оборону в р-не Семеновка (1005 сп) и немедленно предложено выйти на Малышевку и вступить в бой.

Полк спешно направился в Малышевку. Движение проходило ускоренным маршем. К 24.00 1 и 3 б-ны достигли Малышевки и заняли исходное положение для атаки с фланга. Но комдив, неизвестно почему, заставил возвратить полк обратно, сосредоточить в с. Любенска и вести наступление в лоб наступающему противнику. Ни один нормальный человек не может понять действий комдива.

Удар с фланга обеспечивал возможность ликвидации прорвавшейся группы противника, во-первых и, во-вторых, можно было задержать его переправу на р. Десна.

Кроме того, полк целые сутки находился на марше, боеспособность от этого много теряет. Не понять, в приказе написал одно, а лично приказал сделать другое.

К 4.00 полк сосредоточился в районе Любенска, заняв исходное положение и около 5.00 3.10.41. столкнулся с противником в пос. Путь Культуры.

Горячие денечки

3.10.41 г.

Горячий денечек. Стремительной атакой 3,1 сб, заняты Путь Культуры, Трудзнание, Малышевка, правый фланг противника нашими подразделениями отброшен и занял оборону.

Противник силой до 3-х батальонов при поддержке танков, предпринял психическую атаку. На участку нашего полка атака успешно отбита, но соседи справа 958 и 960 сп панически бежали, оставив все вооружение. Сосед слева 1005 сп, тоже ушел. Противник справа и слева стремительно продвигался впереди достиг р. Вотьма. Наш полк находится в окружении. Остался один небольшой выход шириной до 2-х км по дороге на Погореловку.

Полк занял полукруговую оборону и стойко отражает ожесточенные атаки противника, перенося на себе мощный минометный и пулеметный огонь противника.

С 14.00 часть находится под сильным огнем противника с фронта и с флангов, но стойко удерживает свои позиции, а к 22.00 получен приказ комдива отойти и занять оборону на восточном берегу р. Вотьма.

Это вместо того, чтоб нажать на противника двумя полками по направлению Гасиловка и выровнять фронт, комдив решил отступать.

Выходили под огнем наседающего противника и все же без значительных потерь, выведена вся материальная часть, вооружение, обозы. К 4.00 4.10. перешли реку, заняли оборону и взорвали мост через Вотьма в Погореловке.

4.10.41 г.

Заняли оборону на левом (восточном) берегу реки Вотьма по фронту: Филимоново – Отрадное – Безобразово – Саковка – лес восточнее Погореловка юж угл. 4656 и юж. угл. 4654.

Установлено тщательное наблюдение за действиями противника.

Под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника, спешно проводили оборонительные инженерные работы, отрывали окопы, строили блиндажи, ДЗОТы.

В направлении Погореловки, Любенска, Касилово подтягиваются крупные силы противника, артиллерия, пехота, автотранспорт, обозы. Мы никак не можем вызвать артогня дивизии, а наша АП не в состоянии рассеять движущиеся колоны врага. В районе Звонка замечена концентрация конницы противника.

5.10.41 г.

Продолжаются инженерные работы, отрывка окоп второй очереди, запасных и ложных.

Противник продолжает концентрацию войск.

Комдив обещает организовать артобстрел движущихся колонн.

Ночью, во время поверки обороны 2 сб, на командира полка Кравченко напала разведгруппа противника до 15 чел. майору пришлось трудно, разведчики, ходивши с ним, автоматным огнем немецкой разведки разогнаны, он остался один с помкомвзвода Иващенко, и только благодаря тому, что у майора был ППШ, дело обошлось благополучно. Оставив несколько человек убитыми, РГ немцев поспешно отскочила за реку.

6.10.41 г.

Наконец артиллерия ведет методический огонь, придали полку группу пп 843 ап.

С утра артиллерия начала бить по движущемуся противнику. В Погореловка подожжен склад с боеприпасами, в Касилово уничтожено не меньше 1 батальона противника. Движение колонн противника изменилось, и все направлено в направлении Крутой Лог, Матреновка. Кажется, что он где-то прощупал место для прорыва обороны.

7.10.41 г.

Со стороны Погореловки, Любенское, Касилово ведется сильный арт., минометный и пулеметный огонь по всему нашему фронту. Особенно сильно обстреливается Саково – штаб 3 сб и Николаевка – штаб и КП полка.

Сижу в блиндаже, рядом «аккуратно» устилается поле минами. С р-на Крутого Лога бьет тяжелая артиллерия. Чувствуется, что противник подготавливает наступление.

Ведем срочную подготовку к отражению атаки противника. Разработана точная система огня и план контрнаступления.

Из воспоминаний К.Г. Аносовой

«До места назначения не добрались, потому что наш эшелон разбомбили немцы недалеко от Дятьково. И мы пешком пошли через лес. Вскоре командир дивизии собрал офицерский состав и объявил, что мы попали в окружение и предложил выходить из него кто как сможет.

Иван Яковлевич Кравченко сказал: «Я свой полк не распускаю. Будем с боями выходить из окружения».

Несколько раз происходили стычки с немцами. И вот наступил последний рывок. Нам надо было пройти через

населенный пункт, а там – немцы. Я нашла хорошее ровное место на лужайке, поставила опознавательные знаки медицинского пункта. Раненых уже много было. А остальные пошли в наступление на деревню. Между полянкой и деревней было хлебное поле. Хлеб уже был созревший, высокий, колосья наливные. Начался бой, стали поступать раненые, они заняли всю свободную площадь. У меня было три повозки, я их отправила ближе к лесу, подальше от боя.

И тут я увидела наши повозки, на которых отвозили боеприпасы. Они мчались назад в такой дикой панике! Значит, наши с немцами не справились. Самое страшное для нас это было попасть в плен, да еще с ранеными. Страшнее этого для меня ничего не было. У меня вся лужайка в раненых. Мне стало страшно за них, что эти обезумевшие от ужаса люди на повозках сметут и растопчут всех. В этот момент загорелось ржаное поле. А хлеб был чуть не в человеческий рост, колосья тяжелые, золотистые… Сердце обливалось кровью от такого зрелища. Я была в отчаянии. К счастью, на помощь мне пришел немолодой офицер. У него был автомат. Мы остановили несколько повозок, погрузили на них раненых. Раненых удалось спасти. Мы вернулись опять в лес и стали искать выход.

Когда выходили из окружения мы всех раненых с собой возили. Первая попытка прорыва была неудачной. Наши солдаты вошли в деревню, а там их уже ждали и была большая немецкая засада. Только наши вошли, как по ним открыли отовсюду огонь. Среди обозников началась паника и они полетели на своих повозках кто куда.»

50-я армия в окружении
Дневник В.А. Бенцеля

8.10.41 г.

в 22.0 7.10.41. растерянный комдив, перепуганным голосом сообщил, что вся армия в окружении. Армия?!

По телефону сообщил, о немедленном выходе полка в р-н?!

По телефону сообщил, о немедленном выходе полка в р-н Николаевка – Ново. Умысиничи. Организованно, тихо и спокойно весь полк с приданной ему артиллерией и обозами, с болью оставляя родные места без боя вышел на с. Фошня.

В Фошне, комдив вручил приказ, о немедленном «выходе из окружения». Целый день двигались колонны войск, артиллерия, обозы, транспорт. Отходит сила, которая при хорошем и правильном использовании, могла б нанести жестокий удар противнику. Неприятное окружение. Спереди ни одного выстрела, ни одного немца. Зарева пожаров и взрывы, но это, вероятно, 2 эшелон, отходя уничтожает недвижимое имущество.

К вечеру подошли к хут. Ново Умисничи, остановились в бане.

9.10.41 г.

Выходим из «окружения» путь на д. Огарь, по дороге встречаются подожженные машины. Преступно. Врага и близко нет, а паникеры и дезорганизаторы, начинают бросать материальную часть. К исходу дня в с. Огарь, сосредоточилось несколько дивизий. Спереди взрывы, пожары.

Комдив Серегин, перепугано торопит, немедленно двигаться, без передышки, без отдыха.

Кравченко – действительно герой, говорит, что торопиться нечего. В Огаре полностью собрав все полковые обозы, транспорт, приданную, т. е. поддерживающую артиллерию, поставив четкую задачу комбатам, артиллерии, на случай появления врага, организовав разведку пути.

10.10.41 г.

В 4.00 10.10.41 г. полк двинулся на Водкино. Я выезжал последним, около Сергеевка, моя машина, со штабной машиной гвардива села в болото. Штабные, свою машину оставили, я предложил шоферу, перелить в свою бензин и вытянуть. 4 часа выбрасывала болотную почву, подкладывали ветки и машина вышла. В Сергеевки, я нагнал штаб дивизии, медсанбат, ОО все в машинах. При выезде из села, комдив предложил не отрываться, а следовать со штадивом. Но штадив направился не в Водкино, а

почему-то в Слободу. Заблудились и меня тянут.

Направление на Поддубное, там немцы. Я возвращаюсь в Сергеевку и оттуда на Водкино. В Водкино нашел комполка майора Кравченко и весь полк.

Село и хутор Водкино заполнены войсками, обозами, артиллерией. Наш полк сосредоточился в лесу под Почевкой и выслана разведка по маршруту сказанному комдивом для следования дивизии, кроме того выслана разведка еще по двум направлениям, на Павловку и Колодязцы.

Со стороны Поддубная противник открыл ураганный минометный огонь по хутору и с. Водкино. Разбит и уничтожен весь транспорт штадива. Люди в панике бросают машины, вооружение, и хоть бы палец о палец кто ударил для обороны.

По приказанию Кравченко ПА и группа пп 843 ап, открыли огонь по Поддубному, противник утих. Нам повезло. Кто-то бросил 4 исправных противотанковых орудия и снаряды. Мы собрали верховых лошадей командования по приказанию Кравченко и забрали эти пушки. Теперь полк полностью вооружен. Кравченко распорядился, часть продуктов раздать бойцам, а подводы нагрузить найденными в лесу боеприпасами. Воевать есть кому и чем.

Возвратившиеся разведчики сообщили, что во Флорово сосредоточены немецкие бронетанковые части, в Хвостовичах тоже. Об этом уже доложили комдиву Серегину. С наступлением темноты полк двинулся в путь к указанному в приказе пункту. Сосредоченная через Павловку, который, по данным разведки, свободен. Со стороны Почаевка к лесу подъехало 5 танков противника и открыли ураганный огонь по опушке леса, где были выстроены колоны полка, спереди в лесу застрочили беспорядочно из автоматов. Пытались создать панику. Не на того напали. Несколько станковых пулеметов с тачанок Шутова, начали прочесывать лес.

Два под. (найденные орудия ПТО) под личным руководством Садула (нач. арт.) и м-ра Кравченко, полковой и 2 батальонных миномета открыли ураганный огонь по танкам «гостя». Через 20 минут все смылись. Полк двинулся в направлении Павловка – Колодезные Дворики. Прошли 6 км, но комдив прислал конника и приказал вернуть полк ночевать в Водкино. Ничего не понимаю. Враг или помешанный. Противник обнаружил всех, может подтянуть силы и действительно растрепать все войска, потом ночь для выхода лучшее время. Днем авиация может рассеять колонны, да и вообще по Брянскому тракту (как привыкли говорить «Большаку») расположены танковые и мотомехчасти противника. А комдив требует ночевать у Водкино. Могут

погибнуть все люди. Кравченко возвратив полк, оставляет в лесу, а сам отправляется к комдиву в Водкино. На опушке леса оставляем сильное боевое охранение с пулеметами, пушками, а в глубине леса развели «пионерские» костры. Обогреваемся, сушим портянки, обувь, я даже приловчился написать эти строки.

3.00 11.10.41. Возвратился Кравченко, он все-таки добился разрешения. В 4.00 комдив разрешил выйти по маршруту: Павловка – Ресета и форсировать реку Ресета. Скоро будем двигаться.

Из воспоминаний В.С. Турова

«А когда мы попали в окружение, Кравченко собрал командиров и сказал: «Почему вы ходите с грязными подворотничками? Никому не дам поблажек. Чтобы все были подшиты чистыми подворотничками. Всем пришить на форма форменные пуговицы с звездой и гербом. Почему прекратили отдавать честь? Всем отдавать честь как положено». Принял жесточайшие меры по уставным взаимоотношениям между военнослужащими. Для отдания чести красноармеец должен был за три шага до офицера перейти на строевой шаг. Все как положено. Приказал опять нашить красные петлицы и парадные знаки различия. Мы были вынуждены требовать это и от своих подчиненных. Это народ взбодрило. Все стали красивые подтянутые. Одна из причин, почему он вывел свой полк из окружения. Конечно, без потерь не обошлось. Но один полк нашей дивизии мы потеряли полностью (960 сп), а от другого вышел всего один батальон (958 сп). К нам прибивались остатки других частей, кто хотел воевать, и выходили с нами. За нами вышло много обозов.

…Постоянные бои, нахождение в сырости, в болотах, в холоде, под дождем, не имея возможности даже переобуться, привело к тому, что у меня отказали ноги, и я, лежа на повозке, продолжал командовать ротой, выводя ее из вражеского окружения. Бойцы верили, что я, родившийся в Брянских лесах, сумею вывести их окружения. И эту их веру в лежачего, полностью зависящего от ездового красноармейца Зубарь, я выполнил – из окружения их вывел!

Как то солнечным днем мы ехали по лесу и на развилке дорог стоял замком дивизии и направлял одних налево, других пропускал прямо. Видит, едет повозка, на ней человек лежит, он нашу повозку отправлял налево, но мой ездовой Зубарь, хлестнул лошадь и поехал прямо, подполковник побежал за нами, кричит:

«Стой!». Я кричу ездовому: «Что ты делаешь? Стой!», а о знай себе нахлестывает лошадь. Когда поздно ночью мы встали на привал, я опять к Зубарю с вопросом: «Ты почему так поступил?» А он мне: «Знаете что. Я вас спас» слева там болото и небольшой островок, так туда все раненых и больных тяжелых собирают и санитарный батальон. Командир дивизии сказал, что мы их пока там оставим на острове, а туда мало кто дрогу даже местные знали. Был проводник. Комдив сказал, что мы их всех потом заберем, когда в наступление пойдем. Нам никто ничего не говорил, а Зубарь подслушал разговор и все знал. Перед самым выходом из окружения мне стало лучше и начал сползать с подводы.

Раненых и медсанбат мы так и не смогли забрать, их судьба нам неизвестна. Быстрее всего они все погибли.

Имелись ли у нас дезертиры? Практически не было. Возможно, сыграло свою роль, что мы удачно нанесли несколько ударов по врагу, двое суток успешно отражали атаки. В роте поддерживалась крепкая дисциплина и не чувствовалось растерянности. Но когда подходили к линии фронта и я встал на ноги, то заметил – ездовой Зубарь и трое бойцов кучкуются, о чем-то перешептываются.

Потом Зубарь подошел ко мне и, помявшись, сказал: «Воевали мы, как могли. А сейчас, лейтенант, может, без нас обойдешься?» Это были бойцы в возрасте, из здешних мест. Наблюдая, как быстро наступают немцы, они решили отсидеться по домам. Вскоре все четверо незаметно исчезли.»

956-й полк выходит из окружения
Дневник В.А. Бенцеля

11.10.41. хут. Шишков.

Самый непонятный день, трудно сосредоточится, а события дня интересные.

Выйдя в 4.00 с леса восточнее Водкино, наш полк, прибившийся к нему 2 сб 958 сд, 2 артдив, батальон охраны штаба армии, в общем колона 10 км длиной в 10 утра сосредоточилась в лесу западнее Ресета.

Какой-то местный житель подошел и рассказывает, что у моста все время двигались колонны противника, что впереди нас части в лесу ожидали вчера и ночью группами по 10–20 человек пробирались через реку в лес. Перспектива не из приятных.

Разведка установила, что в Ресете и Колодезских Двориках, Мокрых Двориках – противника нет. Кравченко принял решение, не теряя ни минуты, форсировать реку и выходить в лес восточного берега р. Рессета. На дороге в одну и другую сторону выставлено сильное боевое охранение с минометами и артиллерией. Найдено два брода в реке. Поставлены задачи всем подразделениям.

2 сб 956, 2 сб 958 и все спецподразделения первыми перешли реку и тоже заняли оборону по охране переправы.

Переправили все обозы, транспорт, войска, артиллерию. Противник не появился. Вся колонна переправилась и расположилась на восточном берегу р. Рессета, в лесу.

Позади где-то в районе Павловка, слышна канонада выстрелов. Артиллерия и один батальон заняли оборону по охране переправ, на случай подходу других частей дивизии и других соединений армии.

Но ужас. Оказывается, что комдив заспал и с Водкино вместо 4.00 по приказу, все части вышли в 8.00, и к 12, когда наш полк уже форсировал реку и сосредотачивался в лесу, остальные части дивизии и армии были атакованы противником минометным огнем, разбиты и рассеяны, наши части к нам начали прибывать как отдельные группы бойцов.

Поздно вечером прибыл комдив Серегин, комиссар Корнев и несколько штабных работников. Дивизии уже нет. Остался только наш 956 сп с вооружением, 8 пушками, обозами и те подразделения которые шли с нами: группа пп 843 ап, ОБС, Обохр. 50 армии и 1005 сп 279 сд под руководством л-нта Савчинского пришел организовано, хоть и со значительными

потерями. Теперь 299 сд это 956 сп Героя Советского Союза майора Кравченко. Но у нас дело скверно с продснабжением. С 7-го мы в дивизии ничего не получаем, ПФС дивизии утеряно. Достать негде. Запасы, которые розданы бойцам, съедены. А здесь нужно побыть несколько дней, чтоб охранять переправу и подбирать рассеянные части дивизии. На ст. Кудеяр обнаружен брошенный продовольственный склад. Сахар, крупа, хлеб (мука), свинина, скот. Повезло.

«Национализировали» брошенный склад. Раздали бойцам сахару по 1,5–2 кг, заготовили хлеба, мяса, сала.

12.10.41 г.

Целый день провели на ст. Кудеяр. Пекарня работает круглые сутки. Прибывают группы бойцов других частей, но без оружия.

13.10.41 г.

Все тоже. В 12.00 назначили выход по направлению Белева. Комдив Серегин чудит. Во-первых приказал сбросить боеприпасы и везти арестованных дезертиров.

Прямо вакханалия. Кравченко не выполнил приказа и очень хорошо. Почему-то на платформе станции комдив сосредоточил все собранные обозы, войска и приказал задержать полк. Налетят самолеты, все будет уничтожено и рассеяно. Кравченко очень расстроен, начал нервничать и отдал приказ о выходе в лес. К каждому орудию, кроме артиллеристов, придана группа бойцов, для того чтобы помочь проехать по заболоченной лесистой местности. Полк и все остальные группы прибывшие за эти дни на станцию двинулись на Белев.

15.10.41 г. Васюковка (Александровка)

Целый день 14-го двигались на Белев. Связались с командованием Белевской группы и по его приказу заняли оборону по р. Рука. Полк прибыл со всем вооружением, с артиллерией, группой пп 843 ап, 2 сб 958 сп. Жизнь пошла нормально. В Белеве получили хлеб, масло, водку. Окружение закончено. Мы на линии фронта.

Атака города Болхов и глупость комдива

16.10.41 г.

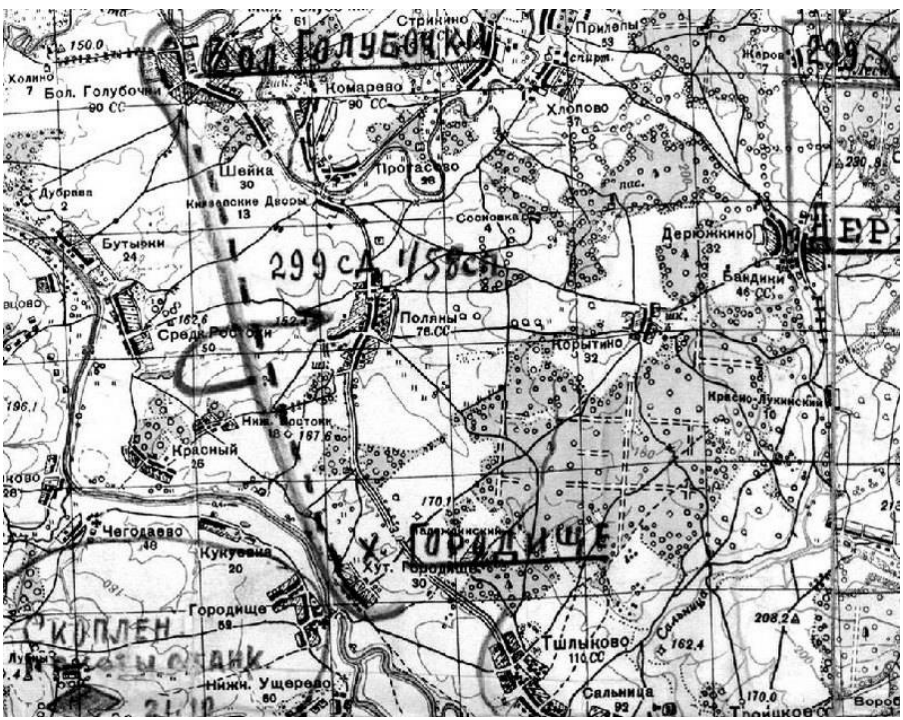
Получили задачу ком. Белевской группы двигаться на Болхов и вместе с 58 зап. сп и 473 сп и кавал. полком. 41 кд, выбить оттуда противника. Обозы и тылы остались в Александровке, а полк сводным батальоном со всем вооружением двинулся в Болхов. Вышли 15.10 в 16.00.

17.10.41 г.

Щербово 2.

«Болоховская шутка» комдива Серегина, иначе нельзя назвать вчерашний день 17.10.41. день роковой для нашего полка.

К 5.00 утра батальоны заняли исходное положение для атаки в овраге Слоб. Ямская. Расставлена на огневых рубежах артиллерия ПА, ПТО и группы пп 843 ап, полковой и батальонные минометы. КП полка над обрывом Яра в крайнем домике Сл. Ямская.



Октябрь 1941 года. Расположение 299 сд под г. Белев

Ожидаем соседей по приказу группы справа 58 зап. сп и слева 473 сп 154 сд. Они задержались. Приближается рассвет. Взвились три красные ракеты и на голову спящего врага обрушилась сила

огня 12 орудий и 7 минометов.

Противник не ожидал ведь он уже 2 недели хозяйничает в городе. Беспорядочно задвигались по улицам танки и бронемашины, без штанов выскакивают хваленые гитлеровские вояки и беспорядочно метаются по улицам города, на ходу одеваются. С КП прекрасно видно все положение. Удачно корректируется огонь минометов и артиллерии.

Немцы попробовали организовать сопротивление, но безуспешно. Наши батальоны уже в городе. Противник в панике бежал по Орловскому шоссе, оставив в Болхове много убитых, подбитый броневик и несколько мотоциклов. Соседи справа и слева не подошли. В городе только наши батальоны. Кавполка нет и противник откатившись по шоссе за лес занял оборону. Подошедший 58 зап. сп почему-то ушел обратно, причем организовано. С КП полка прекрасно видно весь город и подходы к нему.

На КП пришел комдив Серегин, и категорически потребовал перевести в город артиллерию, минометы и туда же перенести КП полка, а наш КП, он оставляет как свой КП комдива. На вопрос, почему ушел 58 сп, он лаконично ответил уполномоченному ОО Бирагову «Не Ваше дело».

Ничего дела, комдив, дисциплина. Перетягиваем все в «мешок», в город и занимаем по его указанию оборону по реке. В городе нам видно только длины улиц.

В Ямской оставили тачанки и повозки для минометов и сосредоточились в городе.

Вечером со стороны Орла в город ворвалось до 80 танков противника и окружили автоматчики и бронемашины. Полк с артиллерией очутился в окруженном городе. Комполка Кравченко и другие командиры ушли в батальоны. На КП – в здании военкомата остался я, нач. штаба, комиссар полка, ПНШ-1 и уполн. ОО. На улице у здания 5 танков и во дворе до 20 автоматчиков противника. Положение веселое. Собрали все документы в полевые сумки и наблюдаем. Прекрасный артиллерист Хоменко (фамилию точно не помню, ее должен помнить нач. арт.), один у орудия под трассирующими пулями противника в упор стреляет по танкам. Один из них разбит. Другой всей силой рванулся на орудие и раздавил его, но боец герой раненый и где-то уполз во двор.

Мы спустились в подвал и ожидаем, разработав систему огня собственной обороны. Через 5 минут к нам в подвал влетело 2 гранаты, но к счастью никого не ранили. К 22.00 все стихло. По улице расхаживают по 2 патруля. Мы выходим из мешка подвала во двор. В саду растерялись, пройдя несколько метров, я увидел,

что сзади только нач. штаба, остальных нет. Возвращаться обратно во двор смысла нет. Прислушался ни шуму, ни выстрела. Значит благополучно пошли другим путем, я с нач. штаба вышли со двора и под носами у немецких патрулей перешли улицу, через соседний двор в сад, в огород, Яр и Слобода Ямская.

К 2.00 18-го пришли в Щербово где оставили свои кухни и тылы. Здесь застали отдельные роты и взводы полка. К утру прибыли комиссар, уполн. ОО, ПНШ-1, прибыли 1 и 2 сб и наконец к 10 часам утра «сопровождаемый» огнем пяти танков противника, прибыл комполка и 3 сб.

Из воспоминаний В.С. Турова

«Мы вышли из окружения к г. Белеву вечером, а в обед следующего дня наш полк послали освобождать г. Болхов. Наш 956 стрелковый полк, внезапным ударом выбил немцев из г. Болхова, где моя рота освобождала центральную часть города. В этом бою я потерял своего последнего командира взвода лейтенанта Михаила Жукова. Когда он перебегал улицу, в него выстрелил танк и снаряд взорвался у его ног. А с этим Жуковым, мы не только учились в одном училище и в одном отделении, но и спали рядом. Он на первом ярусе кровати, а я на втором. Это никогда не унывающий, спокойный человек, бывший учитель начальных классов. К Болхову подошли немецкие танки и нам ночью пришлось его оставить, т. к. у нас не было ни боеприпасов. Ни патронов, ни гранат. Ничего не было. После боя я нашел среди раненых Жукова. У него были перебиты все ноги и нижняя часть туловища. Над ним сидела медсестра, а он все говорил: «Холодно. Как холодно». Он лежал в шинели у раскаленной печурки, жара такая, а он мерз. Он поманил меня пальцем и тихо так сказал: «Пристрели меня. Пистолет за бортом шинели». Конечно он не жилец, но пристрелить своего товарища. Это ужас.»

Из воспоминаний К.Г. Аносовой

«Из окружения вышли и попали в город Белев. Население оттуда уже эвакуировали, населения почти не было. Мы вышли хорошей организованной боевой единицей и получили задачу выбить немца из Болхова, который от Белева в 30–40 км. Мы получили приказ идти освобождать Болхов, в 30 километрах от Белева. Немного передохнули и двинулись в путь. За ночь пешком добрались в Болхов и утром пошли в атаку и выбили оттуда

немцев. Они не ожидали такого организованного удара. К обеду немцы подогнали из Орла танки, при поддержке мотопехоты и нам пришлось оттуда удирать. Тогда я в первый раз увидела немецких танкистов и солдат. Наш медпункт был в самом крайнем домике на окраине Болхова. Как только немцев выбили из города мы начали располагаться. Командир полка Кравченко нам сказал: «Медпункт будет здесь, а вы посмотрите соседние дома, где есть подвалы, чтобы их использовать, как укрытия». Кравченко как опытный боевой командир предвидел, как будут развиваться события, и пытался нас как можно больше обезопасить. Во дворе соседнего дома был большой, длинный сарай для сена, а в конце сарая был погреб и мы его про себя отметили.

Начался бой, стали поступать раненые. Мы обрабатываем раны, отправляем их в тыл. В общем, обычная боевая работа. Уже начало смеркаться и мы зажгли лампу. Поступил раненый. Я вожусь с ним. Слышу, работает какой-то мотор. Я подумала это самолет. Со мной был фельдшер и два санитара. Я фельдшеру Тасе говорю: «Прикрой окно. Самолет там какой-то летает». Она выглянула в окно и увидела, что рядом с домом стоит немецкий танк, а на нем сидят немцы с автоматами. Мы видим такое дело и быстрее начали собирать имущество и раненых. У нас во дворе стояла повозка, ее с улицы видно не было. Мы на нее быстрее все грузить. И они помчались по огородам. По дороге нельзя, немцами занята. А на улице еще один танк появился. Они начали по нашей повозке стрелять, но промахнулись и повозка уехала. Немцы стреляли зажигательными пулями и начались пожары. Загорелась крыша нашего дома. Немцы уже ходят по домам и собирают продукты, кур, свиней, ну в общем все съестное. Мы выглядывали из горящего дома и все соображали, куда нам деваться. Тут смотрим, немцы набрали много и кур и свиней и стали грузить на свой танк. Мы выбрали момент и перебежали в другой двор и спрятались в том сарае, который днем нашли. Мы забрались в погреб. Два санитара, фельдшер Тася и я. Сидим. У меня граната лимонка и пистолет. Другого оружия у нас не было. Сидим там. Вдруг слышим, немцы опять заходили по верху. Сарай длинный. Дверь с одного конца сарая, а подвал с другого. В сарае уже было много соломы и сена. В сарай зашел немец, из автомата по сену пострелял. А вокруг все дома горят. Дым кругом. В горло лезет. Сидим, зажались, только бы не закашлять. После выстрелов загорелась солома в сарае. Мы все выглядываем. Тут немцы уехали. Мы выбрались, и бежать из города. По дороге нам идти нельзя. Немцы постоянно там курсируют. Мы пошли по пахоте. Мы долго шли. На мне была телогрейка и шинель. Мне было

тяжело и я бросила шинель. За всю войну я больше шинель не получила. В моем вещевом аттестате числилось, что шинель мне выдана и все. Всю войну так в телогрейке и провоевала.

Наши части отступали. Было очень тяжело, и не столько физически, сколько морально. В населенных пунктах нас встречали по-разному: кто жалел, а кто проклинал, кто благословлял, кто умолял: «Спасите, помогите!» Были и такие, кто жалел даже кружку воды для раненых.

Мы шли по занятой немцами территории, по грязным проселочным дорогам, всю осень непрестанно шли дожди, а по трассе мчались немцы на машинах – здоровые, откормленные, с губными гармошками, с песнями. Их танки, бронемашины – все ехали в Тулу. Мы шли пешком, на повозках везли только раненых. Их кормили только тем, что давало население. Снабжения никого.

Мы вступали с ними в перестрелку, но силы были неравными. Мы теряли товарищей убитыми и ранеными. В конце концов, от нашего полка ничего не осталось.

Нам приходилось идти по немецким тылам, да и потом в наступлении и мы видели много сожженных деревень и обездоленных наших людей. В центре сел почти всегда стояли виселицы, а на них повешенные с табличкой «Партизан». Разве люди это? Звери!

Это нас всех еще больше сплачивало. Никто не делился на национальности. У нас у всех была одна цель – громить врага. Никто не делился на верующих и атеистов. Каждый себя в этом вопросе вел, так, как считал нужным. Я никогда в бога не верила.»

Разумное решение Кравченко. Зависть и глупость комдива
Дневник В.А. Бенцеля

Полк сконцентрировался в Щербово. Но огневая сила полка, артиллерия и минометы пропали. Артиллерия уничтожена, 120-мм миномет уничтожен. Но пулеметы и минометы, благодаря комдиву, пришлось зарыть, вытащив за пределы осажденного противником города. Дело в том, что комдив, оставленные нами пулеметные повозки и повозки, предназначенные для минометов, нагрузив продуктами, мясом, угнал в тыл. Не было возможности вынести всю материальную часть и нести под стремительным преследованием превышающих сил противника.

В полку осталось 6 ст. пулеметов, 4 – 82-мм и 10 – 50-мм минометов. Все бойцы вышли с винтовками.

Итак, благодаря тому, что приказ был выполнен только нами, что комдив настоял перейти всем в город, полк понес тяжелый ущерб в живой силе и материальной части.

20.10.41 г.

Комарово.

Полк занял оборону на восточном правом берегу р. Ока, протяжением фронта до 5 км. Комдив почему-то буквально придирается к полку. Запрещает заготавливать для бойцов у колхозах продукты питания, отменил распоряжение командира полка об увеличении нормы выдачи мяса до 200 гр. и спирту (вина) до 150 гр. В то время, когда в колхозах есть обобществленный скот и они с охотой продают и сдают в счет невыполнения планов госпоставок. На спиртзаводе, большие запасы спирту или останутся противнику, или необходимо будет взрывать. А наступили холода, бойцы в летнем обмундировании, измученные переходами, боями, больше месяца не мылись в бане. Казалось бы, есть возможность поддержать их физическое состояние, ну и хорошо. Майор Кравченко посоветовал руководству с/с и колхозов организовать раздачу всех обобществленных фондов колхозов всем колхозникам. Мероприятие очень хорошее и всесторонне выгодное. Но почему-то комдив и комиссар дивизии против этого и называют это «партизанщиной», запрещая это делать. Казалось бы, что если немцы займут и будут отбирать все розданное у колхозников, этим мы кое чего добивались. А если оставить так, то чего доброго, противник может 10 % дать колхозникам и то они будут говорить «Спасибо». Непонятный комдив и комиссар дивизии или

они именно этого и хотят или сопротивляются потому, что это инициатива Кравченко, а они его ненавидят – это факт. (Во многих хозяйствах сделали как советовал И.Я. Кравченко и сохранили семенной фонд. Весной все посеяли без посторонней помощи. Где так не сделали – было очень плохо с семенами. – прим. сост.)

21.10.41 г.

Стоим в обороне, занимаемся разведкой. Левый сосед кд уже столкнулся с противником, который здорово наседает с Болоховского направления. Крупные бои разыгрываются в Белеве, на участке обороны нашего полка спокойно.

22.10.41 г.

Ничего нового не произошло. Все по-старому. Занимаем оборону и ведем разведку.

Как победить победителя

23.10.41 г.

Мои наблюдения за отношением командования дивизии к майору Кравченко оправдались. Комдив приказал созвать совещание комсостава полка. Собрались в школу все командиры и политработники. Прибыл командир и комиссар несуществующей дивизии и то в дивизии кроме нашего полка 956, ничего не осталось. С остальных частей дивизии можно сколотить сводную роту. И вот по этой дивизии написан приказ № 3 от 22.10.41 г. Дикий приказ, что то на манер «гебельсовской фальшивки». И для «оглашения» этой фальшивки комдив Серегин, созвал ком политсостав полка. Несчастный «полководец без войска», лучше б он не «стряпал» этого позорного документа, клеветы на любимого командира всех командиров и политработников и бойцов полка. На Героя, бесстрашного победителя белофинских бандитских гнезд (дотов), на человека организовавшего разгром немцев под Жуковкой, в Красное, Ник(олиной) Слободе, Любенское, Болхове. На командира выведшего из под Жуковки полк со всем вооружением и материальной частью, на командира голос которого во мраке *ночи узнавал каждый рядовой боец полка.*

Молча, нахмурив брови и сжав рукоятки наганов, выслушали командиры и политработники, прочитанный Серегиным его «позорящий весь полк, несправедливый, клеветнический приказ» и «речь» комиссара. Попросив слова майор Кравченко, ему отказали, но тут случилось необычное в условиях Красной армии. Без всякой команды, все командиры и политработники, как один человек встали, у многих пистолеты, освободились из кобур, как один человек сказали – *«Есть комдив, но нет дивизии, есть полк и его командир майор Кравченко, мы слушаем только его».* Ну что ж «мятежный полк», пришлось дать слово командиру. Его речь была кратка и справедлива. «Что делал полк и командование полка и дивизии присутствующие знают, полк и люди вверены мне партией и правительством, я за него отвечаю. У вас дивизии нет, умышленно разбросали, хотите тоже сделать с 956 сп, но я его командир и в тяжелый момент, *не отойду от своих боевых друзей, вашего приказа не выполню и приказываю всем командирам немедленно занять свои места в подразделениях. Разойтись*»

Все как один командиры и политработники, дружно поддержав своего любимого командира, вышли с помещения. Напрасно военком дивизии Корнев пугал политсостав, грозил морем наказаний и приказывал остаться всем политработникам. Они заявили, что их место на поле боя и ушли. В зале остался

комдив, военком несуществующей дивизии и с «вежливости» комиссар полка т. Винокуров. Сочиненная Серегиным и Корневым «комедия» закончилась печально для них же.

Из воспоминаний В.С. Турова

«Мы заняли указанный нам участок обороны. Оборудовали окопы. После чего командир полка Майор Кравченко созвал всех на совещание, на котором присутствовал и я как командир 9-й стрелковой роты. Первым выступал комиссар 299-й дивизии, штаб дивизии всегда почему-то двигался за нашим полком. Комиссар дивизии обрисовал создавшуюся обстановку и в резкой форме начал критиковать Кравченко как командира растерявшего личный состав, вооружение и другие промахи. Мы сидели, понурив головы. У нас в батальоне и в моей роте были потери, понесенные в бою, в боевых схватках. Были и «пропавшие без вести». Оружие выходило из стоя в бою, а пополнять и оружие и боеприпасы было не откуда. Медикаментов не было. В других батальонах полка обстановка была такая же как и у нас в 3-м батальоне. После грозной речи комиссара дивизии, который сел с торца стола, сидевший за столом наш командир майор Кравченко, еле сдерживая себя, встал и начал:

– А теперь послушайте меня, – обращаясь к комиссару продолжил, – Хочу спросить у комиссара где 960-й полк? Где 958-й полк? Ведь вышел только один батальон и штаб полка. Где артиллерия? Где наш медсанбат? И, наконец, почему вы, комиссар дивизии, явились в красноармейской шинели без знаков различия. Посмотрите, все здесь присутствующие командиры по форме одеты и на них командирское снаряжение, не говоря уже о знаках отличия. И последнее. Есть ли у комиссара его партбилет?

После этого он обратился ко всем присутствующим.

– А теперь слушайте меня! Всем командирам приказываю и дальше соблюдать дисциплину в подразделениях! Никаких поблажек! Как и прежде соблюдайте устав! Действуйте смело! Приказы командира выполнять, как и прежде! Все свободны!

Мы разошлись по своим подразделениям.

Потом его отправили в Тулу. С Кравченко ушли некоторые работники штаба.

После ухода Кравченко полк возглавил начальник штаба, капитан. Я его плохо знал. Мною больше командир батальона командовал и наш штаб, а полк далеко. С новым командиром полка успеха мы не имели никакого, никогда. Он все разбазарил, что создал и собрал Кравченко.

Командир 958-го полка Баранов был какой-то не решительный. Опыта у него не было. По сравнению с нашим Кравченко небо и земля. Наш командир был совсем другой.

От Белева до Сталиногорска шли по проселочным дорогам по захваченной немцами территории. Боеприпасов не было, гранаты израсходовали еще в Болхове. Поэтому у нас были большие потери.»

Рассмотрим поподробнее те события. Вот тот «позорящий весь полк» приказ:

Приказ по 299 стрелковой дивизии

22.10.1941 г.

№ 3 дер.

Протасово.

Проведенные боевые действия 956 сп с 2.9.41 г. по 20.10.41 г. показали ряд значительных пробелов в области руководства, что дальнейшее пребывание руководителей без устранения недостатков нетерпимо.

Как примеры:

3.9.41 г. развернувшееся наступление у дер. Гастиловка, требовало личного наблюдения и руководства, но ком-р полка просидел за канавой и не потребовал захвата дер. Гастиловка, а по требованию командования дивизии, когда Гастиловка была занята, то не принял мер к ее удержанию, хотя особых усилий противником проявлено не было и Гастиловка была полком оставлена.

9.9.41 г. полк получил приказ произвести перегруппировку в р-не Н. Буда для совместного действия с 958 сп по овладению Никольское. Ком-р полка игнорируя приказ командования дивизии, не обозначил место штаба, в результате поданная связь не нашла его места и к моменту наступления полк не подготовился, а 958 сп один наступая на Никольское не имел успеха по ее захвату, чем сорваны успешные действия.

С 10 по 30.9.41 г. требовалось приказом 50 Армии оборудовать огневые позиции; приказ также игнорировался и окопные работы не производились.

2.10.41 г. 956 сп получил задачу совместно с 279 сд отбросить противника за р. Десна. Ком-р полка выехал вперед и не принимая мер для связи с командованием дивизии упустил момент совместных действия, а на

отданный приказ продвигаться вперед до соприкосновения с пр-ком его не выполнил, остановив полк в дер. Любашка до утра 3.10. чем ослабил общий удар.

5.10.41 г. при переходе к обороне на р. Ветьма приказом требовалось отрыть две линии окопов, организовать систему огня. Майор Кравченко не только не выполнил приказ, но и не знал, как проходит передний край обороны, в результате моей проверки с представителем 50 Армии Бат. Комиссаром Рябовым и в присутствии Майора Кравченко мы были обстреляны огнем с переднего края своими войсками, которые приняли нас за противника.

10.10.41 г. 956 сп выйдя по приказу в район Водкино получил задачу следовать в авангарде прикрывая отходящие главные силы, Майор Кравченко время не выдержал, ушел с полком без приказа, чем поставил главные силы в тяжелое положение.

17.10.41 г. выполняя приказ Командира Белевской группы, полк следовал в авангарде с задачей выйти в район Щербово 1. Ком-р полка своим распоряжением остановил полк в дер. Н. Дольцы и оставался до утра.

На все эти факты неоднократно обращалось внимание Майора Кравченко, требовалось повышения дисциплины, но вместо общий стиль руководства оставался прежним.

Кроме этих позорных действий Майор Кравченко допускал незаконные действия в области заготовок, не придерживался норм, установленных приказом НКО. Допуская в кругу подчиненных пьянство /Майор Акулов/.

За систематическое невыполнение приказов, за игнорирование их среди подчиненных, за превышение власти в области заготовки не соблюдение норм.

Командира 956 сп Майора Кравченко отстраняю от занимаемой должности и передаю дело военному Прокурору для привлечения к ответственности.

Комиссару полка Ст. батальонному комиссару Винокурову объявляю выговор за отсутствие контроля за выполнением боевых приказов в срок и за производство незаконных заготовок.

Накладывая наказание, учитывал, что т. Винокуров в полку молодой Комиссар и что он подает все надежды к выправлению допущенных ошибок.

Требую от всего Начсостава дивизии повышения дисциплины, организованности в работе и особенно выполнения боевых приказов в срок.

Приказ объявить всему Начсоставу до Комвзвода включительно.

п/п Командир 299 стр. дивизии полковник / Серегин/

Военком 299 стр. Дивизии ст. Батальонный Комиссар Корнев

Начальник Штаба майор Храмко

Отпечатано 6 экз.

Резолюция: «Оставить в должности комполка с переводом из 299 сд. Сейчас поручить сформировать полк из остатка людей 258 сд, 151 кавп, 260 сд. Командир 50А Ермаков, чл. воен. совета Бриг. комис. Сорокин 28.10.41.

956 сп»

ЦАМО, ф. 405 (50А), оп. 9769, д. 4, л. 2

А это объяснительная Кравченко в штаб 50 армии по поводу этого приказа. Резолюция Поскребышева на документе – это И.В. Сталин 2 марта 1942 г. рассматривал дело Кравченко и рекомендовал назначить его командиром дивизии, что и было сделано 8 марта 1942 г.

«23 октября 1941 г.

(Сверху пометка от руки «2.III.42 г. т. Поскребышеву вместе с письмом на имя тов. Сталина. тов. Шапошникову. 2.III.42 г.»)

Командующему 50 армии

От командира 956 сп

Героя Советского Союза

майора Кравченко

Рапорт

Работая ком. полка, входящего в состав 299 сд, я твердо убедился, что комдив – полковник С. – с контрреволюционными вредительским целями все усилия направлял на уничтожение дивизии, создавая для командования частей дивизии такие условия, при которых боевые задачи не выполнялись, и в то же время

части несли большие потери.

О действиях С. Я лично докладывал комиссару и нач. оперотдела штаба 50 армии, но (для) С. его предательские действия проходят безнаказанно. За два месяца участия сд в войне он сумел полностью уничтожить 2 полка (958 и 960), прилагая все усилия к уничтожению 956 сп, который еще сохранился, благодаря тесной слаженности комполитсостава и моему упорству. Наглость С. дошла до того, что, преследуя цель ликвидировать 956 сп, он приказом по несуществующей дивизии от 22.X.41 г. отстранил меня от командования полком за как будто неточное выполнение его приказов и за самовольное снабжение полка.

Поскольку выдвинутые им обвинения неправильные и ни на чем не обоснованные и зная о том, что факт снятия меня с должности командира 956 сп направлен на развал и полную ликвидацию полка, я, чувствуя ответственность перед родиной и партией Ленина – Сталина, остаюсь на должности комполка, приказа предателя С. не выполняю, командования дивизии не признаю, поскольку ему не доверяю. Да и дивизии как таковой нет. И обращаюсь непосредственно к Вам с настоящим рапортом.

299 дивизия сформирована в июле с.г. в г. Белгороде из приписного и вневойскового состава, прибывшего с Черниговщины. Большинство людей были совершенно не обучены, комсостав состоял исключительно из молодых лейтенантов летнего выпуска военных училищ. И С. с начала формирования, отдав все на самотек, не развернув в частях боевой подготовки, не сколотил части в боевые единицы.

Настоящее свое лицо С. показал, получив боевую задачу вступить в бой. Зная рекогнесцерованный хороший путь по маршруту ст. Сельцо – с. Жуковка, С. умышленно направил части по необследованному, далекому и трудно проходимому пути, преследуя цель полного изморения, уменьшения боеспособности личного состава. Более того, вступив в бой после суточного перехода по труднопроходимому, тяжелому пути, без отдыха и питания, части дивизии не получили от комдива точных задач. Так, например, 956 сп по приказу должен был идти во 2-м эшелоне дивизии за 960 сп. Но так как, благодаря действию комдива С. 960 сп заблудился и своевременно к месту исходного

положения не прибыл, 956 сп пошел в наступление в 1-м эшелоне без предварительной артподготовки и поддержки других родов войск.

В первый же день боя 2.IX.41 г. п., потеряв до 30 % личном составе, причем 958 и 960 сп, потеряв до 30 % людей, абсолютно не продвинулись и не потеснили противника, 956 сп, часть которого, вопреки приказу С., двигалась по проверенному, близкому пути и батальоны которого вышли на исходное положение своевременно, неся значительные потери, форсировав р. Десна продвинулся на 3 км и, выбив врага, занял совхоз Гостиловка, Летошинские хутора и, преодолевая один всю силу и сопротивление врага, 3.IX.41 г. подошел к д. Красное.

4. IX.41 г., действуя без общего руководства со стороны комдива, 956 сп и вклинившаяся в участок его фронта часть подразделений 960 сп, заняв деревню Красная, продолжали теснить противника в западном направлении, продвигаясь на хутор Антошкины – Силеевка. С целью приостановления наступления в этом направлении, комдив С. во время хода боя созвал совещание командного состава и под видом постановки задачи, прекратив наступление, одновременно предложил мне отвести полк с занятого района и вести наступление на Н. Буду. Отход подразделений, сопровождаемый сильным огнем наземных войск и авиации противника, оказал сильное влияние на моральное состояние частей дивизии. Большое количество красноармейцев, особенно 958 сп, пропало без вести, ушло в плен к немцам. 960 сп, подразделения которого прикрывали отход 956 сп, понес большие потери убитыми, ранеными и сдавшимися в плен. Противник был как будто в курсе замыслов С. и на подступах к Н. Буде, сгруппировав большие силы, встретил 956 сп необычайно интенсивным огнем наземных войск и авиации, нанес полку значительные потери и вынудил приостановить наступление. 956 сп, заняв подступы к д. Н. Буда, вклинился в расположение противника и вынужден был занять полукруговую оборону.

С. на линии огня не бывал, а руководство ограничивал только составлением нежизненных и впоследствии не выполняющихся боевых приказов (которые, зачатую, получались частями с запозданием на

сутки и более), выездом в штаб, грубиянством и издевательством над командованием части и командирами штаба. Поведение С. настолько «пришибеевское», что командиры боятся встречи с ним. Не было случая помощи с его стороны в тактических и боевых вопросах, а каждое посещение сопровождалось матершиной, руганью, грубиянством и разносом всех и безо всяких оснований.

Создавая боевые приказы, С. в то же время вел работа так, чтобы дивизия находилась в состоянии обороны, но не наступления. И к 6.IX.41 г. 958 и

960 сп были в основном уничтожены, 956 сп продолжал прочно удерживать подступы к д. Н. Буда, преодолевая ожесточенный огонь противника. И С., чтобы ослабить огневую мощь полка, приказал мне 1/956 сп передать 958 сп и одновременно приказал вести наступление. Увеличив численный состав двух оставшихся батальонов полка за счет тылов и спецподразделений, я предпринял наступление, и, неся значительные потери, преодолевая всю силу сопротивления и огня наземных войск и авиации противника, 956 сп 11.IX.41 г. к 7.00 занял д. Ник. Слобода и южную окраину Н. Буды, оседлав шоссе и продолжал наступление в направлении Шаровки.

Соседи справа (958 сп) и слева (985 сп) далеко отстали, и подразделения 956 сп очутились под прямой угрозой полного окружения. А С. вместо того чтобы принять меры к продвижению соседей, приказал мне перейти в оборону. В таком положении полк находился до 2.X.41 г.

2. X.41 г. вся дивизия вышла во 2-й эшелон фронта, 279 сд – в район Н. Лавшино – Вилея, а в связи с прорывом фронта на р. Десна того же числа направлена в бой. 956 сп получил задачу занять огневой рубеж в районе Нов. Загорье, а когда подразделения достигли указанного рубежа, С., по неизвестным мотивам, приказал отойти и двигаться в направлении Любежка. На протяжении всей ночи подразделения полка находились в состоянии марша и без отдыха, не кормленными, после 50 км марша 3.X.41 г. вступили в бой и заняли д. Малышевка – Семкин – Путь Культуры и на протяжении всего дня вели упорные бои с противником. 958 и 960 сп действовали справа и части 279 сп слева, не организовав действенного сопротивления, панически бежали. 956 сп

прочно удерживая занятые рубежи, очутился в окружении противника, имея только небольшой район свободного тыла (Любежки – Погореловка). И С. вместо того чтобы организовать наступление соседей, приказал мне отойти за р. Витьма. После этого боя 960 сп абсолютно исчез, и личный состав всех остальных частей довольно резко уменьшился.

8. X.41 г. комдив издал боевой приказ о том, что наши части находятся в полном окружении и о немедленном выходе. Комдивом была создана настолько сильная паника, что части дивизии, отходя, растеряли людей, вооружение, боеприпасы и имущество, не смотря на то что до д. Водкино дивизия не встречала на своем пути никаких признаков присутствия неприятеля. Как все боевые операции, так и выход С. проводил без изучения обстановки и предварительной разведки, вследствие чего к 14.00 10.X.41 г. в деревне Водкино были сконцентрированы все части дивизии, за исключение 956 сп и приданных ему 2/958 сп и ОБО 50 армии, которые я вопреки приказу С. сконцентрировал в районе леса под Почаевкой. Части дивизии, находившиеся в районе д. Водкино, были частично разбиты и полностью разогнаны интенсивным огнем противника. Я, разведав дальнейший путь, установил, что не только Водкино в окружении, а все населенные пункты установленного С. маршрута (Фролово – Мокрый Верх – Катуновка) заняты противником. И будучи в районе Почаевка встречен пятью танками противника, которые полковой артиллерией 956 сп были отбиты, в 20.00 предпринял выход по маршруту Павловка – Рассета – Кудияр. Но С., видя, что только у меня сохранился полк и желая его уничтожить, приказал мне возвратить полк для ночевки в д. Водкино и следовать в дальнейшем по его приказу и установленному маршруту. Я, выполняя его приказ, пройдя до 7 км, возвратил полк в лес и выехал к нему в д. Водкино. С приказом С. я не согласился, и он вынужден был разрешить выход по разработанному мною плану и разведанному маршруту.

Подразделения 958 сп, кроме 2 сб, следовавшего с моим полком и артиллерия Гвард. дива, направленные маршрутом С., из окружения не вышли, остальные части дивизии задержанные С. у Водкино, были полностью окружены и фактически уничтожены неприятелем. Вышли из окружения лишь отдельные группки людей.

956 сп я привел в г. Белев, сохранив всю материальную часть, вооружение, людей, обозы и даже по дороге подобрав 4 чужие орудия ПТО.

17. X.41 г. командованием Белевской группы предпринято наступление на Болхов, и С., пользуясь своим служебным положением, преследуя цель уничтожения 956 сп, добился роли командующего экспедиции на Болхов. 19.X.41 г. к 11.00 исключительно силами 956 сп Болхов был взят, не смотря на то, что 58 сп наступления не предпринимал, а кавполк совершенно не прибыл. Подразделения 956 сп находились в городе, а КП полка, артиллерия и минометы – в южн. окр. (Слобода Ямская). С., учтя отсутствие кавполка, организовав полный отход частей 58 сп, занимавшего правый фланг, приказал мне перенести в г. Болхов КП полка, передвинуть всю артиллерию, минометы и другие огневые средства. Во время движения в городе, со стороны фронта, занимаемого 58 сп, который отошел с ведома С. в тыл, 45 ср. и легких танков и 89 машин немецкой пехоты, обойдя правым флангом, окружили город. Значительная часть танков ворвалась в г. Болхов и, пользуясь отсутствием бронебойных снарядов, не неся потерь от прямых попаданий фугасных снарядов, атаковала наши подразделения, в первую очередь подавив всю артиллерию 956 сп. Лишь только в это время С. дал приказ об отступлении. Подразделения полка начали отход, просачиваясь через окружившую их немецкую пехоту и танки и вынося на себе в указанные места станковые пулеметы и минометы. Но так как С. заранее с указанных мест угнал тачанки, подразделения 956 сп, преследуемые танками и мотопехотой, вынуждены были уничтожить значительную часть вооружения: мне удалось отвести людей, вынести 2 р. и 4 ст. пулемета. Таким образом С. удалось уничтожить артиллерию и минометы 956 сп. Но в полку все же осталась часть людей, обозы, часть вооружения, здоровый спаянный коллектив командиров и политработников, штаб и командование полка, в то время, когда 958 и 960 сп совершенно нет, в 843 ап осталось несколько человек, в спецподразделениях дивизии осталось максимум по взводу.

Донося об этом прошу Вас отстранить полковника С. от должности комдива и привлечь к судебной ответственности за уничтожение дивизии.

Одновременно, учитывая то, что люди на протяжении 2 месяцев не мылись, без теплой одежды, с потрепанной во время длительных маршей обувью, прошу Вас дать указания в отношении дальнейшей деятельности сохранившегося 956 сп, оставить командование которым в данных условиях считаю преступлением.

Обвиняя меня в незаконном снабжении полка, С. нарочно исказил факты. Он, очевидно, жалеет, что отходя из районов, которые занимали немцы, я старался ничего не оставлять немцам, а организовывал распределение всех обобществленных фондов, оставшихся после эвакуации, среди населения. И одновременно вполне законным порядком из обобществленных фондов обеспечивал продовольственное снабжение полка, так как в течение месяца централизованного снабжения не имел, увеличив нормы потребления, в связи с наступление холодов и отсутствием теплой одежды.

Командир 956 сп
Герой Советского Союза майор Кравченко
23. X.41 г.»

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 83, л. 40–47. Заверенная копия, машинопись

На первых этапах моих исследований мне было непонятно – кто же он Герой Советского Союза Иван Яковлевич Кравченко? Я решил узнать это поподробнее. И первый документ, который мне дали в Подольском архиве, гласил, что Кравченко И.Я. пропал без вести в сентябре 1941 г. Интересно. А потом воскрес? Но, учитывая его взаимоотношения с руководством дивизии, я понял, что это, быстрее всего, злонамеренный, чисто формальный ход со стороны командиров. Он, наверняка, во время не прибыл в район сосредоточения, из-за того что ему с полком пришлось вести бой в условиях окружения. Все – есть формальный повод оформить как пропавшего без вести, хотя все знали, что он где-то рядом и воюет. А за этим следует большой разбор в Особом Отделе, лишение семьи всех льгот, которые полагались семье военнослужащего и Героя Советского Союза. В общем, элегантным движением ручки человеку создавались большие, порой неразрешимые проблемы. Но Кравченко не обиделся, не отошел от дел, а продолжал честно делать свою работу – защищать Родину, и плевал он на чиновную рать в погонах.

Кстати, в Белевском районе совет Кравченко раздать урожай колхозникам как-то стал известен и многие председатели так и

сделали, чем сохранили большую часть урожая и посевная 1942 г. у них прошла без проблем, в отличии от многих хозяйств в других районах Тульской обл., например в Дедиловском.

Дневник В.А. Бенцеля

24.10.41 г.

Противник подошел к реке, район обороны обстреливается артиллерийским и минометным огнем. Оборона держится стойко.

25.10.41 г.

Получено распоряжение командующего группы о вызове майора Кравченко в Арсеньево в штаб армии. Вместе с Кравченко выехал Уполн. ОО, я и ком разведроты л-нт Витязев. Поздно вечером прибыли в Арсеньево, но там уже никого не было.

28.10.41 г.

За 26 и 27 пройдя более 100 км прибыли в Штаб армии Тула. На заседании военсовета армии разбиралось «дело» Кравченки. Мне просто не верится, полагалось бы разбирать дело Серегина – Корнева. Ведь это они умышленно «потеряли» дивизию. Но ведь и армия то растеряна. Командование выходило из окружения группами по 10–15 человек. Что и говорить не хочется. Сказать о преступлениях комдива растерявшего дивизию – ведь это собственное зеркало.

Не организовав разведки, не сколотив боевой единицы, которая с имеющимся на момент «окружения» вооружением способна была на голову разбить любое соединение врага, командование армии, а вслед за ним и командование дивизий, отдались на самотек, издавая только приказы (которые запутывали командиров частей). Сами показали пример паники, неорганизованности, растерянности и выхода группками, а не боевыми единицами. Так потеряно сотни прекрасных орудий, на миллионы рублей боеприпасов, пулеметов, тысячи винтовок и значительную часть личного состава. Всего этого в данном случае легко можно было избежать. И это подтвердил фактом майор Кравченко. Правильно организовав разведку, не следуя слепо по маршруту Серегинских приказов, не падая в панику, сколотив крепкую боевую единицу, Кравченко приводил полк в указанные комдивом конечные пункты в полном порядке и составе. **А колонна Кравченко имела до 5000 чел., до 500 подвод обоза, артиллерия, минометы и все вооружение.** Итак, сегодня военсовет рассматривает дело Кравченки по приказу Серегина. Чудеса в решете, но факт.

Фактически Кравченко организовано вывел из окружения обозы 50 армии и большую часть боеспособных частей, всего организовано вышло из окружения 7,5 тысяч человек. Но кому хочется признавать свои ошибки. Все хотят быть героями, но не всегда получается, и чтобы возвысить себя, нужно унизить настоящих Героев. Кравченко не первый. Победы Суворова в молодые годы тоже приписывали себе его начальники, такие как Румянцев и Потемкин.

Часть 5. Оборона города Тулы

Утром 28 октября 194 г. командарм поручил И.Я. Кравченко и прибывшим с ним офицерам сформировать из вышедших из окружения бойцов боеспособную боевую единицу. К вечеру Кравченко доложил, что командиры назначены, Сводный полк сколочен и начинает работать. 29 октября в обед ему сообщили, что создан Южный боевой участок (ЮБУ) обороны Тулы и он назначен его начальником. Кравченко и 4 офицера его полка прибыли на место. В общежитии Тульского механического института (ТМИ), на котором ныне висит мемориальная доска, что здесь находились штабы Тульского рабочего полка и 156-го полка НКВД, расположился Кравченко со своим штабом из 5 человек. От этого дома до передовой было всего 400–500 метров. На чердаке устроили наблюдательный пункт. Кравченко лично обошел все позиции и дал командирам указание, куда с наступлением темноты перенести огневые точки. Точно известно, что для оказания практической помощи во 2-м батальоне Тульского рабочего полка был оставлен Начштаба ЮБУ ст. л-тн Бенцель В.А. 4 зенитки Волнянского по команде Кравченко были отодвинуты чуть назад от передовой: две зенитки оставлены на той стороне дороги, где сейчас улица Волнянского, а две перенесены на другую сторону, ближе к обороне Тульского рабочего полка. Зная тактику немцев, он разработал мероприятия, которые позволили сохранить личный состав и эффективно противостоять массированной танковой атаке. Прежде всего, ночью весь личный состав из передней линии был отведен на вторую линию окоп, в первой осталось лишь боевое охранение в укрытиях.

Для полноты картины нужно сказать, какая ситуация была в самом городе. Началась паника. Все, кто мог, старались уехать из города в сторону Венева. В связи с тем, что все силы были брошены на оборону, а за порядком наблюдать было практически некому, в городе начались разбои и грабежи. Грабили и квартиры, и магазины, и склады. Сил навести порядок не хватало, поэтому, используя право, которое давало осадное положение города, в некоторых случаях, особо распоясавшихся грабителей расстреливали на месте. К вечеру ситуацию в городе удалось взять под контроль.

Тула сосредоточилась. Тула готовилась к бою.

Вот несметные силы оборонявшие Тулу. Личный состав Южного БУ. 29.10.41 г.

Рабочий полк – 820 чел. 156 сп НВКД – 1397 чел.

ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1034, л. 93

Дневник В.А. Бенцеля

29.10.41 г. Т.М.И.

«И колется и болит» – такой вывод командования армии. Ясно одно, что м-р Кравченко вполне прав, но решение военсовета либеральное. Кравченко поручено организовать оборону Тулы, и передано в его распоряжение 4 прибывших в Тулу из «окружения» дивизии.

Я остался нач. штаба участка, л-нт Витязев ПНШ-2, Бирагов – Уполн. ОО. Сейчас же направились в институт, где находится КП Рабочего полка и полка НКВД. Проехали по району обороны. Трудящиеся Тулы спешно оканчивали отрывку противотанкового рва, установку надолбней. Необдуманно, противотанковый ров проходит у стен окраинных зданий города. Линия окоп обороны проходит между домов. КП – общежитие Т.М.И. находится в 400–500 метров от противотанкового рва. Подготовку обороны проведено скверно, но делать нечего, это уже факт, с которым мы вынуждены считаться.

В р-не «Ясная Поляна» – противник рассеял 290 сд и сосредоточил большое количество танков и мотопехоты. К исходу дня противник занял «Косая Гора».

Здесь был командный пункт И.Я. Кравченко. 1941 год

В 17.00 над линией обороны в течении 2 часов разведсамолеты противника с бреющего полета снимали расположение окопов, огневых точек. Дело неприятное.

С наступлением темноты, приступили к переводу в другое место всех огневых точек и бойцов. Все позиции переустраиваются и изменяются по личному указанию майора Кравченко.

Прибыли остатки, вернее говоря группы 290 сд, во главе с начартом полковником Баскиным. Его оставляем начартом боевого участка.

Готовимся к встрече противника, имея в своем распоряжении 156 сп НКВД, Тульский рабочий полк, пеший /без орудий/

артдивизион и несколько групп 290 сд.

«На командный пункт полка прибыл начальник Южного боевого участка обороны Тулы майор И.Я. Кравченко… в распоряжении начальника южного боевого участка кроме 156-го полка находился Тульский рабочий полк, который еще продолжал формироваться. Только что включили в его состав отошедший с Косой Горы истребительный отряд металлургов. Еще не решен был вопрос на какой участок поставить Тульский рабочий полк. Если в течение ночи в Тулу прибудет 154-я стрелковая дивизия, то она займет позиции левее 156-го полка. Если же дивизия опоздает, то на этот участок нужно будет выдвинуть рабочий полк. Лихвинское шоссе пока прикрывал батальон милиции.

– Тоже не войсковая единица, – оценил это подразделение майор Кравченко.

Вместе с Зубковым Кравченко прикидывал возможные варианты утренних атак противника. Решали, какими силами их отразить, как действовать.

– Обороняться и контратаковать, выбивать карты из рук Гудериана, – вслух размышлял Кравченко о тактике предстоящих боев. – Только так мы сможем выстоять. Только так.

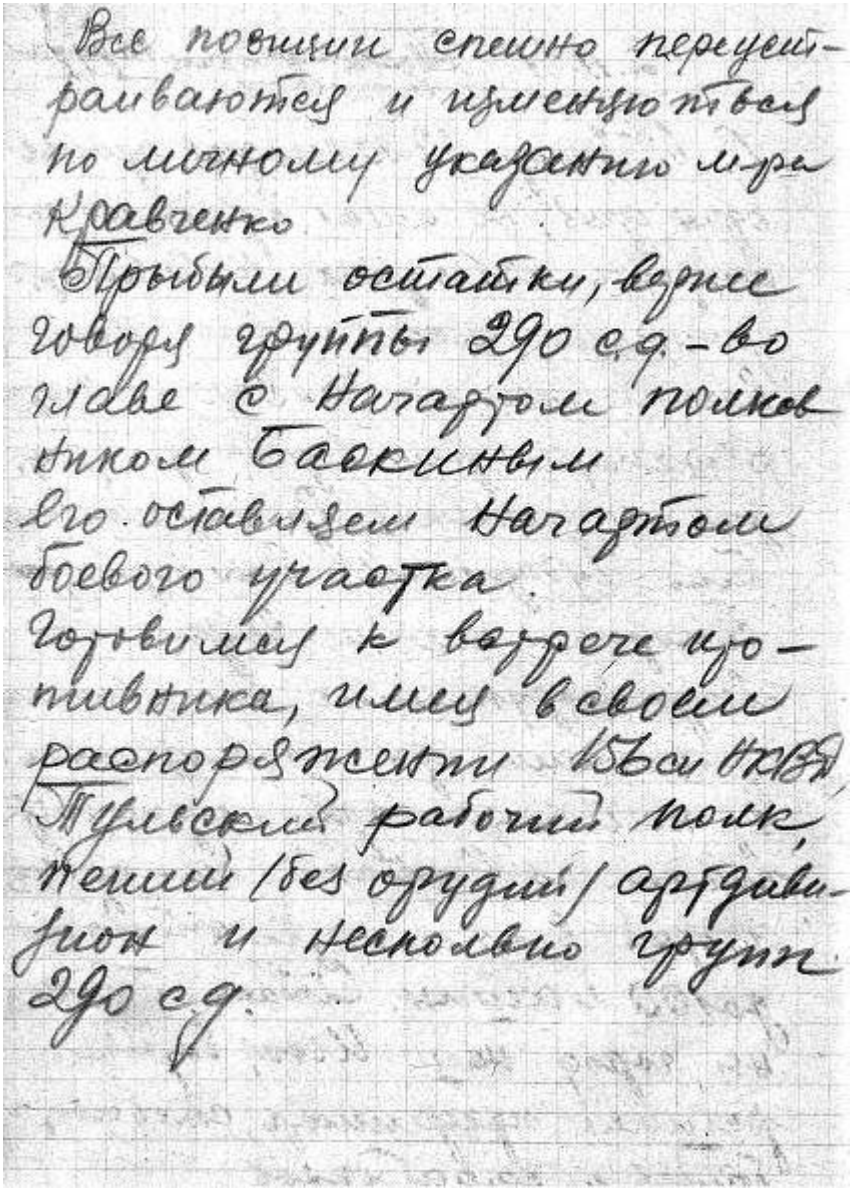
Степан Федорович был старше майора Кравченко, но слушал его с исключительным вниманием. Почувствовал, что разговаривает с ним хорошо подготовленный в военном деле командир и вдобавок имеющий немалый боевой опыт. Несколько позже узнал Зубков, что Иван Яковлевич в войну с белофиннами командовал на Карельском перешейке стрелковым батальоном. Его подразделение штурмовало на линии Маннергейма одну из самых прочных крепостей, подступы к которой были прикрыты многослойным огнем так, что на каждый квадратный метр падало 5 пуль в минуту. Но всего тридцать минут потребовалось батальону, чтобы овладеть ключевым узлом линии Маннергейма. А готовил подчиненных Кравченко к этой операции около месяца. Победа увенчала его Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Иван Яковлевич знал цену боевого успеха. Покидая командный пункт Зубкова, он сказал:

– Помните, майор, за тридцатое октября с нас спросит вся Россия. Даю в ваше распоряжение батарею старшего лейтенанта Фриденберга (батарея 24-й дивизии народного ополчения Киевского р-на г. Москвы). Свяжитесь с ним. Другой помощи до вечера не просите».

Елькин А.А. «50 дней мужества». Издание 2-е испр. и доп. Тула: Приок. кн. изд-во, 1980. – 239 с.

с ил. Стр. 59


Все повышки спешно перецентрализуются и изменяются по личному указанию м-ра Кравченко.
Прибыли остатки, верне говоря группы 290 с.д. - во главе с Начарты полковником Баскиным его оставляем Начартом боевого участка.
Готовимся к встрече противника, имея в своем распоряжении 15 см. [illegible] Тульский рабочий полк, пеший /без орудий/ артдивизион и несколько групп 290 с.д.

Страничка из дневника В.А. Бенцеля

Первый бой – он трудный самый

8.00 30.10.41.

Горначев – Почема.

…Обстановка следующая. 1) противник во второй половине дня 29.10 прорвал боевые порядки 290 сд обороняющей рубеж Кравцова – Ясенки в р-не Ясная Поляна к 16.00 его танки вышли в р-н Косая Гора.

290 сд отошла на север и сосредотачивается в р-не ст. Тула

Наши войска организуют оборону на непосредственных подступах к Тула с юга на линии Ратово., Ивановские дачи, Осиновая Гора.

31 кд отошла к Туле и получила задачу сосредоточиться в р-не Частое.

194 сд занимает прежнее положение.

217 сд находится в районе Труфаново.

173 сд и 58 зсп отходит с боями в р-н Тула.

258 сд сосредотачивается в р-не Тула тоже и 154 сд.

299 сд и 41 кд разыскиваются.

В р-не Тула организован сводный полк Тульских рабочих под командованием Г.С.С. майора Кравченко. Создан Тульский боевой участок.

Связь с частями исключительно делегатами.

260 сд продолжает занимать оборону по юго-зап окр Тула. 108 тд занимает оборону по южной окр Тула.

Плавский отряд неизвестно где.

Противник на рубеже: опушка рощи юж Струнево, Косая Гора. О продвижении противника дальше сведений не поступало.

ЦАМО РФ, ф. 202, оп. 5, д. 94, л. 543

Дневник В.А. Бенцеля

2.11.41 г. Тула – дворец Труда.

С 6.00 30.10 и до 12.00 сегодня, не имел возможности выкроить свободных 10–20 минут записать несколько слов, для воспоминаний. 30, 31.10 и 1.11 – это решающие дни борьбы за Тулу, дни отражения бронированных банд Гудериана. Дни борьбы, которых я еще не видел.

Люди вооруженные винтовками, гранатами, при незначительном количестве артиллерии, отражали по 4 атаки танковых частей в количестве от 20 до 100 машин. Атаки

отражены, город наш. Исход борьбы решили преданность, стойкость бойцов и командиров.

С 6.00 противник открыл ураганный пулеметный, минометный и артиллерийский огонь по «вчерашнему» району обороны. Если б ночью не изменили позиций, к 8.00 30.10 у нас бы не было бы ни одного бойца и ни одной огневой точки. К 8.00 артиллерийский и минометный обстрел настолько усилился, что казалось, стреляют автоматическим оружием. Одновременно с ураганным обстрелом наш фронт атаковали 54 танка противника, при чем из них 34 тяжелых и средних танка, атаковали участок обороны Рабочего полка в направлении парка Осоавиахима и 20 фронт 2 сб 156 сп НКВД справа Орловского шоссе в направлении Мехинститута. Огонь 4-х зениток, имеющихся на участку, не является серьезным препятствием для танков. Они спокойно и методически подъезжали к переднему краю обороны указанных подразделений, давили бойцов танками и расстреливали с пулеметов. Часть бойцов рабочего полка не выдержала и оставила позиции, начался панический отход и 2 сб 156 сп. на участку Рабочего полка, где не было противотанковых препятствий все 34 танка прорвались в парк ОСО и приближались к церкви. Враг у стен города и в тылу нашего командного пункта. Сзади за танками пошел в наступление батальон автоматчиков. Положение серьезное и угрожающее. С ТБУ звонят, что собираются сорвать мост на реке Упе в городе. В городе по сообщениям прибывших бойцов беспорядки, мародерство, паника, разграбление магазинов.

Тула. Южная стена Всесвятского кладбища. Следы боев 1941 года, в 50 метрах отсюда проходила передовая. Современный вид

Положение участка настолько усложнилось, что некоторые командиры (в частности начарт пол-к Баскин) предложили перенести КП в город, но это значило обратить в бегство все части обороны и сдать город. В этот момент ст. л-нт Савчинский привел свой полк в количестве 400 бойцов с 2 оруд. ПТО. Кравченко: во-первых – категорически потребовал не срывать мостов, во-вторых – категорически отверг предложение о переносе КП южн. Боевого участка. Все мы, прибывшие с 956 сп, решили не отступать ни шагу, сделать все возможное, для отражения атаки.

Разработаны и молниеносно проведены в жизнь следующие мероприятия. Прибывших бойцов 1005 сп разбить на 3 группы. Создано 3 группы танковых истребителей, вооруженных гранатами, бутылками с горючей жидкостью и 6 противотанковыми ружьями.

Группа бойцов 1005 сп в количестве до 150 человек и группа танковых истребителей под общей командой капитана Линькова (бывш. ком. 1003 сп) направлена на уч-к обороны 2 сб 156 сп, группа бойцов 1005 сп под командой командира полка ст. л-нта Савчинского, направлена в парк Осоавиахима и третья группа по личному указанию майора Кравченко заняла оборону по Орловскому шоссе фронтом на Гостеевку. Две группы танковых истребителей и два орудия ПТО направлены к парку Осовиахима. Перед всей наличной обороной поставлена задача, отрезать следующую за танками пехоту от прорвавшихся танков. Эта задача была выполнена. Батальон немецких автоматчиков залег в землю под интенсивным огнем наших подразделений, откатился в лощину по направлению Н. Басово – Кирпичный завод, потеряв до 100 чел. убитыми. Танки очутились без пехоты и под непосредственным огнем зениток, орудий ПТО и героической атакой танковых истребителей. В парке ОСО запылали 5 прорвавшихся гудериановских чудовища, а на участку высоты 225,5 где участвовала группа Линькова и 80 чел. артиллеристов 643 КАП, выведено из строя 8 танков. Это решило благополучный исход первой атаки. Ползущие чудовища, автоматически подцепив своих калеченых «собратьев» спешно на полном газу уползали обратно.

К 10.00 30.10 положение на всех участках южного фронта Тулы было восстановлено.

Враг разъяренный. Артиллерийский и минометный огонь, как

дождь льется по всему нашему фронту. В 12.00 повторилась танковая атака – к 14.00 отбита. В 16.00 противник в третий раз попробовал с ходу танками сломить нашу оборону – не удалось.

С наступлением темноты в 20.00 до 50 танков, фронтом четвертый раз двинулись на наши позиции, но безуспешно, 6 чудовищ врага запылали и он успокоился. Так на протяжении целого дня нам удалось отбить 4 ожесточенных танковых атаки врага. Всю ночь на 31.10. противник вел ураганный артиллерийский и минометный огонь по всему южному участку обороны Тулы. Воронежское шоссе – Орловская ж.д.

Ночью занимался организацией штаба, наблюдательного пункта, установлению связи с частями. Прибыл комиссар участка ст. политрук Анкудинов, 4 чел. политработников. Прибыл 58 зап. сп, 154 сд, 217 сд, делегат связи 2/447 КАП и 8 танков ТБр.

Ушел в неизвестном направлении отряд РК милиции, оборонявший р-н Михалков. На протяжении всей ночи, занимались перегруппировкой частей, реорганизацией обороны. Вместо сбежавшего отряда милиции, поставлен в оборону сб 58 сп, усилен правый фланг 156 сп, за счет придачи 1 роты 58 сп, 2 сб 156 сп понесший значительные потери выведен во 2 эшелон, а на его место переведен со 2 эшелона 3/156 сп и 80 чел. артиллеристов 643 КАП.

Кадр из фильма «На Тульском направлении». 1941 год. Слева – зам. командира 154 сд, Герой Советского Союза И.Я. Кравченко

1005 сп и 154 сд заняли р-н обороны на участку Рабочего полка. Намечены основные и запасные огневые позиции имеющейся у нас артиллерии.

И самое важное за ночь на всем участке создано 10 групп противотанковый истребителей из лучших бойцов и командиров, вооружены противотанковыми ружьями, гранатами и бутылками с горючей жидкостью. В местах наиболее вероятного прохождения танков отрыты ячейки для противотанковых истребителей. Утра ожидаем в полной боевой готовности. Со штаба 1005 сп, который помещался этажом выше КП участка, в том же общежитии в 6.30 я вышел на 4-й этаж – НП. Наблюдаю буквально за всем участком, видно все как на ладони. Участок обороны устлан дымком от частых разрывов снарядов и мин, которые не жалея бросает всю ночь наш противник. Южная стена общежития исклевана, в полном смысле этого слова. Ни одного квадратного метра, не порченой площади на всей стене…

Вот что говорит о делах Кравченко участник боев в составе Тульского рабочего полка И.П. Исаев:

> «Помощником Фоканова Я.С. стал Герой Советского Союза майор Кравченко И.Я. – участник боев у Халхин-Гола, прорыва линии Маннергейма в войне с белофиннами. 59 суток сражался на Десне, вышел со своей частью из гитлеровского окружения, чем помог всей дивизии. До прибытия в Тулу он командовал 856-м (на самом деле 956-м – прим. сост.) сп 299 сд. У стен Тулы Кравченко умело организовал борьбу с танками Гудериана. Уже на второй день битвы газета 50 армии «Разгромим врага» и тульское радио сообщали о мужестве майора Кравченко и его подразделений. Были выпущены специальные листовки «Громить танки по-кравченковски!»
>
> Кравченко И.Я. не покидал позиции Тульского рабочего полка и 156 полка НКВД, обучал бойцов и командиров мастерству уничтожать фашистские танки. В начале 1942 г. Кравченко командовал Тульским рабочим полком».
>
> «Вечером 30 в Тулу прибыл 34 минометный гвардейский дивизион (комр Францев, комис. Ковалев) и сразу «Марьи Ивановны», потом их назвали «Катюшами», дали залп по лощине у д. Гостеевка и уничтожили 13 танков, несколько бензовозов, автомашин и много гитлеровцев.

Гвардейские минометы «катюши» обычно вели огонь с пл. им. Челюскинцев, из Пролетарского р-на, с ул. Коммунаров (ныне пр. им. Ленина), от дома офицеров и обкома партии, с площади у Московского вокзала.

Сюда прибыл НШ Брянского фронта полковник Сандалов Л.М. с группой офицеров штаба».

И.П. Исаев «От Тулы до Кенигсберга». Тула, 1972, стр. 32–33

«Товарищам комбата Ведерникова (Тульского рабочего полка – прим. сост.) 30 октября удалось зацепиться за западную окраину Рогожинского поселка. В 11 часов 37 минут по просьбе майора Кравченко майор Зубков направил туда шесть расчетов с противотанковыми ружьями. Вскоре Кравченко позвонил Зубкову: – Положение очень тяжелое. Вышлите свой резерв к винному заводу».

Елькин А.А. «50 дней мужества». Издание 2-е испр. и доп. Тула: Приок. кн. изд-во, 1980. 239 с. с ил. стр. 72

Боевое донесение № Штарм 50 дачи сев. вост. Медвенка 30.10.41 г.

Противник в к-ве 45 танков с мотопехотой повел наступление в 6.00 по Сталиногорск шоссе на ю-в окр. Тула в к-ве 20 танков и до роты мотоцикл и мотопех. на прав фл. 260 сд (200 м). Прорвав фронт к 12.30 до роты мотоциклистов пр-ка по шоссе до окр. города и ворвалась на окр. города в направлении Басово, Шиши и Гостеевка. Наступали до б-на мотопех и до 30 танков. По ш. Плавск – Тула при поддержке танков наступало до роты мотопехоты. Атака по шоссе Плавск – Тула была отбита пр-к потерял до 13 танков.

В 13.30 до 30 танков наступали в напр. Гостеевка прорвав фронт обороны Рабочего полка и до 12 танков ворвались на окр. города, начали распространяться к спирт заводу, отдельные танки становились в овраге и обстреливали перекресток улиц и улицы. Раб полк отошел на южную окр. Города.

В 14.30 танки пр-ка в к-ве 6 шт. распространились до спирт завода, а часть их направилась по окраине города к вокзалу.

На уч-ке Маслово, Ханино, Волохово противника нет.

На уч-ке Маслово, Михалково обороняется батальон РК милиции. На учке Верх. Китаевка обороняется Батальон полка НКВД. (иск.) Верх Китаевка до. 152,2 обор Раб полк и 260 сд (по юж. окр. Тула), 217 сд сосредоточена в Михалково.

Сводный полк Тульских рабочих по командой м-ра Кравченко выдвинут для восстановления положения Рабочего полка. На юж. окр. города для восстановления обороны. 583 сп (с-в окр. (штыков 300 и 6 пулеметов) и 154 сд для восстановления положения. Отдельные группы бойцов и отдельные одиночки задерживаются. и направляются в Тула в распоряжение нач. гарнизона полковника Иванова.

18.00 противник продолжает наступать активно, все атаки отбиваются, порядок частей… уничтожено 19 танков. Сведения о потерях уточняются.

ЦАМО РФ, ф. 40 (50А), оп. 9769, д. 4, л. 38

30.10.41. даю что есть: 194 сд 3000 штыков, 15 орудий, из них 122-мм – 4, остальные все 76-мм.

217 сд 400 штыков, 45-мм – одно, 76-мм – два; 173 сд – 300 штыков без артиллерии. 258 сд – 200 штыков, артиллерии нет. 260 сд – 200 штыков, пулеметов и артиллерии нет. 58 запасной полк – 300 штыков и один 50-мм миномет. 290 сд – 630 штыков без артиллерии, 154 сд – 500 штыков, 122-мм орудий – 4. Об остальных частях сведения не даны. Сандалов с Василевским говорил по ВЧ и передавал что при обороне города всего 69 орудий из них 36 полевых, в это число входит зенитный АП, который используется как ПТО. Вот и все.

ЦАМО РФ, ф. 202, оп. 5, д. 94, л. 555

Личный состав (Южного БУ) 30.10.41.
156 сп НКВД – 1397 чел. 1005 сп – 451 чел.
510 сп – 206 чел.
58 сп – 420 сп
Заград отряд – 25 чел.
3 д. 643 КАП – 98 чел. (без мат части)

ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1034, л. 93

Командиры
нач. уч-ка майор Кравченко (956 сп)

комиссар ст. политрук Анкудинов (Штарм 50)
нач. штаб Бенцель (956 сп)
нач. арт. полк. Бескин (290 сд)
тяж. дивизион л-нт Исай
артиллерия 3/643 КАП майор Самойленко
Нач ОО Мл. л-нт Бирагов (956 сп)
ЗАП капитан Вербицкий
Нач связи л-нт Темин
т/т л-нт Вятяев
адъютант Степа (956 сп)
ком. комендант. взвода – Каретников (заград отряд 290 сд)
нач. штаба бриг НКВД – майор Шенин

ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1034, л. 93

2 батальон ТРП
убиты 30.10.41 30 чел. (из них 11 со слов бойцов Косогорских рабочих).
ранено 50 чел.
всего 80 чел. потери в Рогожинском поселке.

ГАУ ТО, Госархив ТОАНИ, ф. 3039, оп. 1, д. 25

Потери 156 полка НКВД
21.10 убито 2 офиц.
2.11 убито 5 офиц. пр. б\в 3 офицера
убито л\с
21.10 – 28 чел. (Черепеть)
29.10 – 20 чел.
30.10 – 33 чел.
ранено 30.10 – 29
175 чел пропали без вести 30.11.41.

РГВА, ф. 38395, оп. 1, д. 11, л. 155

Всего за первый день боев был подбит 31 вражеский танк. Прибыли силы, которые должны были прибыть два дня назад и занять оборону на подступах к городу, в соответствии с приказом № 5 Штарма 50. Они приходили не на пустое место, а на организованную оборону и здесь их ждал талантливый полководец майор Кравченко, который быстро определял прибывающим подразделениям фронт обороны и организацию огня. Чудом удалось продержаться этот день. Вернее не чудом, а упорством и героизмом бойцов и опытом, талантом и

хладнокровием командиров, прежде всего командира Южного боевого участка Героя Советского Союза Кравченко И.Я. И воевали они не с народным ополчением и даже не с тупорылой пехотой, а с отборными танковыми войсками и с элитным полком «Великая Германия», в нашем понятии гвардейским, которые до этого дня не знали поражения. Даже одно то, что враг с поля боя утащил свои подбитые танки из-под огня противника, говорит о многом.

Прибывшее силы занимали боевые позиции, указанные Кравченко, усиливали слабые места обороны. Артиллеристы определяли ориентиры и рассчитывали данные для стрельбы. Несмотря на ночь, подготовка к отражению танковых атак шла полным ходом. Кравченко опять лично обошел все позиции ЮБУ, поговорил с командирами, расспросил о тонкостях дневного боя, сделал для себя выводы, дал рекомендации. Подошли первые танки 32 тбр. Бойцы в окопах воодушевились. Всю ночь немцы обстреливали наши позиции из минометов, артиллерией и из пулеметов, чтобы не дать бойцам отдохнуть и изготовится к утреннему бою.

Второй день обороны Тулы

Дневник В.А. Бенцеля

К 7.00 из лощины справа Кирпзавода у шоссе, выползает по направлению обороны 156 сп 50 тучных чудовищ и до б-на пехоты. Невероятный шум моторов развернутого фронта 50 машин, беспорядочная стрельба артиллерии, пулеметов и автоматчиков, небо устилается пеленой трассирующих пуль. Танки подползли ко рву, выстроились как на параде и ведут ураганную, беспорядочную стрельбу. Немедленно докладываю Кравченко, он сам вышел на НП и посмотрел «парад» диких чудовищ. Четкая задача и команда артиллерии, моментальный и цельный ее залп, из-за зданий института 8 против 50 смело и быстро двинулись наши смелые танкисты. 2 часа упорного поединка 50 чудовищ, артиллерии, минометов и автоматчиков противника и 8 красных танков, 12 орудий и славных пехотинцев обороны.

Несколько выстрелов пристрелки и снаряды нашей артиллерии, корректируемые начальником разведки 2/447 КАП л-том Исай, который находился возле меня на НП – ложатся в цель. Три машины врага покрылись черным дымом. Пристрелялась, бьет в цель артиллерия, подошедших слева изза домов «КВ». До 2-х рот пехоты, выбыло из строя противника убитыми и ранеными, 10 подбитых и горящих чудовищ и противник беспорядочно уходит в лощину сопровождаемый нашим артиллерийским огнем.

День 31.10.41 для фашистов начался бесславно. Закончился также, ибо две других атаки предпринимаемы на протяжении всего дня, были также успешно отражены огнем нашей артиллерии, танков и стрелковых подразделений. Эти атаки предприняты им в районе Китаевка, Гостеевка стоили противнику до 100 чел. убитыми и 6 танков. Весь день и ночь на 1.11.41. наш участок простреливается интенсивным артиллерийским и минометным огнем. Досталось институту. Продырявлены снарядами стены, ни одного целого окна, разбиты статуи во дворе института.

Вторая ночь организации штабной работы, разведки и наблюдения. Проверка частей, частичное изменение огневых позиций. Кравченко лично ночью обходит район обороны участка, подготавливая бойцов к завтрашнему дню. В штаб приходят командиры частей, подразделений. Уточнение обстановки,

обсуждение и разработка системы огня и порядка отражения, ожидающихся к утру, атак противника».

«В помещение командного пункта вошел майор Кравченко. Одет еще по летнему в пилотке, без каски. По бокам оружие, сумки, на груди бинокль. Поздоровался, положил на стол автомат, сказал сопровождавшим его солдатам:

– Отдыхайте ребята.

Не спеша заговорил с командиром полка:

– Дело неотложное напрашивается. Я из роты вашего Малышкова. Хоть и отходила она вчера во второй эшелон, но нанесла противнику немалый урон, сожгла шесть танков. Потеряла рота, как вы знаете, всего одного человека. А почему? У Малышкова каждый расчет петеэр свой окоп имеет. Круглый, со специальной щелью для ружья. Щель – на случай, если танк гусеницами на окоп навалится. По такому окопу из пулемета хоть час лупи – бойца не повредишь, он укрыт надежно. А у других продолжал майор, траншеи вырыты, как в первую мировую войну, – почти совсем прямые. Если танк зайдет во фланг – из пулемета траншею насквозь простреливает. Укрыться солдату негде, он гибнет. В других ротах вашего полка потери немыслимо велики, а у Малышкова с начала боев не больше десяти человек выбыло, хотя его рота рядом с Орловским шоссе, в самом пекле. Прошу Степан Федорович учесть эту науку и другим преподать. (Подробно эти мысли И.Я. Кравченко изложены в его статье «Борьба с танками», опубликованной в газете 50-й армии «Разгромим врага» от 20 ноября 1941 г.)

Кравченко поинтересовался соображениями командования полка о завтрашнем дне. Выслушал, одобрил намеченные Зубковым меры.

Зубков приказал начальнику штаба срочно ознакомиться с опытом отрытия окопов в роте старшего лейтенанта Малышкова».

Елькин А.А. «50 дней мужества». Издание 2-е испр. и доп. Тула: Приок. кн. изд-во, 1980. 239 с. с ил. Стр. 93

Следующую ночь командирам было опять не сна. Нужно было восстановить укрепления, разрушенные в дневных боях, проанализировать ситуацию, выслать разведгруппы, принять и

осмыслить добытую ими информацию, накормить и согреть людей, вывезти раненых и т. д., да еще оперсводку написать и доложить ее вышестоящему командованию – обычные командирские хлопоты. Иногда в сводках даны очень резкие и даже обидные оценки действий некоторых подразделений, например – Тульского рабочего полка. В той суматохе, под постоянным огнем противника, когда дивизии терялись из вида, оценки ситуации не всегда были верными, и не всегда была возможность получить достоверную информацию, поэтому случались неправильные оценки действий подразделений и всей ситуации в целом. Я не стал убирать из документов спорные места – пусть будет как было написано. Мы не будем обижаться на солдат за эти неточности. Жизнь все расставила по своим местам. Ведь самое главное – Тулу не отдали врагу, она выстояла.

По оперативной сводке немецких войск за 31.10.41 г. нашим войскам нанесены следующие потери: «3 тд – ведет трудный бой за удержание южной части Тула совместно с пехотным полком «Великая Германия». Подбиты 5 вражеских танков. Захвачено 800 военнопленных».

Оперсводка № 3 к 20.00 Штаб гарнизона г. Тула, здание Пролетарского райкома партии 31.10.41 г. 19.00 карта 100.000 – 1941 г.

1. Части гарнизона города Тула в течении дня 31.10.41 обороняли подступы к г. Тула, отбив три атаки танков и пехоты противника. Противник сосредоточив до 100 танков и двух батальонов пехоты и пытался прорваться в районе 156 сп НКВД.

2. 217 сд заняла оборону согласно приказа. Боевых действий в течении дня не вела. Штадив – Московский вокзал.

3. Южный боевой участок майора Кравченко в течении дня отбил три атаки противника и удержал занимаемое положение.

156 полк НКВД в 8.00 отбил атаку 8 танков с пехотой противника пытающихся прижать нашу пехоту и автоматическим огнем посеять панику в рядах обороны.

1005 сп в 20.00 арт-огнем и истребителями отбил атаку танков противника и удержался на занимаемом рубеже.

32 тбр в 12.00 девятью танками контратаковала пехоту и танки противника, оказав содействие южному боевому участку в восстановлении прежнего положения. После атаки возвратились в исходное положение и

изготовились для стрельбы с места. Штаб боевого участка и 156 сп здание Тульского технического института.

4. 154 сд занимает и удерживает район обороны между Орловским и Воронежским шоссе. Перед фронтом дивизии участвовало до 10 танков противника. Штадив 154 – здание гор милиции (Советская, 110).

5. 260 сд – изменений в течении дня не произошло. Штадив 260 – Советская, 15.

6. 51 МСБ занял оборону на рубеже Криволучье. По району батальона с 10.00 до 17.00 с перерывами велся минометный огонь.

7. 258 сд оседлала Московское шоссе, обороняет с-з окр. Тула и составляет резерв Боевого участка.

8. 58 (зап) сп занял оборону согласно приказа на Южном боевом участке. По району полка противник вел артиллерийский и минометный огонь.

9. 290 сд заняла оборону на сев. берегу р. Упа, имея задачу на охрану и оборону мостов.

10. 447 КАП стоит на ОП в районе зап. опушки леса сев-вост Тула.

11. Потери уточняются. Трофеи: подбито 4 танка противника.

12. Штаб ТБУ и гарнизона – здание Пролетарского райкома партии.

Нач штаб гарнизона п/п-к Лашенчук
Военком штаба гарн. бат. ком. Самусенко
Нач. 1 отделения майор Бокарев

ЦАМО РФ, ф. 405 (50А), оп. 1, д. 9, л. 133

Личный состав (Южный БУ) 31.10.41
156 сп НКВД – 1275 чел.
1005 сп – 420 чел.
510 сп – 200 чел.
58 сп – 1100 чел.
заград отряд – 25 чел.
3 див. 643 КАП – 90 чел.

ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1034, л. 93

Командиру сформированного батальона.

С получением сего предлагаю Вам отправиться с личным составом и вооружением вверенного Вам батальона в распоряжение начальника боевого участка

Героя Советского Союза – Майора Кравченко в район Механического института.

Начальник штаба Тульского Гарнизона подполковник Лашенчук

31 октября 1941 г. 4/311

ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1034, л. 95

Начальнику Боевого участка Герою Советского Союза Майору т. Кравченко

Направляю в Ваше распоряжение сформированный стрелковый батальон, который считать как резерв командующего ТБУ и вводить в действие по разрешению тов. Попова.

Начальник штаба Тульского гарнизона подполковник Лашенчук

31 октября 1941 г. 4/310

ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1034, л. 96

Личный состав Южного БУ
1.11.41
156 сп НКВД – 987
1005 сп – 400
58 сп – 1116
заград отряд 290 сд – 25
3 див КАП 643 – 90
510 сп – 200 отд. б-н – 360

ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1034, л. 93

Оперативная сводка № 5 к 20.00

Штаб гарнизона г. Тула Здание Пролетарского райкома партии 1.11.41. 19.00. Карта 100.000 – 1941 г.

1. Части гарнизона г. Тула в течении дня 1.11.41 обороняли и неоднократно отражали атаки танков и пехоты противника на подступах к юж. окр. г. Тула.

Противник сосредоточив пехоту и танки южнее Тула группами периодически бросая по разным направлениям южного участка.

2. 217 сд изменений в течении дня не произошло, атакам противника не подвергалась. Штаб 217 сд – Московский вокзал.

3. Южный боевой участок майора Кравченко в течении дня отбил несколько атак пехоты и танков противника и удержал занимаемое положение. 156 полк НКВД 12.00 отбил атаку до 15 танков и до роты пехоты противника, пытавшегося прорвать передний край обороны, 1005 сп – изменений не произошло. Противник вел минометный и арт. огонь по обнаруженным огневым точкам. Штаб южного боевого участка – здание тульского Механического института.

4. 154 сд в 16.00 отбила атаку 9 танков и до роты пехоты противника, пытавшегося прорвать передний край обороны. По уточненным данным за 31.10.41 потери: ранено 7 чел. Штаб 154 сд ул. Коммунаров. Дворец Труда.

5. 260 сд изменений не произошло. Штадив – Советская, 15.

6. 51 мсб – изменений не произошло.

7. 258 сд изменений не произошло. Штадив – здание

средней школы сев. окр. г. Тула.

8. 58 зсп изменений не произошло по району обороны полка пр-к вел арт. и мин. огонь.

9. 290 сд изменений не произошло. Штадив – Октябрьская, 42.

10. 447 кап стоит на ОП в районе леса с-в Тула.

11. 32 тбр сосредоточена в саду на сев. окр. Тула. По уточненным данным за 31.10.42. потери: подбито четыре Т-34 и один КВ. убито нач. состава – 1 чел, рядового сост. – 1 чел. Ранено нач. сост. – 2 чел., мл. нач. сост. – 1 чел., рядового сост. – 1 чел. Трофеи: уничтожено 5 танков пр-ка, 4 орудия разных калибров и около 300 чел. пехоты.

12. 732 полк ПВО стоит на ОП р-на города Тула, его окраин и отражает налеты авиации противника. По уточненным данным за 31.10.41 подбито не 4, а 6 танков противника, одна бронемашина и одно ПТ орудие. За 1.11.41 уничтожено 3 танка и сбито два самолета пр-ка. Потери за 31.10.41: убито – 1 чел., ранено – 2 чел. подбито два зенитных орудия.

13. Штаб ТБУ и гарнизона – здание Пролетарского райкома партии.

Нач. шт. ТБУ Лашенчук

воен. комиссар гарнизона Самусенко

НО-1 майор Бокарев.

ЦАМО РФ, ф. 405 (50А), д. 9, л. 74

НШ Тульского Гарнизона.

Боевое донесение южной группы обороны г. Тулы.

1.11.41. 19.50

1. Подразделения южного боевого участка занимают прежний район обороны: (иск.) по д. Вотка – Орловское шоссе – отд. домики слева от шоссе.

2. На протяжении ночи противник сосредотачивал свои силы для атаки по шоссе Орел – Тула, силой до 40 танков и 2-х батальонов мотопехоты.

3. С наступлением утра пр-к предпринял атаку правого фланга обороны участка. Огнем имеющейся в распоряжении участка артиллерии и пехоты атаки были отбиты.

4. На протяжении всего дня противник вел методический минометный и арт. и пулеметный огонь с танков по району обороны южного участка, пытаясь

несколько раз переходить в атаку. Все атаки противника были отбиты. Подбито 3 танка.

5. Действиями артиллерии и пехоты южного участка, скопившиеся танки и пехота противника были рассеяны.

6. К исходу дня противник подтянул в район Кирпичного завода несколько танков и в 19.00 предпринял атаку на правый фланг обороны. Действиями артиллерии атака была отбита и танки отогнаны.

7. Наши танки активных действий в бою не принимают. Прошу принять меры и предложить танкам нашей бригады выйти к переднему краю обороны и занять огневые позиции.

8. Данные о потерях уточняются.

п/п В. Бенцель.

ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1034, л. 70

Боевой приказ № 5 **ТБУ** Пролетарская ул. здание райкома ВКП(б) 1.11.41. 16.00

1.

12. Южный боевой участок майора Кравченко расформировать. Майора Кравченко назначаю заместителем командира 154 сд.

14. Мой заместитель начальник Тульского гарнизона полковник Иванов.

п\п Нач ТБУ ген-майор Попов

п/п Комиссар Тульского гарнизона Бриг комиссар Гришин

п\п Нач штаба Тульского гарнизона подполковник Лешенчук

ЦАМО РФ, ф. 405 (50А), оп. 9769, д. 4, л. 12

Боевой приказ № 11 Штадив 154 г. Тула Дворец Труда 1.11.41. 22.00

1. До батальона танков и до полка мотопехоты противника с минометами и артиллерией в течении дня безуспешно атаковали оборону дивизии направляя главное усилие вдоль Орловского шоссе.

2. Справа 217 сд обороняет ю-з окраину Тула. Граница с ней: Парк Культуры и отдыха, ул. Фрунзе и Косой переулок.

Слева обороняется 260 сд ю-в окр. г. Тула. Граница с ней отдельно стоящие домики 200 м зап. моста на

Воронежском шоссе через безымянный ручей, ул. Барачная, Буденного.

3. 154 сд с 156 полком НКВД и 1005 сп продолжает удерживать занимаемую полосу обороны на рубеже: Отдельные домики с-з Вин, южная опушка детского парка, отд. домики 200 м западнее моста на Воронежском шоссе через безымянный ручей с задачей не допустить прорыва противника по Орловскому шоссе и между Орловским и Воронежским шоссе к г. Тула.

4. 156 полку НКВД оборонять участок с передним краем отдельные домики 1 км с-з ВИН, южная окраина Механического института, (иск.) Орловское шоссе. Основная задача не допустить прорыва противника по Орловскому шоссе и западнее его.

Граница слева: (иск.) Орловское шоссе, (иск.) ул. Коммунаров.

5. 1005 сп оседлать Орловское шоссе, упорно его оборонять и не допустить прорыва танков и пехоты противника на ул. Коммунаров.

6. 510 сп упорно оборонять участок (иск.) Орловское шоссе, отдельные домики на дороге Тула – Басово – Шиши. Не допустить прорыва противника в г. Тула

7. 437 сп упорно оборонять участок (иск.) отдельные домики на дорога Тула – Басово – Шиши, (иск.) мост через безымянные ручей на дороге Тула – Гостеевка, не допустить прорыва противника в Тула на своем участке.

8. 473 сп оборонять мост через безымянный ручей на дороге Тула – Гостеевка, (иск.) Воронежское шоссе, с задачей не допустить прорыва противника на своем участке.

9. Резерв – батальон связи дивизии (без одной роты) расположиться в районе Винокуренного завода в готовности к действиям по моему указанию.

10. Артиллерия – задачи:

а) орудия ПТО и ЗА не допустить прорыва танков противника в Тула уничтожая их на подступах к городу.

б) Дать огонь по районам скопления танков и пехоты противника: Ново Басово, Старо Басово, роща вост. Старо Басово, Гостеевка.

11. КП – Ул. Дворец Труда.

12 Мой заместитель – майор Кравченко.

Командир 154 сд Ген-майор Фоканов п/п

Комиссар 154 сд бат ком Нараденский п/п

Начштаба 154 сд п/п-к п/п

ЦАМО, ф. 405 (50А), оп. 9769, д. 4, л. 11

Кравченко назначили зам. командира 154 дивизии и оставили за ним территорию Южного боевого участка, где он знал все до последнего куста. Думаете комдив 299 п-к Серегин порадовался за подчиненного? Вовсе нет– тут же появился такой документ:

6.11.41 г.

Военному совету 50 армии

Доношу, что майор Кравченко, отстраненный от работы, направленный в армию для привлечения к ответственности за допущенные безобразия, за невыполнение боевых приказов, за игнорирование указаний командования, партизанщину в вопросах заготовок продуктов и превышение власти.

Майор Кравченко, после доведения приказа до командиров 956 сп об отстранении его от должности, сам категорически отказался выполнять приказ, призвал к этому весь командный и начальствующий состав. Обвинил командование дивизии в предательстве и измене, лично угрожал оружием.

О всех безобразиях в работе и поведении майора Кравченко доложено члену Военного Совета Бригадному комиссару Сорокину. Вместо привлечения к ответственности, майор Кравченко получил новое назначение даже с повышением в должности. Считаю подобное положение не правильным, т. к. Кравченко заслуживает не повышения, а строгого наказания. Оставление безнаказанным Кравченко дает возможность и поощряет недисциплинированных командиров продолжать подобные проступки.

Как результат такого положения майор Акулов, бывший начальник штаба полка Кравченко, дезертировал из дивизии и уехал к Кравченко в Тулу.

Прошу привлечь майора Кравченко к строжайшей ответственности или расследовать и привлечь командование дивизии за измену и предательство.

Материал расследования по делу Кравченко направлен прокурору 50 Армии.

п/п Командир 299 сд Полковник Серегин

военком 299 сд ст. батальонный комис Корнев.

ЦАМО, ф. 405 (50 А), оп. 9769, д. 9, л. 270

Вот ведь какой плохой Кравченко, к нему даже офицеру сбегают. Заметьте – не в тыл, а в самое, что ни на есть пекло. Они хотели воевать с достойным командиром, чтобы принести максимум пользы и не рисковать жизнью по чьей-то командирской глупости и зазнайству. Майора Петра Григорьевича Акулова назначили командиром 956-го полка. Он всю войну прокомандовал полками, воевал хорошо и был удостоен звания Героя Советского Союза, служил и после войны. Он вместе с И.Я.Кравченко окончил первый курс Академм им. Фрунзе, но у него не было боевого опыта и он усердно брал пример со своего старшего и опытного товарища и командира и это дало свои результаты. В 1960 г. в звании полковника вышел в отставку. Умер в 1964 г. и похоронен в городе Воронеже.

А что с комдивом Серегиным? После ноябрьского прорыва немцев в районе Дедилово он из дивизии исчезает, наградной лист конца ноября 1941 г. подписан командиром 299 дивизии Бойковым, нет и комиссара Корнеева. Видимо, его вместе с командиром 50 армии генералом Ермаковым отдали под суд за прорыв немецких войск у Дедилово. Видимо дали срок, потому что он появляется только в 43 году в должности командира дивизии на Дальнем востоке.

Но вернемся в Тулу. Немцы устроили перегруппировку войск и решили танковым ударом с востока по Воронежскому шоссе захватить город.

Дневник В.А. Бенцеля

С наступлением рассвета 1.11. противник силою в 17 танков и до 2-х рот мотопехоты со стороны Н. Басово предпринял стремительную атаку нашего фронта по шоссе Орел – Тула, в направлении Механического института. Располагал, как видно, застать врасплох. Но лишь только я на выходе заметил первую машину, артиллерист уже делал расчеты для стрельбы.

Команда Кравченко была настолько четкой, что только лишь 17 чудовищ успели подползти на возвышенность перед Кирпичным заводом, как три из них уже были охвачены огнем и до 100 чел автоматчиков превратились в безмолвные трупы. Противник после двухчасового боя с тяжелыми потерями отошел.

Весь день не прекращался ураганный минометный и артиллерийский обстрел наших позиций. На протяжении всего дня то на одном, то на другом участку нашего фронта появлялись атакующие 3–5 танков со взводом автоматчиков, но после того как успешно отражены атаки групп в 50 и больше танков с

батальонами пехоты эти ничтожные попытки противника, нащупать слабое место и прорваться казались просто «шуткой» и успешно отражались нашей обороной.

В 21.30. противник «выбросил последний на южном участке трюк» – психическую танковую атаку. Оставив на НП адъютанта майора Кравченко л-нта Степу, который выполнял немало работы по штабу, я пошел на КП ужинать. Только принялись за ужин, когда заходит адъютант и говорит, что к противотанковому рву подъехало много каких-то машин с зажженными фарами. Майор Кравченко и все мы вышли на двор и установили, что до 50 танков противника, а потом установили что с ним батальон пехоты, решили предпринять ночную атаку нашей обороны в направлении Верхняя Китаевка. Эти чудовища выстроились с зажженными фарами и открыли ураганный артиллерийский и пулеметный огонь по фронту 1 и 3 сб 156 сп. ночь осветилась светом трассирующих пуль. Выведена со строя орудия ПТО установленного около В. Китаевка, 1 и 3 сб 156 сп дрогнули и начали отходить, оставляя рубеж обороны.

Майор Самойленко (ком дивизиона 843 АП) с двумя бойцами подбежал к ПТО, где выведена прислуга, и прямой наводкой лично открыл огонь по подошедшим танкам. Немедленно на участок 3/156 сп был введен батальон 1005 сп и на участок 1/156 сп б-н 58 сп, которые были в резерве.

Доброволец Тульского рабочего полка и солдат бронебойщик. 1941 год

Стремительное появление под пеленой трассирующих пуль этих батальонов, остановило бойцов 1 и 3 сб 156 сп, они заняли свои позиции и совместно открыли огонь по надвигающейся мотопехоте противника, вынудив ее прекратить движение и залечь. Приступили к своей «работе» группы танковых истребителей. Открыв огонь по танкам из противотанковых ружей. Одновременно Кравченку удалось вызвать два залпа гвардейского дивизиона, и через делегатов связи артиллерии капитана Вербицкого и л-нта Исай вызвать арт-огонь 2/447 КАП и 1 див. 3 АП.

Потушив огни продолжали с остервенением сопротивляться нашему организованному огню, и после 2-х часового боя оставив 6 сгоревших чудовищ и до роты уничтоженных фашистов к 24.00

противник отошел в р-н Косая Гора, продолжая обстреливать участок артиллерийским и минометным огнем.

В результате трехдневных ожесточенных атак Гудериановская группа силою до 100 танков и поддержке пп «Великая Германия», потеряв 38 танков и свыше 500 чел. убитыми и ранеными, убедилась в невозможности прорыва южного участка обороны Тулы.

Противник, явно перешел к активной обороне, ибо к утру 2.11.41. р-н Кирпзавод – Н. Басово беспрерывно освещается ракетницами, а шум моторов слышан в направлении д. Крутая. Вероятно перегруппировка сил.

Утром получили приказ, что южн. уч-к ликвидируется. Приехали в Тулу. Сегодня отдохнем. Три бессонные ночи и три напряженных боевых дня. Боялись садиться, старались быть на ногах. Борьба была упорной. А в штабе Кравченко с которыми он должен был обеспечить управление (войсками) было всего 5 человек: нач. штаба, ПНШ, начарт, Уполномоченный ОО и адъютант. Технической связи с частями не было. Управлять приходилось только через делегатов связи, связных, а чаще всего личным посещением частей и подразделений боя.

Дни горячие – но ТУЛА Советская. За 3 дня мы потеряли до 100 чел убитыми, до 220 ранеными, 3 подбитых орудия, 3 подбитых танка, 4 ст. пулемета и 5 противотанковых ружей.

6.12.41 г.

Долго не брался за свой дневник. В дивизии не видно боевой жизни, сводки и донесения, про них писать трудно, потому и забросил. Сегодня историческая дата дня моего полка. Прибыла группа боевых друзей, командиров 956 сп во главе с тов. Винокуровым (комиссаром). Прибыли т.т. Салтовский, Витязев, Салдатов, Подкрутко, Самошкин, Почекаев, Иванов, Петров, Ахромович и другие.

Сообщили тяжелую новость. Дивизию 299 расформировали, а следовательно полк тоже.

Прекрасный боевой полк, спаянный упорными боям боевой коллектив молодых, честных, самоотверженных и преданных командиров и политработников, воспитанных в боях Героем Советского Союза майором Кравченко, распределен по другим частям.

Но все мы уверены, что и там, покажем образцы преданности, понесем Кравчинские боевые традиции.

Очень жаль погибшего в бою комроты связи т. Плисака.

Отчет о работе Южного боевого участка с 29.10 по 1.11.41 г. Командиру 50 Армии юго-западного

направления. Согласно решения военсовета 50 армии от 29.10.41 г., было приказано сформировать полк из части 258 сд, 151 кап, 260 сд и 50 человек 86 озад, на основании чего мне было предложено связаться с нач. гарнизона г. Тулы и получить от него указания.

Части 260 сд находились в резерве нач. гарнизона полковника Иванова, а части 258 сд находились на участке Горелки – Алешня, мной приведены в боевую единицу как полк численностью 600 человек, согласно указаний нач. гарнизона, оставались с боевой задачей, под моим руководством, северные подступы к Тула по Серпуховскому шоссе. Кроме того, (приказом № 4 по Тульскому боевому участку я был назначен начальником Южного боевого участка (зачеркнуто) Нач. гарнизона поручил мне оборону южного участка г. Тулы: справа Михайлово (Михалково – прим. сост.), слева (иск.) Воронежское шоссе, который обороняли: Михайлово – отряд РК милиции, Китаевка – Орловское шоссе – 156 полк НКВД, (иск.) Орловское шоссе – Гостеевка – Воронежское шоссе – Тульский рабочий полк.

30.10.41. в 8.00 противник открыл пулеметно-минометный огонь и 34 средних и тяжелых танка и до б-на мотопехоты противник атаковал фронт Рабочего полка с направления Гостеевка. Полк был рассеян и бежал в неизвестном направлении, после чего танки прорвались к городу и овладели парком Осоавиахима подходя вплотную к церкви, а 20 танков и до 2-х рот пехоты атаковали на шоссе в р-не Кирпичного завода 2 сб 156 сп НКВД, который также оставив позиции начал постепенно отступать.

Мною были приняты следующие мероприятия: создавши 3 группы истребителей вооруженных 6 противотанковыми ружьями, бутылками и гранатами и расставив подошедшие подразделения 1005 сп до 400 чел., я приказал занять оборону по шоссе в напр. Кирп. завода, одним б-ном в количестве 100 чел., фронтом на Гостеевку, одним в таком же количестве в парке Осоавиахима с задачей: отрезать пехоту противника от прорвавшихся танков и группы танковых истребителей, поддержанные 2 зенитными орудиями начали уничтожать прорвавшиеся в парк ОСО танки. На участок оставленным 2/156 сп НКВД, направлена группа бойцов 643 КАП в количестве 80 человек, б-н 1005 сп в количестве 150 чел. При поддержке одной пушки ПТО и

2-х зенитных орудий, находящихся в р-не общежития ТМИ с задачей восстановить положение 2/156 сп, уничтожая танки и пехоту противника.

В результате предпринятых мероприятий и произведенного боя в р-не парка ОСО было уничтожено 5 танков противника, полностью отрезана пехота от танков и уничтожено до 50 чел. пехоты, после чего танки и пехота были отброшены на исходный рубеж в р-н Гостеевка – Ст. Басово и в р-не высоты 225,5 противник потеряв 8 танков подбитыми и сожженными и до 100 чел. убитыми отошел за Кирп. завод в р-н Н. Басово. Положение на всем участке обороны было восстановлено. На протяжении всего дня противник предпринимал ожесточенные атаки на южном участке в 12.00, 16.00 и 20.00 – которые были успешно отбиты (с большими потерями для противника (зачеркнуто) и противник дополнительно потерял 6 танков.

Во время боя был получен Ваш приказ о создании Тульского боевого участка под командованием генерал-майора Попова, а мне с полком перейти в Ваш резерв и занять р-н Медвенка на северной окраине г. Тула. Но приказом № 4 по Тульскому боевому участку от 31.10.41., я был назначен начальником Южного боевого участка с подчинением мне 156 сп НКВД, 1005 сп, 583 сп, который не явился, а вместо прислан 58 сп с задачей обороны южных подступов к г. Тула в р-не ж.д. Орел – Тула, (иск.) Воронежское шоссе.

На протяжении всей ночи противник подготовлял атаку; беспрерывно обстреливал район обороны артиллерийским, минометным и пулеметным огнем, одновременно подтягивая с р-на Косая Гора – Ясная Поляна и сосредотачивался в р-не Кирп. завода на шоссе Орел – Тула большое к-во танков и мотопехоты. Мной была предпринята перегруппировка частей; заменены огневые позиции имеющейся артиллерии в количестве 2 ор. ПТО, 4 ор. 76-мм и 4 ор. 75-мм прибывших на усиление участка, усиление правого фланга 156 сп за счет 1 роты 58 сп, выведен со 2-го эшелона в 1.00 3/156 сп, для замены 2/156 сп понесшего значительные потери и выведенного для реорганизации в р-н Михалково, оставленный отрядом милиции, направлен для обороны один сб 58 сп. На всем участке фронта создано 10 групп танковых истребителей вооруженных противотанковыми ружьями и бутылками горючей смеси.

К 7.00 31.10.41. противник повел атаку 50 танков и б-ном мотопехоты на участку 156 сп, которая после 2-х часового упорного боя при поддержке 2 д-на 447 кап и 8 танков тбр была отбита и противник, потеряв 10 танков и до 2-х рот пехоты, был отброшен на исходное положение в р-н Н. Басово.

В этот же день пр-к дважды пытался прорваться в р-не Китаевка, Гостеевка и шоссе, но организованным огнем был отбит.

1.11.41. с утра пр-к силой в 17 танков и до 2-х рот мотопехоты предпринял атаку по шоссе Орел – Тула в направлении механического института. Организованным огнем и упорной обороной пехоты атака была отбита с понесенными потерями противника в 3 танка и до 100 чел. пехоты. На протяжении всего дня противник вел интенсивный огонь минометных батарей и вооружения танков, неоднократно предпринимая группами в 3–5 танков и до взвода пехоты атаки отдельных участков фронта, которые успешно отражались нашей обороной.

В 21.30 противник предпринял психическую танковую атаку участка обороны в направлении Верх. Китаевка силою до 30 танков и до б-на пехоты, в результате которой 1 и 3 сб 156 сп начали отступать оставляя занимаемый рубеж обороны.

Организованным мною совместным огнем артсредств расположенных на участку, 2/447 КАП, 1 дивизиона ЗАП и двух залпов гварддива, вводом в направлении Китаевка 1-го б-на 58 сп, в направлении Карп. завода 1 б-на 1005 сп, атака пр-ка была отбита и к 24.00 противник потеряв 6 танков и до роты пехоты полностью очистил р-н Южного боевого участка и отошел в р-н Н. Ельня – Н. Басово – Гостеевка.

В результате трехдневных ожесточенных и безуспешных атак крупными соединениями до 100 танков и свыше полка мотопехоты «Большой Германии» («Великой Германии» – прим. сост.), противник потерял подбитыми и сожженными 38 танков и до 500 человек живой силы, к утру 2.11.41 г. перешел к активной обороне, производя перегруппировку в направлении д. Крутая.

Наши потери за 3 дня боя: три подбитых орудия, 3 подбитых танка, 4 ст. пулемета, 5 противотанковых винтовок, 84 человека убитыми и 212 ранеными.

Приказом № 5 от 1.11.41. в 16.00 полученным мною

2.11.в 4.00, Южный боевой участок расформирован и передан 154 сд.

Нач. юж. боевого участка Герой Советского Союза майор

Комиссар Южного боев. участка ст. политрук

Нач штаба Южного боевого участка

ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1034, л. 98–101

Пресса об обороне Тулы

Ожесточенные бои на Тульском направлении

Немцы несут огромные потери.

Вот уже несколько дней на Тульском направлении фашисты ведут яростные атаки. В районе Тулы ожесточенные бои. Бросив в бой большое количество танков, немцы угрозой обхода с флангов вынудили наши войска эвакуировать город Плавск. Все ценные промышленные объекты и склады были своевременно вывезены из города. Взорвав мост, наши части отошли за р. Плаву.

Несколько дней продолжались бои за переправу. Наши части нанесли врагу огромные потери. Тем не менее под покровом ночи врагу удалось форсировать реку и вырваться на дорогу, ведущую к Туле. Атаки врага продолжались не только днем, но и в ночное время. Над дорогой, ведущей к Туле, все время стоит зарево от орудийных залпов и пожарищ.

Пользуясь количественным превосходством мотомеханизированных частей и танков, враг небольшими танковыми группами действовал одновременно в разных пунктах, стараясь появиться неожиданно в тылу наших войск. Части Красной Армии при поддержке авиации мужественно сдерживали натиск врага. Дорога к Туле усеяна обломками многих десятков немецких танков, сотен автомашин и мотоциклов. Каждый метр продвижения стоит немцам огромных потерь.

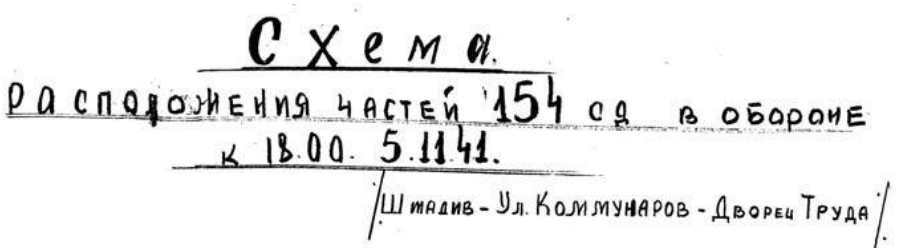


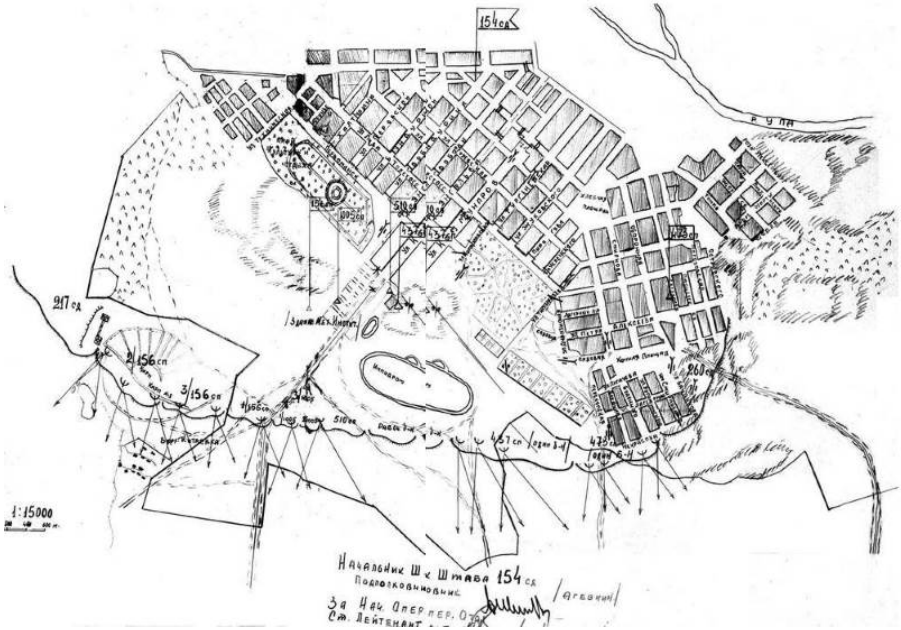
Схема
расположения частей 154 сд в обороне
к 18.00. 5.11.41.
/Штадив - Ул. Коммунаров - Дворец Труда/

Инженерное обеспечение обороны на участке 154 с.д.

1. На первом рубеже обороны города по улице Коммунаров возле винного з-да установлены 2 ряда рогаток из рельс тоже самое по ул Стадионной ~~х х~~.
2. Около водокачки в районе винного завода вырыт противотанковый ров
3. На II-м рубеже обороны по ул. Фрунзе, Ст Халтурина, Перовской, Бундурина, Свободы, пр. Энгельса, Тургеневской, Жуковского, Пирогова, ул Успенского, Текстильевской, Дивизионной и Комвузовской открыт ПТР с устройством баррикад из подручного материала (доски, мебель, камень и т.д.)

На ул. Коммунаров в скрещении с ул. Льва Толстого установлены рогатки и в скрещении с ул Колхозной открыт ПТР с установкой надолбов

4. На Колхозной ул открыто 2 ПТР и баррикады. На ул. Калининской по III-му рубежу обороны сделана баррикада из тех материалов ширина 6 метр и высотой в 4 метр.
5. Намечено использовать как фланги противотанк. препятствия Трамв. рельсы



Наши войска совместно с местными истребительными батальонами подстерегали и уничтожали танки врага. Все же враг ценой огромных потерь продвинулся вперед. Создалась непосредственная угроза Туле.

Тула быстро приняла вид фронтового города. По широким магистралям шагают рабочие батальоны, движутся войска, бесконечный поток автомашин с боеприпасами и орудиями. Мчатся мотоциклисты. Рабочие поднялись на защиту своего города.

Враг должен быть отброшен! Оружейники, металлурги, шахтеры, патронники посылают на фронт лучших своих сынов. Тысячи людей возводят противотанковые укрепления. Ощетинились надолбами, колючей проволокой окраины Тулы.

Бои идут непосредственно на подступах к Туле. Части тов. Ермакова героически сдерживают натиск врага. Бросив в атаку 45 танков, немцы пытались подойти к городу с южной стороны. Но здесь их встретил сводный отряд рабочих Тулы под командованием тов. Кравченко. Завязался горячий бой. Истребители танков с гранатами и бутылками бросились на врага. Было уничтожено 12 фашистских танков. Остальные машины повернули обратно. Но тут их встретили артиллеристы, находившиеся в засаде. Орудие тов. Московкина в упор расстреляло еще 3 танка и 21 мотоциклиста.

Части тов. Ермакова днем и ночью отражают атаки врага, удерживают оборону. В одном месте немцы пытались немцы

пытались пройти к городу в обход с фланга, но наскочили на наш укрепленный район. 10 вражеских танков было подорвано.

Особенно сильно бьют врага наши артиллеристы. Под их беспощадным и метким огнем погибли тысячи немецких солдат и офицеров. Замечательно сражаются советские летчики. Ни в одном месте немцам не удалось прорваться к городу. Наши части в отдельных местах переходят в контратаки. В бой вступили наши танкисты.

Сегодня ночью враг сделал еще одну отчаянную попытку прорваться сквозь оборону. Большая группа фашистских танков развернутым строем с зажженными фарами без выстрелов подошла к оборонительным укреплениям. При отражении психической ночной танковой атаки наши артиллеристы и пехотинцы показали высокие образцы выдержки. Они без выстрела подпустили танки на 15 метров и в упор стали расстреливать фашистскую колонну. Под покровом ночи к танкам подползали наши пехотинцы с бутылками и гранатами.

Психическая ночная атака завершилась бегством немцев. За вчерашний день фашисты потеряли 16 танков. Сегодня с утра танковая атака врага возобновилась. Два раза в течение дня немцы посылали в атаку танки и мотопехоту, но ни разу не добились успеха. При этом они потеряли до 40 танков и 500 убитых солдат и офицеров. В одном месте в результате смелых контратак наших частей немцы отброшены на два километра.

А. Булгаков

В. Антонов

Прогнать проклятого врага от Тулы

Тульское направление. 31 октября. (По телефону от наш. спец. корр.). Ожесточенные бои на нашем направлении не прекращаются ни днем, ни ночью. Враг подтянул сюда крупные силы, бросил на карту все, чтобы прорваться вперед. Не смотря на то, что немцы несут огромные потери, натиск их не ослабевает. Но на каждом шагу враг сталкивается с героическим сопротивление наших бойцов.

Вчера весь день шел бой за селение К. Немцы бросили на него большое количество танков, мотопехоты, мотоциклистов и подвергли нашу оборону усиленной бомбардировке с воздуха. N-ская часть отбила яростный натиск фашистов, уничтожив до 20 танков и перебив до 300 солдат и офицеров. Однако ночью немцы вновь предприняли атаку и угрозой обхода с флангов вынудили

нашу часть к отходу на новые позиции.

Рано утром бой возобновился. Враг повел атаку 46 танками, двумя батальонами мотопехоты и ротой мотоциклистов. Н-ская часть отбила основные силы фашистов, но 13 танкам все же удалось прорваться на шоссе, ведущее к Туле. На встречу этим танкам ринулся полк тульских рабочих под командованием тов. Кравченко. Огнем артиллерии и противотанковых ружей рабочий полк уничтожил все 13 танков и не допустил их к городу.

С другого направления небольшому отряду, состоявшему из танков и мотоциклистов удалось прорваться к городу. Фашисты открыли интенсивный огонь, но вскоре были атакованы нашей Н-ской частью.

Днем и вечером части тов. Ермакова отбили еще несколько бешеных атак немцев. В Туле строятся баррикады, ставятся рогатки, население роет противотанковые рвы. Оружейники и металлисты Тулы самоотверженно помогают Красной армии оборонять город.

Красная Звезда 1.11.1941 г.

Танковые атаки

Овладев Орлом, немецкие силы, действующие на этом направлении, поставили своей очередной задачей поход на Тулу, а затем и на Москву. Подтянув резервы, немецкое фашистское командование двинуло отборные танковые силы по шоссе Орел – Москва. Все данные говорят о том, что враг не рассчитывал на серьезное сопротивление наших частей. Немецкое командование считало, что путь на Тулу займет 2–3 дня и столько же поход на Москву. Однако с первых же шагов врагу пришлось убедиться, что силы сопротивления Красной Армии чрезвычайно велики. В результате на шоссейной магистрали завязались кровопролитные бои, в которых с обеих сторон решающую роль играют танки и авиация. С каждым днем движение немцев замедлялось, а затем в районе Мценска фашистские силы были остановлены. 3 недели фашистские полчища не смогли продвинуться ни на шаг, удерживаемые нашими войсками.

Потерпев неудачу, не сумев добиться успехом ударом в лоб, немцы стали искать других путей. 26 октября, подтянув свежие резервы, они обошли наши части с фланга. Большая группа танков вырвалась а шоссе и ринулась на Тулу. Снова немецкие генералы обещали своим солдатам близкую победу, теплую одежду и квартиры в Туле, которую они рассчитывали захватить

врасплох. Немецкий офицер в своих записках 29 октября восклицает: «Все идет хорошо, думаем быть в Туле». Не все оказалось так хорошо, как представлял себе господин офицер. Автора записок подстрелили наши разведчики, а немецкие войска были вынуждены остановиться у ворот города. План захвата Тулы с хода потерпел неудачу. Регулярные части Красной Армии вместе с рабочими отрядами Тулы отбили первые яростные атаки врага, нанесли ему значительный урон.

29 октября немецкая авиация усиленно бомбила и обстреливала Косую Гору, подступы к Туле. В этот же день немецкие танки подошли к Косой Горе. Ночью защитникам Тулы пришлось выдержать их первую атаку. Около 50 танков, до 2 батальонов пехоты немцев пошли на штурм города. Свернув с шоссе, танки широким строем, по пашням и лугам, двинулись к южной окраине Тулы. Они шли двумя волнами. Особенно сильный огонь врага был сосредоточен на флангах. Но наши бойцы, в частности подразделения тов. Зубкова и Кравченко, стойко и мужественно отразили неоднократные попытки фашистов ворваться в город.

В этих первых боях за Тулу, продолжавшихся и ночью, и весь день 30 октября, немцы потеряли не менее 24 танков. Отважно действовали пехотинцы, уничтожавшие врага бутылками с горючей смесью. Смелость и отвагу показали артиллеристы и, в частности, зенитчики. Артиллеристы закрыли город сплошной стеной огня. Зенитчики били по врагу прямой наводкой. В результате атаки немцев были отбиты.

Встретив яростный отпор, натолкнувшись на стойкость наших бойцов, немецкие войска изменили свою тактику. Они сосредоточили свои удары на нашей пехоте, закрывавшей дорогу в город. Ночью около 20 танков двинулись на наши части, занимавшие позиции на южных окраинах Тулы. Вражеские машины подошли к окопам почти вплотную и открыли артиллерийский и пулеметный огонь. Несколько вражеских танков встало на наших флангах, чтобы стрелять вдоль окопов. Фашисты рассчитывали подавить всяческое сопротивление советских бойцов. Кровавый и жестокий враг поклялся уничтожить все живое, преграждавшее ему дорогу. За башнями танков спрятались автоматчики. Защищенные броней машин, они также окрыли ураганный огонь. Немецкие танки пытались раздавить наши огневые точки, утюжили окопы. Но все было напрасно. Ничто не могло сломить дух наших бойцов. Они с честью выдержали бешеный нажим врага и не ушли ни на шаг со своих позиций.

Враг мечется вдоль фронта, пытаясь нащупать слабые звенья

нашей обороны. Группы танков появляются то на левом, то на правом фланге, пытаясь вклиниться в стыки наших частей. Но защитники Тулы мужественно отбивают все атаки врага. Каждый раз фашисты оставляют на поле боя горящие машины, сотни солдат и офицеров.

Враг встретил у Тулы героический отпор наших частей и вынужден был остановиться. Опыт первых боев за Тулу чрезвычайно поучителен. Он еще раз показал, что советской пехоте, смелому и решительному бойцу танк не страшен. Враг бросил на Тулу около 200 танков из группы Гудериана, мотополк «Великая Германия» – свои отборные части. Тем не менее наши пехотные части при поддержке артиллерии и авиации мужественно отражают натиск врага. В этих боях родились свои герои. Старший сержант тов. Киян с 30 красноармейцами восемь часов подряд отражал атаки танков и мотопехоты и не отошел ни на шаг от линии обороны. Также мужественно сражались с танками фашистов красноармейцы Андреев, Шахов и другие.

В итоге первых боев на окраинах Тулы враг уже потерял десятки танков, тысячи убитых и раненых. Части Красной Армии и рабочие отряды, не щадя жизни, бьются с наступающими фашистами, наносят им новые и новые удары.

Подполковник Н. Лашенчук Действующая армия, 5 ноября.

Известия 6 ноября 1941 г.

Как добывается победа

Ст. батальонный комиссар Ив. Мартынов

В центре карты, испещренной красными и синими линиями, над черным кружочком – тугая крупная надпись русскими буквами «Тула».

Сбоку бледный немецкий перевод: Tula. Кружок, обозначавший Тулу, обведен с юго-запада жирным красным полукольцом. От этого полукольца толстая красная линия проложена вниз по тульской дороге. С южного обреза карты тянется от этой линии другая, увенчанная стрелой, разящей расположенный восточнее – Сталиногорск. Выше, над Тулой, прочерчена прямая красная дорога на Москву.

Итак, все ясно: лобовой удар по Туле, параллельно обхват с востока и – прямая танковая магистраль на Москву.

Эту карту с четко расчерченными линиями бросил перепуганный насмерть немецкий офицер, удирая из танка, подбитого бойцами Героя Советского Союза майора Кравченко. Бойцы Кравченко смешали аккуратно растасованные карты Гудериана, уничтожив только за три дня 38 танков противника.

Говорят, что Кравченко действовал не по всем правилам военной науки. Командуя ответственейшим боевым участком, он оказался оторванным от штабов. У него не было телефонной связи. Немцы пыжились из последних сил, пытаясь создать видимость окружения, засылая в тыл ракетчиков и автоматчиков. Кравченко был на командном пункте. Он располагал крайне ограниченным числом связных. По представлениям немецких разведчиков, у начальника боевого участка не было никаких средств борьбы против массированной атаки танков.

Накануне немецкие самолеты-разведчики на бреющем полете прошли над нашей линией обороны, фотографируя расположение огневых точек.

Кравченко видел это. Зная повадки немцев, он ночью изменил расположение огневых позиций и утром с улыбкой наблюдал, как немецкая артиллерия и десятки самолетов бомбили старые расположения огневых точек. После артиллерийской подготовки 70 фашистских танков из полка «Великая Германия», уверенные в полном уничтожении нашей пехоты, двинулись на Тулу.

– А я, – рассказывает веселый майор, – за это время расставил аккуратно пушечки, пулеметы, минометы – все честь-честью. Каждый, как музыкант, знал, что ему делать.

Первая и ответственная роль выпала на долю маленьких групп истребителей, созданных в подразделениях и обложивших шоссе. Они были вооружены противотанковыми ружьями, гранатами, бутылками с горючей смесью.

Вот грозная по виду железная армада двинулась на наши позиции. Но не было предателей среди наших бойцов, не дрогнули испытанные в боях части. Огонь бронебойных пуль обрушился на танки врага.

Пулеметные очереди ударили по автоматчикам, двигающимся за танками, отрезая из все дальше и дальше от машин, лишая танки основной своей силы – пехоты. Вот загорелся один танк, беспомощно закрутился на подбитых гусеницах другой. Опрометью бросился из танка в сторону от поля боя офицерик, теряя карту победного шествия на Москву.

Смешались и заметались по полю вражеские машины, ища слабых участков обороны. Зенитчики, действовавшие с частью т. Зубкова, прямой наводкой расстреливали охваченные паникой

танки. До 2 часов дня продолжался неравный бой. И враг не выдержал – бежал, оставляя на поле боя трупы автоматчиков и разбитые танки.

Еще несколько раз ходили немецкие танки в атаку, и каждый раз в страхе отступали перед непреклонностью наших бойцов. 19 танков потеряли немцы в первый свой штурм.

Кравченко в часы битвы управлял боем с четвертого этажа окраинного дома. Все поле сражения было открыто перед ним, связные бегом носились от подразделения к подразделению, передавая приказания командира.

Три дня подряд, по нескольку раз в сутки, предпринимали немцы массированные танковые атаки. И все они были отбиты.

В один из дней, в 9 час. 30 мин. вечера, когда уже возможности нападения танков, казалось, были исчерпаны, к отдыхающему майору Кравченко подошел неизменный его адъютант, молодцеватый т. Степа и спросил:

– Товарищ майор, не знаете ли вы, что это за танки вышли к нашему дому?

Майор поглядел в окно. С зажженными фарами, широким фронтом шли прямо на командный пункт немецкие танки. Несколько тяжелых танков были уже в метрах в трехстах от дома, преодолевая ближайший противотанковый ров. В открытых люках стояли во весь рост пьяные фашистские вояки, рискнувшие в эту ночь предпринять «психическую» атаку.

Кравченко отдал короткую команду и сам бросился к ближайшему орудию. Одновременно у другой пушки встал майор Самойленко и ударил в лоб по «психам». Через три минуты заговорило орудие лейтенанта Исая. Через следующие две минуты открыл огонь капитан Вербицкий. Уверенно застучали противотанковые ружья, полетели гранаты и бутылки. «Психическая» атака была стремительно отбита.

Со 2 ноября немцы не предпринимали больше массированных танковых атак. Они перешли к своему излюбленному методу обмана, маневрируя мелкими подразделениями мотопехоты и танков, пытаясь создать видимость обхода и окружения наших частей. Потеряв надежду взять Тулу в лоб, враг рвется сейчас, не щадя сил, на северо-запад в обход, на московскую дорогу. Ожесточенные бои не угасают.

* * *

– А что вам не страшно, товарищ майор? – улыбаясь, спрашивает его старый начальник штаба, лейтенант Бенцель. – И

самолеты и минометы тоже не признаете?

– Да и самолеты, конечно, не страшны. – спокойно говорит Кравченко. – Главное – не бегай от них. Да и от минометов никак бежать нельзя – только укройся, тогда они никакого вреда не принесут.

– А таки, да еще и без пехоты, – продолжает он прерванную мысль, – можно быть как угодно. Самый серьезный враг – паника, страх, а не танки. Если человек спокоен и рука у него не дрожит, танк никогда не пройдет. Спакойненько подпусти его, ударь из противотанкового ружья – а ружья у нас хорошие – и добивай гранатой. Вот и все дело. Пленные рассказывают, что на днях приезжал на наш участок фронта генерал Гудериан. Очень был недоволен работой своих танков, какие-то новые приказания давал. Поживем – увидим.

На рябоватом, со следами былой оспы, лице Кравченко добродушно-лукавая улыбка. В серых глазах его столько настоящего спокойствия солдата, столько побеждающей уверенности в своих, в наших силах, что видишь: этот бывший батрак, а потом питомец Академии им. Фрунзе – достойный противник «ученого» Гудериана. Нет, он ни на пядь не отступит перед Гудерианом, не дрогнет перед его танками. Не побоится смерти. Он видит, он всем своим существом ощущает грядущую победу. И он точно знает, как добывается победа.

16 ноября 1941 г.

На дальних подступах к Москве. М.: ОГИЗ, 1942, стр. 36–39

Часть 6. Тульский рабочий полк

Боевой приказ № 23 штадив 154 30.12.41 г. 14.00

1. Противник оставив Калуга отходит в северо-западном и западном направлении

2. Севернее 340 сд к 14.00 овладевает районом Галкино, Азарово, (зап.) Дворики.

290 сд главными силами выходит к вокзалу левее 258 сд и овладевает Санаторий, Аннененка.

3. 154 сд, 112 тд, 31 кд, Тульский рабочий полк, заняв Калуга прикрывают город с севера и северо-запада до выхода батальонных дивизий.

4. 437 сп занимает оборону на северо-восточной окраине Калуга, перехватив дороги Буштлановка, Бутырки.

5. 437 сп выделив один стрел батальон в распоряжение начальника гарнизона майора Кравченко, занимают оборону на северной окраине Калуга, перехватив шоссе на Серпухов и Малоярославец.

6. 510 сп занимает оборону в Авиагородке.

7. 112 мп занимает оборону на западной окраине г. Калуга, перехватив дороги на санаторий.

8. Тульский рабочий полк сосредотачивается в районе парка на сев-зап окраине Калуга.

9. Командирам всех частей организовать охранение и очистку всех районов от автоматчиков, а также подсчитывает захваченные трофеи.

10. Начальнику гарнизона майору Кравченко организовать очистку города, охрану общественных зданий и сбор трофей.

11. КП – р-н Спиртоводочн з-да у вокзала.

п/п Командир дивизии гененерал-майор Фоканов

п/п Военком сд полковой комиссар Новосадов

п/п Начальник штаба 154 сд подполковник Агевнин

ЦАМО РФ, ф. 112, тд, оп. 1, д. 1

Приказ № 14 по ТРП 12.1.42. д. Черная Грязь по строевой части

1. Согласно приказу командующего 50 А о назначении меня на должность командира ТРП, с сего числа приступаю к исполнению своих обязанностей.

2. Прибывшего со мной адъютанта Степа Николая Григорьевича, считать адъютантом ТР полка.

3. Командир санбатом 154 сд военврач 3 ранга Аносова Кира Григорьевна приступить к исполнению своих обязанностей.

Сидит Командир Тульского рабочего полка, Герой Советского Союза майор И.Я. Кравченко; Стоят: справа – нач. ПФС, воентехник 1-го разряда Шкунаев Михаил Иванович, слева – помощник командира полка по хоз. части ст. Политрук Исаев Иван Павлович (летописец полка)

4. Лейтенанта Бенцеля В.А. назначаю нач. штаба ТРП.

5. Л-нта Каршеева назначаю на должность пнш по разведке.

6. Ст. политрука Сосокина назначаю ПНШ по тылу.

п/п Кравченко, Богомолов, Бенцель.

ЦАМО РФ, ф. 766 полк, оп. 1, д. 1 приказы, л. 14

Другими словами, Кравченко привел с собой двух своих старых испытанных боевых товарищей. Им друг с другом было легко воевать.

«Руководители Тульских организаций, прежде всего обкома партии и облисполкома, горячо заботились о личном составе полка, всегда находили возможность помочь боеприпасами, обмундированием и продовольствием. Своих раненых бойцов мы эвакуировали в Тулу. Более того, каждый воин продолжал числиться на том же месте работы и в той же должности, в которых состоял до зачисления в рабочий полк. Семьи ополченцев получали их заработную плату, а одиноким она перечислялась в полк, где и выплачивалась.

Для связи с тульским организациями, рабочими коллективами и семьями ополченцев полк имел свое представительство в Туле. Оно состояло из двух товарищей, особенно слабых здоровьем: Сергея Александровича Дерпаева, члена партии с 1924 года, и Григория Васильевича Астахова». И.П.

Исаев «От Тулы до Кенигсберга». Тула, 1972, стр. 132

«Только выступил полк из Калуги на запад, как пришел приказ о назначении нашего командира полка подполковника В.М. Баранова на должность командира дивизии. В пути на новое место службы его автомашина попала под пулеметный обстрел вражеского самолета, и этот замечательный советских офицер был убит.

На пятый день после нашего выхода из Калуги командиром рабочего полка стал Герой Советского Союза И.Я. Кравченко. Майор Иван Яковлевич Кравченко участвовал в героической обороне Тулы. Это сразу сблизило нового полкового командира с личным составом рабочего полка.

Много воинов потерял наш полк на обороне Тулы и при освобождении Калуги. Но бои за Юхнов, начавшиеся на дальних подступах к нему (в деревнях Матово, Машкино, Рындино, Малеевка, Феники, Внуково, Утешево), оказались еще более кровопролитными. Особенно ожесточенное сопротивление фашисты

оказали, когда полк вступил в бой по освобождению трех близко расположенных друг от друга деревень – Рындино, Малеевка и Феники.

Наступление началось 16 января 1942 г. в 8 часов утра. Оно было неудачным: первая атака была отбита с большими потерями для нас. Вынести раненых не давал огонь противника. Положение усугублялось крепчайшим морозом. Бой продолжался весь день, и только к вечеру гитлеровцы не выдержав натиска, отступили, а наши подразделения заняли все три населенных пункта.

На следующий день противник, подтянув новые силы, предпринял попытки отбить занятые нами деревни. Он атаковал наш второй батальон (командир Е.И. Хохлов), находившийся в деревне Феники.

Узнав о тяжелом положении батальона, начальник артиллерии полка Борис Михайлович Сосонкин поднял на ноги комендантский взвод, присоединил к нему 30 человек легко раненых воинов и бросился на выручку своему бывшему сослуживцу-железнодорожнику, командиру роты второго батальона лейтенанту В.И. Сафронову.

Неожиданный удар во фланг атакующих фашистов, нанесенный группой Б.М. Сосонкина сорвал вражескую атаку на Феники. Гитлеровцы были отброшены.

Кстати, новым командиром рабочего полка Б.М. Сосонкин был освобожден от обязанностей начальника штаба и назначен начальником артиллерии полка. С большим рвением он принялся за дело, и вскоре в полку появились четыре 76-мм и восемь 45-мм пушек. Правда пушки были довольно старые. Одна трехдюймовка «вышла в свет» еще в 1900 году. За почтенный возраст ее величали «Марьей Ивановной». Но все же основание полковой артиллерии было заложено, и вскоре огневая мощь полка соответствовала положенному по штату.

Имелись две артиллерийских батареи и минометный батальон. Начало его боевой биографии относится к 1 декабря 1941 г. Тогда Тульские оружейники преподнесли рабочему полку миномет № 1, изготовленный в условиях обороны города в цехах Оружейного завода после эвакуации всего оборудования».

И.П. Исаев «От Тулы до Кенигсберга». Тула, 1972, стр. 140–142

Подполковник Баранов Василий Михайлович (15.02.1902 –

27.02.1942). Родился в Сергово Горицкого района Калининской области. Образование 7 классов. Закончил Иваново-Вознесенскую пехотную школу и 1 курс академии им. Фрунзе. Служил в Пограничных войсках в Ленинградской области и в Туркестане. За бои с басмачами в 1936 г. его, комбата 11-го полка 4-й Туркестанской дивизии, наградили орденом Ленина. В августе 1941 г., вместе с И.Я. Кравченко был назначен командиром 958-го полка 299-й дивизии. Участвовал в боях под Брянском, Болховым, Белевым. 14 дней оборонял с. Дедилово, где его полк был, практически, уничтожен превосходящими силами противника. С декабря 1941 г. командовал Тульским рабочим полком. Присвоено звание подполковника. 8 января 1942 г. назначен Начальником боевой подготовки 50-й армии. В феврале того же года погиб при налете авиации на его машину. Похоронен в г. Мосальске Калужской области.

Воспоминания бойца ТРП Валентина Аккуратова

«14 января 1942 г. наша рота вступила в бой за деревню Малеевку. Противник не выдержав нашего напора, бежал.

15 января полк получил приказ занять деревню Рындино и Городище. Неприятель сильно укрепил здесь свои позиции, сосредоточил большое количество войск. Первая попытка занять эти деревни успеха не имела. Но, благодаря умелому руководству командиров, самоотверженности и смекалке бойцов, при второй попытке рота с честью выполнила данный ей приказ. В этом жестоком бою командир нашей роты П.А. Иванихин (рабочий железнодорожник) и политрук роты М.М. Цукуров (инженер «Мосбассразведки») показали себя подлинными патриотами и хорошими командирами.

Пулеметчик Лапушкин, метко расстреливал фашистских солдат, бился до последнего патрона, и сам погиб как герой.

Мужественно сражались за Родину и отдали свою жизнь пулеметчик Малофеев и боец Тарасов. Здесь же были ранены командир нашей роты Иванюхин и политрук Цукуров. В результате упорных боев были освобождены деревни Плюсково и Упрямово.

В бою за деревню Малеевка стойко боролись оружейники: командир взвода т. Бредихин, его

заместитель т. Михайлов, командир взвода т. Башкирцев, бойцы Борягин, Шемякин и Мосолов. Не смотря на ранение командиров, рота успешно провела бой, враг опрокинут и оттеснен, рота заняла новый рубеж».

Комиссар рабочего полка
И.Я. Богомолов.
Погиб в 1942 г. в бою у д. Павловки
Смоленской обл.

«Под Малеевкой сложил свою голову отважный комсомолец, награжденный за оборону Тулы медалью «За Отвагу» Лева Волков. Сначала Лева был ранен, но

продолжал сражаться, пока вторая вражеская пуля не оборвала жизнь этого замечательного патриота.

В боях под д. Рындино погибли отважный командир роты Марк Михайлович Злотовер, политрук роты Фома Сергеевич Марухин, бывший мастер завода «Новая Тула», и рядовой боец Андрей Александрович Грачев, рабочий Косогорского металлургического завода.

В сражениях на Юхновском направлении погибли юный боец-оружейник Алексей Зуйков, знатный пулеметчик Василий Григорьевич Мельников, командир взвода Василий Михайлович Доньшин.

Здесь же получил ранение командир 2-го батальона Е.И. Хохлов и выбыл в госпиталь. Вместо него командиром батальона был назначен В.И. Сафонов. В связи с тем, что рабочий полк в походе от Тулы к Юхнову находился в непрерывных боях и понес большие потери, командир полка Герой Советского Союза И.Я. Кравченко и комиссар И.Я. Богомолов обратились за помощью в Тульский обком ВКП(б) и облисполком… 20 февраля 1942 г. Тульский горвоенком А.И. Троицкий направил пополнение в 456 человек.

В течение второй половины января и в феврале 1942 г. рабочий полк вел тяжелые бои на подступах к Юхнову за освобождение деревень Выползово, Еремино, Чемоданово, Упрямово, Требушинки и Плюсково».

И.П. Исаев «От Тулы до Кенигсберга». Тула, 1972, стр. 145

Разобравшись с делами и оценив положение полка, как пасынка при армии, Кравченко со штабом пишет докладную записку:

Докладная

Секретарю Тульского обкома ВКП(б) тов. Жаворонкову

Председателю Тульского Областного исполкома тов. Чмутову

Начиная от подступов к Калуге и до сих пор, т. е. с 23.12 по 14.2.42 наш полк находился в беспрерывных боях и походах. потери полка составили 392 чел. На 14.2.42. полк имеет 110 бойцов (стрелки, пулеметчики и минометчики). Остальные, как негодные к воинской службе в строю находятся в обозе и хозчасти полка… партсостав полка уменьшился с 130 до 75 чел.

ТРП по прежнему переходит в подчинение разных дивизий и армий. Полк за 4 месяца придавался 154, 213 сд, отдельной танк бриг и 217 сд 50 армии. В настоящее время 217 сд перешла в подчинение 49 армии. Командование этих частей вопросами пополнения, обмундирования и оснащения полка не занимаются, а продолжают использовать полк как живую силу. Так личный состав полка до сих пор не получил верхнего обмундирования.

Все сражения, которые вел и ведет ТРП с фашистскими ордами еще больше поднял дух, отвагу и уверенность в победе над врагом. Новыми боевыми делами отвечают бойцы, командиры и политработники на обращение тульских областных организаций.

Командование ТРП просит Вас:

1) Ускорить решение вопроса о посылке полку пополнения, доведения его до прежней численности.

2) Решить окончательно вопрос о предоставлении полку вещевого довольствия и вооружения.

3) Решить вопрос об освобождении из полка стариков и больных, так как многие из них принесут больше пользы на производстве.

Положительное и скорое решение данных вопросов даст возможность полку Тульских оружейников подкрепить свои силы, привести себя в порядок и еще крепче бить немецкие фашистские банды

Командир ТРП ГССмКравченко

Комиссар ТРП Богомолов

14 февраль 1942 г.

ГАУ ТО, Госархив ТОАНИ, ф. 3039, оп. 1, д. 11, л. 51

В бою под деревней Плюсково погибли многие товарищи: Гаврил Иванович Воробьев, Василий Сергеевич Расторгуев, Константин Куприянович Спасский, были ранены Дамил Рязаев, Сергей Александрович Соколов, Николай Федорович Данилин, Петр Иванович Крашенников.

В бою за село Пречистое, в 6 км от Юхнова, тяжело ранен нач. штаба батальона В.А. Косулин. Его жена Е.Н. Паньшина продолжала служить в полку до мая 1942 г., потом уехала к мужу-инвалиду…

ГАТО, ф. 2266, оп. 1, д. 51, лл. 78–80

Политдонесение комиссара Тульского рабочего полка И.Я. Богомолова в политотдел 50-й армии

Выполняя приказ штаба 50-й армии, Тульский рабочий полк в составе 2-х батальонов в ночь под 11.01.1942 вышел из Калуги на преследование противника. В ночь под 14 января 1-й батальон получил задачу занять селения Маляевку и Рындино. После соответствующей подготовки и проведенной беседы с бойцами батальон перешел в наступление и в 2 часа 14 января занял селение Маляевку. 14 января противник предпринимал ряд контратак на селение Маляевку, но последняя неизменно удерживалась нашими частями. 15 января первый батальон вел наступление на селение Городище, но, благодаря шквальному огню с 3-х пунктов, наступление сорвалось. Нужно сказать, что наступление было проведено очень неудачно, так как начато было в 7 час. при хорошей видимости цели, в результате чего полк понес ненужные потери (убито 17 чел.).

16 января первый батальон находился в обороне селения Маляевки. 2-му батальону с приданной ротой первого батальона была поставлена задача: из Вараксено, следуя на Недетово, выбить противника из Ульянки и Щуплово и занять эти селения. После двухдневных упорных боев с противником эти селения заняты указанным батальоном.

17 января в 6.00 первый батальон в составе одной роты после короткого боя занял селения Рындино, Буланцево и Городище.

Отряд, организованный из спецподразделений полка (комендантский, взвод связи, боепитание, штаб полка) в 6.00 17.01.1942 повел наступление на селение Феника и к 8.00 занял его.

18.01.1942 в 15.00 второй батальон возобновил наступление и занял селение Ульянка.

19.01.1942 Тульский рабочий полк, продолжая преследование отходящего противника, занял селение Ильинку, Троскино, Горки, Болтихино и Дерминку. При занятии указанных селений захвачены трофеи: 2 орудия, 90 снарядов к ним, 80 мин, 10 ручных гранат, 4 передка от 155-мм орудий, 3 пуда пороха и до 2 тыс. патронов. Истреблено 150 немецких солдат и офицеров. В боях с 13

по 19 января 1942 г. погибли смертью храбрых: отсекр комсомола полка т. Грызлов, политрук 5-й роты т. Миронов, политрук 4-й роты т. Линяев, политрук пульроты т. Хохлов, командир взвода т. Мамонов, пом. ком. роты т. Злотовер, боец т. Волков, который перед смертью сказал: «Умираю за Родину, за Сталина», и ряд других товарищей, которые с честью отдали свою жизнь за честь и свободу социалистической Родины. В боях за овладение указанными пунктами мужество и геройство проявили командиры рот тт. Басов, Полеганский, ком пульроты и. Сорокин, пом ком пульроты т. Кожечкин, командиры взводов тт. Чебаков, Козлов, командиров отделений тт. Несмелов, Кузнецов, политруки рот тт. Цукуров и Дербичев, боец т. Львов, сандружинницы Зеленкова, Татевская и ряд других бойцов.

Лева Волков, ученик школы № 8 г. Тулы Боец Тульского рабочего полка

17 января получены были газеты, передовые статьи которых, сводки Информбюро коллективно прочитаны всеми бойцами подразделений.

18 января тело убитого политрука т. Ф.С. Марухина направлено в г. Тула для похорон как знатного оружейника, верного сына своей родины, погибшего в бою с фашистами за дело Ленина – Сталина.

18 и 19.01.1942 организованы похороны погибших в боях за населенные пункты Маляевка, Рындино, Фенинка. Похороны произведены в братской могиле при селении Маляевка. Схоронено 64 трупа.

За время боев с 13 по 19 января 1942 г., по

неутонченным данным, полк потерял: 70 человек убитыми, 91 чел. Ранеными, 62 чел. пропавшими без вести; обморожено 4 чел. и больными с эвакуацией в госпиталь 10 чел. А всего потерь – 273 чел. Пополнения нет. Полк за период с 13 по 19 января включительно по оперативному руководству придавался 154, 213, 217-й дивизиям.

Противник, отступая под натиском наших частей, производит сжигание селений (Рындино, Щуплово и ряд других). Уничтожает все поголовье скота и изгоняет из населенных пунктов жителей (Горки, Болтихино).

В селении Рындино в ряде домов сгорели жители этих домов – старики, женщины, дети – всего в количестве 20 чел.

Политико-моральное состояние бойцов хорошее, несмотря на то, что зачастую люди шли в бой уставшими от непрерывного передвижения.

Комиссар Тульского рабочего полка (подпись) Богомолов

ГАУ ТО, ф. П-177, оп. 8, д. 53, л. 91–92. Подлинник

«На Юхновском направлении отважно сражалась рота под командованием Андрея Алексеевича Вахтанова… в ожесточенном бою за освобождение села Пречистое А.А. Вахтанов получил тяжелое ранение и выбыл из полка. … В битве за село Пречистое ранен был и командир первого батальона А.А. Елисеев. После непродолжительного лечения он снова вернулся в полк.

Лютой зимой в сражениях под Юхновым был ранен и не вернулся в полк отличный пулеметчик Федор Данилович Меркулов, бывший газовщик, а позже техник Доменного цеха Косогорского завода, отличившийся в боях под Тулой и Калугой. В битве под Рындином погиб его боевой друг Вася Мельников.

В связи с празднованием 24-й годовщины Красной Армии, на фронт, в рабочий полк из Тулы прибыла делегация рабочих оружейного и Косогорского металлургического заводов, возглавляемая секретарем обкома ВКП (б) по металлургии Г.Н. Степановым. В составе делегации были представители женщин-тулячек – инструктор обкома партии А.М. Аполлонова и инженер железнодорожного транспорта В.И. Гусева.

Делегацию встретили командующий 50-й армией

генерал И.В. Болдин, командир рабочего полка Герой Советского Союза И.Я. Кравченко, комиссар батальона Е.В. Ховаев, нач. артиллерии полка Б.М. Сосонкин, бойцы. Члены делегации побывали на наблюдательном пункте полка и следили за боем на подступах к Юхнову. Командование полка показало делегатам действие миномета № 1, врученного полку оружейниками 1 декабря 1941 г.

Шла подготовка к последнему броску на Юхнов. Командир полка майор Кравченко приказал командир роты С.И. Потапову ночью произвести разведку боем, отобрав для этой цели человек двадцать добровольцев.

5 марта 1942 г. войска Западного фронта, продолжая наступление разгромили Юхновскую группировку противника и освободили город Юхнов. Наш полк расположился в селе Мальцево. Здесь и состоялось зачисление его в регулярные части Красной Армии на основании приказа № 33 по 217 сд».

И.П. Исаев «От Тулы до Кенигсберга». Тула, 1972, стр. 148, 150, 152, 154, 156, 157

Накануне ухода Кравченко из полка появляется такой приказ:

Приказ № 28 по ТРП от 7 марта 1942 г.

На основании приказа штадива 217 сд № 33 от 6.03. 1942 ТРП влит в состав 217 сд с присвоением ему № 766.

Кравченко, Богомолов, Бенцель

ЦАМО РФ, ф. 766 полк, оп. 1, д. 1 приказы

«766-й сп существовал и раньше, но к описываемому времени в нем оставалось очень мало людей. Нас же, туляков, было около тысячи, так что мы по-прежнему считали свой полк Тульским, хотя, получив общеармейский номер, он стал пополняться не одними туляками и не только добровольцами, но и мобилизованными, из госпиталей и запасных полков.

8 марта произошла смена командира полка: И.Я. Кравченко выбыл на должность командира дивизии (вскоре он погиб под городом Сухиничи), на его место прибыл майор Петр Павлович Лаптев. При нем стали получать форменное обмундирование, появились знаки различия. В связи с этим, естественно, строже становилась дисциплина, хотя она и прежде была

довольно крепкой».

И.П. Исаев «От Тулы до Кенигсберга». Тула, 1972, стр. 158

Не смотря на просьбы Тульского обкома и командования 50-й армии сохранить название «Тульский рабочий полк», полк просто расформировали и пополнили личным составом поредевший 766-й стрелковый полк.

Воспоминания бойцов и командиров Тульского рабочего полка

Зареченский (2-й батальон ТРП)

Командир роты Туркин

29 октября ротой было получено станковый пулемет – один, две штуки противотанковых винтовок и тут же поздно вечером были назначены пулеметчик и противотанковое отделение, которое приступило приводить их в порядок, знакомиться с ними и изучать их материальную часть.

30 октября, примерно в 6–6.30 утра мною был получен приказ: немедленно роту развернуть и занять ранее указанные ОП в окопах.

Не прошло и 15–20 мин, как бойцы заняли свои места, как на противоположной стороне лощины из-за кирп. з-да появились фашистские танки, которые как только остановились на той стороне лощины, открыли ураганный огонь из пулеметов и минометов по нашим окопам.

Бойцы, которые находились со мной сначала немного струсили. А потом осмотрелись, стали действовать уже смелее и решительнее.

Остановив на месте танки, немцы вышли из машин, по-видимому для рекогносцировки местности, ибо они прекрасно перед собой видят, что впереди их вырыты противотанковые траншеи и ехать нельзя дальше. Бойцы моей роты открыли оружейный огонь по немцам и по танкам, немцы быстро бросились обратно к машинам, но через некоторое время снова отходили от своих танков, стараясь спуститься вниз в лощину, осмотреть насколько глубока противотанковая траншея и смогут ли пройти машины, но каждый раз, как только немцы отходили от машины, бойцы моей роты снова открывали огонь по фашистам и они вынуждены были снова бежать к машинам и прятаться в них. Так продолжалось примерно до 10.30–11.00 дня, т. е. до тех пор пока немцы по-видимому освирепели, как звери, сели в машины и двинулись в нашу сторону, продолжая вести не меньший огонь по нашим окопам. Противотанковые траншеи оказались незаконченными, танки, легко их преодолев, стали продвигаться к нашим окопам. Соседние роты, расположенные слева и справа от меня уже отошли (т. е. 2-я и 3-я роты). Я со

своей ротой продолжал оставаться в окопах, т. к. отойти было невозможно, пути отхода из окопов сделаны не были, а вылезти из окопа тоже нельзя, потому что немцы ведут ураганный огонь, и решил вести бой до последнего – что будет, стреляя до тех пор, пока немцы на своих танках не взошли к нам в тыл и в упор разрезали линию обороны моей роты, т. е. отделили 1-й от 2-го и 3-го взвода, так как дорога ведущая от Кирп. з-да в центр поселка как раз рассекала линию обороны пополам. Связь с 2-м и 3-м взводами было прервалась. Три немецких танка свернули в расположение моего 1-го взвода, вот уже остается 20–25 м. Бойцы спрашивают: «Товарищ командир, неужели нам пришла смерть?» – отвечаю, что нет, это еще не смерть, а пока не поздно, быстро закопайте оружие, патроны, и др. важные документы здесь на дне окопа. Танки уже рядом, один остановился, высунулась фашистская морда, наставил пулемет и кричит: «рус, выходи». Стали выходить из окопов, огонь прекратился, спрашиваем куда идти. Показывают в сторону центра поселка. Два бойца, начальник штаба тов. Сахаров и тов. Савцов, спрашивают, что мы уйдем, говорю идите и бегите, а сам остаюсь с товарищами. С той целью чтобы вывести их из плена. Со мной осталось примерно 13–15 чел. по прибытии на место куда указали, немцы сразу отобрали у троих часы: у тов. Атараева политрук 1 взв, Титова, Редкова. У тов. Атараева сняли резиновые сапоги, после этого смотрю немцы на нас не обращают внимания и мы им вроде не нужны. Говорю тов. Титову, Атараеву пошли на утек, – отвечают: «Нет, я боюсь» – так ответили и другие, прошло 10–15 мин немцы собирают нас и часть гражданского населения, сажают в сарай и закрывают, народу в сарае человек 45–50, теснота невозможная. Вдруг падает снаряд, дом хозяина сарая взлетает на воздух, не прошло 15–20 мин, как падает 2-й, примерно 10–15 м от сарая, наш сарай разваливается пополам, в сарае стон, убиты тов. Титов, Атараев, Редков, ранены тов. Воронцов, Матвеев. Даю команду: «Разойтись по укрытиям от осколков» – разошлись. Немцы это заметили, снова собрали в кучу в центре поселка, где главным образом стояли их танки, подсчитал стоят 48 танков и 17–18 автомашин. Снаряды рвутся почти в самой гуще танков.

Даю команду тихонько, потому что рядом стоят немецкие офицеры, уйти во двор, в укрытие угольного дома. Взошли, посмотрел под домом подвал, вошли в подвал, посмотрел в слуховое окно, немцы пошли и побежали разводить танки и машины, вижу им не до нас, потому что от нашей артиллерии им становится жарко. Выхожу из подвала, калитку на крючок и спрашиваю: «Кто согласен идти со мной?». Некоторые согласились, человек 11–13, но пошло всего 6–7 чел., а всего было

со мной в подвале 16–17 чел.

Из 6–7 чел. пошедших со мной убили 2, ранены один в ногу, один в плечо и я был ранен в голову еще стоя в окопах, рана ноет, подстреленный отстает, говорю: «Крепись, сейчас выскочим на свободу». До конца поселка проскочили по задворкам, по усадьбам, немцы не заметили, и не видели, по-видимому считали, что мы сидим еще в подвале в угольном доме, но от конца домов до лощины просмотрел метров 25–30, лощина идущая от Всесвятского кладбища, немцы заметили, открыли пулеметную стрельбу по нам, но прошло благополучно, в лощину мы спустились все живы и здоровы. Направились в сторону Воронежского шоссе, вышли на ул. Свердлова, стоит наша артиллерия, рассказал, в чем дело, дал сведения командиру арт. батареи численность и место расположение немецких танков.

Спросил, где находится перевязочный пункт, мне ответили и направили на перевязочный пункт в Пролетарский райком, там был перевязочный пункт, перевязали раны мне и моим товарищам. Попросился домой – не отпускают, говорят, что мы вас отправим в госпиталь в Тамбов.

5 февраля 1942 г.

ГАУ ТО, Госархив ТОАНИ, ф. 3039, оп. 1, д. 55, л. 36

Беседа с бойцом ТРП Юрушкиным В.Н.

27 октября к концу дня мы заняли рубеж обороны на южной стороне окраины Рогожинского пос., расквартировали людей по домам, каждому взводу, роте дали точный участок обороны. Часов в 5 дня меня Комбат Ведерников вызвал к себе и приказал принять должность НШ батальона.

Надо сказать, что с питанием у нас с первого дня было налажено хорошо. 28.10. нам выдали телогрейки и брюки, заменили все винтовки на полуавтоматы (СВТ), но беда состояла в том, что большинство не знало этой винтовки, а их надо было чистить и пристрелять. И этим делом мы занимались весь день 29.10, хотя, к сожалению, результаты были плачевные.

К слову необходимо сказать, что на весь 2-й батальон нам дали 3 станковых пулемета, которые бойцы изучали в ночь на 30 октября, в то время когда Косая Гора уже была занята и было слышно рокот неприятельских танков.

И 30 октября пулеметчики 3 роты (косогорцы) вели огонь из пулемета, а у остальных дело не заладилось.

29.10 комиссар батальона Линяев приказал мне сходить в Зареченский райком и просить коммунистов, ибо кроме взвода зареченского МПВО, все остальные имели достаточное к-во коммунистов.

Я имел большой разговор с тов. Саратовым, который обещал всех коммунистов из МПВО прислать в рабочий полк. Но они так и не появились. Оказывается 30 октября утром выделенные коммунисты собрались в райкоме, но в полк не пошли, т. к. начался бой на окраине. около 8 часов утра от Кирпичного завода начался обстрел поселка танками. Мне удалось насчитать 26 танков, но товарищи говорят, что их было около 45. Огонь был ураганный артиллерийский, минометный. За танками шли автоматчики. Наш полк принял бой с танками не имея артиллерии, да и пулеметы работали с грехом пополам. Лишь мужество, любовь к Родине, к тов. Сталину, беспримерный героизм руководил товарищами. И полк, лишь когда танки вплотную подошли к окопам, отстреливаясь стал отходить к Пионерскому парку и кладбищу. Коммунисту в бою показали себя как герои, как подлинные патриоты своей Родины. Комиссар полка Агеев (вечная ему память), комиссар роты тов. Туркин и другие показали образы мужества, настоящими вожаками.

Плохо, что с самого вечера мы не слышали арт-огня нашей артиллерии, иначе немцам в поселке не бывать бы.

Итак мы отошли к ночи в 7-ю школу. Рано утром 31.10.41 г. мы заняли рубеж обороны в Пионерском парке и под кладбищем.

И вот здесь мы многих не досчитались. Так от нашего батальона в 380 чел. осталось лишь 68 чел. А где остальные? И лишь много позднее, будучи раненым, мне товарищи, вернувшиеся из окружения рассказали, что в плен попало немного, убитых была также немного, значит многие просто разбежались по домам. Некоторые товарищи по сложившимся обстоятельствам боя вынуждены были остаться в плену, их немецкие солдаты обыскав отправили на Кирпичный завод, а уж оттуда не желавшие попасть в кабалу ночью же ушли и через 4–6 дней вернулись в Тулу окружными путями. Это тт. Добрынин, Карпинский и др., которые в бою неплохо постреляли. Есть все основания что тов. Добрынин убил 2 немецких гадов…

2 ноября утром нас передали войсковой части, расположенной около ОТУ и мы должны были идти в атаку за танками, но танки почему-то не были. Фашисты нащупали наше расположение и начали обстрел из минометов. За день было ранено около 80 чел., из них двое умерло. Это командир взвода коммунист Комаров, которого я лично похоронил в поселке и ком-р роты 1-го бат-на Гудков.

Около 5 часов дня 2 ноября меня ранило осколками миномета в лицо и спину и с сего числа я выбыл из Рабочего полка.

Если бы наш полк был организован раньше, товарищи потренировались бы и таких потерь полк не имел бы и все же, несмотря на это бойцы рабочего полка грудью отстаивали подступы к г. Туле.

Бывший нач. штаба и комбат 2 Тульского рабочего полка В.Н. Юрушкин

3 февраля 1942 г.

ГАУ ТО Госархив ТОАНИ, ф. 3039, оп. 1, д. 55

Беседа с Дидовым Григорием Аверьяновичем, старшиной ТРП

Полк в это время имел на вооружении 7–8 станковых пулеметов, ручных пулеметов – 25, минометов не было, а рядовой состав был вооружен винтовками.

В ночь на 21 декабря получили задание двигаться на Калугу по Одоевскому ш.

ТРП освободил Калугу 30.12.41.

Когда мы вошли в Рындино и Малявино, они представляли собой жуткую картину. В этих деревнях было все сожжено, много убитых из местных жителей, над многими издевались – отрезаны носы, уши. Такие же зверства наблюдались и в Калуге, где также было обнаружено огромное количество трупов, т. е отношение к населению было зверское.

Бой под с. Пречистое. Руководил боем Кравченко – командир полка (он потом погиб на Калининском фронте). Комиссар Богомолов одним из первых въехал на коне в с. Пречистое.

Бой у д. Упрямово 250 дворов, все разорено и сожжено.

Бой у коммуны Савонино, задача оседлать дорогу.

Бой у д. Ольхи.

Бой у д. Роляки.

Формирование в д. Мальцево, нас пополнили и полностью вооружили и станковыми пулеметами и минометами.

Бой у д. Павловка за р. Угра.

Немцы от нас находились на расстоянии 20–30 м, к ним в это время пришло пополнение, они занимали оборону в лесу, левее д. Павловка и вот 28 апреля, когда мы собирались перестраивать наши блиндажи, утром, которое нам будет особенно памятно, немцы в течение 0,5 часа осыпали нашу линию обороны из минометов, наверное мин 200 выпустили, затем стали летать

самолеты пикирующим полетом, сбрасывали 8–10 бомб, некоторых убили, некоторых ранили. Через 5–10 мин. опять летят на эту линию обороны, знают что тут много защитников человек 350. Пять заходов сделали бомбардировщики, потом началась арт. подготовка, через две минуты идут с фланга кучи, идут смело во весь рост. Приходится принимать бой. Заговорили наши минометы и пулеметы, но все-таки они нас сначала потеснили, даже у пулеметов ребята дрогнули, подействовала подготовка, настроила нервно. Потери были с обеих сторон. В три часа дня перед т. Кощеевым (комбат) была поставлена задача отбить старые позиции. А положение было такое: у него численное превосходство, танки, танкетки, у нас пулеметы, винтовки. Мы попробовали натиск и началась такая кутерьма, что в 2–3 шагах людей не было видно, положение менялось ежеминутно, корректировать огонь было трудно, но все-таки, как ни трудно, с потерями, но мы атакой отбили старые позиции, стали бить немцев в затылок, били нещадно и затем, когда мы подошли к линии своей обороны от трупов немцев нельзя было пройти, лежало только что прибывшее пополнение эсесовцев – выхоленные, выбритые, вычищенные с английскими усиками, с золотыми кольцами, а мы в это время были усталые, продержавшие тяжелую оборону, подчас воды негде было достать: пожмешь ногой снег, а потом напьешься.

Здесь я был ранен осколком в колено, в пальцы и пять пулевых ранений касательно.

В этом бою геройски повел себя в бою комбат Коршелев, получил второй орден Красного Знамени, затем Хохлов, Плеганский, погиб геройски Евсеев, он убил несколько немцев и мы нашли его лежащим на этой груде. Здесь погиб Сафонов.

Хорошо здесь работала Аня Лукина, она перевязывала раненых. За этот бой 40 чел. представлены к награде. Я представлен к награде Орден Красное Знамя.

В этой операции также проявил себя политрук Зарубин, он также был ком. хоз. части 2-го бат.

В том бою был ранен Ховаев (комбат), к нему подбежала Клава Чурляева и была убита наповал. Сейчас возвратился в полк, где из знакомых уцелели только Хохлов, Елисеев, Мартынов.

ГАУ ТО, Госархив ТОАНИ, ф. 3039, оп.1, д. 56.

Беседа с Абысовой (Сосковой) Александрой Петровной

Нужно сказать, что командование у нас было замечательное,

все мы так сжились туляки между собой, и когда, кто-нибудь из наших уезжал, то провожали его с слезами на глазах. У нас сначала в Рабочем полку была сознательная прослойка рабочих и инженеров, колхозники уже относились по другому, а среди нацменов, которые приходили на пополнение, были самострелы. С трусами поступали строго.

Вообще деятельность полка огромна. Очень сильные бои пришлось вести полку начиная с Калуги, мы первыми вошли в Калугу, первыми заняли Московский вокзал. А существовал такой порядок, кто первый вошел в город, тот является хозяином города и несет гарнизонную службу в течение 12 дней. Мы установили там советские порядки. Немцы в Калуге уже пустили ликероводочный з-д и после отступления немцев, население бросилось на грабеж. Мы взяли на себя охрану заводов и уцелевших складов, а также нам досталось много трофейного имущества. Встречали мы и предателей одетых в нашу форму, сообщали в НКВД, которое установив виновность – расстреливала.

После Калуги большой бой мы вели у дер. Рындино Тульской обл. Бобынинский р-н, там много наших товарищей потеряли. В братскую могилу было положено 64 чел., эвакуировано 78 чел. раненых, большая часть из них тяжело раненых. Мы организовали хорошую отправку, клали много сена, соломы, одеял и каждая повозка перевязывалась веревкой, чтобы при раскатах люди не выпадали, т. к. настоящих повозок не было.

Бол. бой был на Угре в Юхновском р-не Смоленской обл. здесь был ожесточенный бой за переправу.

Большой бой был 28 апреля, наших сил было очень мало, в нем участвовали и кладовщики, и связисты, повара, т. к. бойцов не хватало. А вечером (немцы) пошли в наступление. По соседству с нами был 740 сп. Он первый дрогнул, пришлось и нам отступить, но затем наши туляки первыми бросились в атаку и немецкий б-н был растрепан. Евсеев расстрелял все патроны, на него насели 6 фашистов, он отбивался прикладом, но его сразил немецкий автоматчик.

Из нашего полка погиб ответственный боец с замечательной душой – политрук Линяев, шел всегда первым, показал себя в боях за Калугу и дер. Финики, когда пошли в наступление кричал «Вперед, за мной!» первым и погиб, свою жизнь отдал за священную Родину.

Еще погиб Златовер еврей, б/п ком. отд., вырос до ком. роты, как командир шел первым, показывая пример бойцам и под д. Рындино погиб.

Дальше Езиков Саша – комсомолец, с 1923 г.р. хороший

пулеметчик, своей пулеметной очередью не мало срезал фашистов и в бою за дер. Рындино Саша отдал свою жизнь, в его расчет попала вражеская мина. Похоронили его в лесу вместе с Кирюхиным Васей, это наш косогорский, тоже отважный пулеметчик.

В боях за дер. Пречистое погиб Гаврилин Анатолий, комсомолец, был в пулеметном расчете.

Лева Волков с 1924 г.р., политрук Марухин погибли под д. Рындино.

Курдюков Саша комбат, погиб в боях за Калугу.

Грызлов Володя погиб под д. Волково.

Был у нас начальник штаба Бенцель – редкий человек, бывший украинец, к нам пришел в дер. Черная Грязь, также геройски погиб, просил похоронить в Туле.

24 июня 1942 г.

ГАУ ТО, Госархив ТОАНИ, ф. 3039, оп. 1, д. 56

Воспоминания сандружинницы ТРП Владимировой Зои Васильевны 16.04.1942

Проводил т. Федорович

Я тулячка, отец мой нач. цеха инженер. Мать работала секретарем. У меня еще два брата.

…в Туле я закончила курсы мед сестер … затем я работала в штабе МПВО… Тулу бомбили часто, Наша задача была оказывать помощь людям.

Наш госпиталь эвакуировали в Венев.

Узнав, что машину обкома едет в Тулу. я все-таки договорилась и еду в Тулу. Подъезжаем к Медвенскому совхозу, идет старушка, мы спрашиваем: «Что в Туле?» – «Там кровопролитный бой на ул. Коммунаров» решили послать разведку, т. к. не знаем положения.

Передайте привет от меня Кравченко (он погиб 8 дней назад (прим. ЛАН).

16 апреля 1942 г.

ГАУ ТО, Госархив ТОАНИ, ф. 2230 (ТРП), оп. 1, д. 1 копии воспоминаний лиц, участвующих в обороне Тулы

Рабочий полк идет на запад

Это было в грозные октябрьские дни 41 года, враг подошел вплотную к Туле. В памятный день 29 октября десятки танков с фашистской свастикой собрались недалеко от южной окраины города.

Каждый туляк твердо решил: «Не отдадим врагу гордый город оружейников, город искуснейших мастеров оружия». Оружейники, патронники, металлурги взяли в руки оружие, в едином стремлении поднялись на борьбу с ненавистными захватчиками. Так был создан Тульский рабочий полк. Молодые бойцы рабочего полка бесстрашно ходили во вражеский тыл. Они добывали много ценных сведений о расположении немецких войск, об огневых точках, уничтожали фашистов, военное имущество. Памятные дни! Комсомолец Юрий Карев, боец рабочего полка, получивший в боях под Тулой 7 ранений, рассказывает следующий эпизод. Как то вечером к нам во взвод пришел комбат.

– Кто желает идти в разведку? – спросил он.

– Пойду с радостью, – вызвался я.

После, через полчаса мы уже перешли глубокий овраг на дне которого протекает небольшой ручей, граница между нашими частями и немцами. Мы пробирались к видневшимся на бугре домам. Ползком, короткими перебежками мы быстро достигли Рогожинского поселка.

Командир разведки, лейтенант Семенов, приказал мне пробраться к тягачам и бутылками с горючей смесью сжечь их.

Я приступил к выполнению задания. Подполз, бутылки лежали рядом со мной на земле в полной готовности. Вдруг застывшую ночную тишину прорезала очередь немецкого автомата.

Я решил действовать. Поднявшись на колено, бросил противотанковую гранату, а вслед за ней полетели бутылки с горючей смесью, которые сразу же вспыхнули, запылали оба немецких тягача с боеприпасами. Я стал быстро отползать к своим. Но тут меня заметили с блиндажа и открыли огонь. Я немедленно бросил туда гранату и дал очередь из своего безотказного пистолета-пулемета. Выстрелы прекратились.

Вдруг раздались взрывы. Начали рваться боеприпасы, находящиеся в тягачах. Загорелся соседний сарай и осветил заметавшихся немцев. Многие из них нашли себе смерть от наших выстрелов. Задача была выполнена. Это была моя первая разведка…

В полк пришла комсомолка Клавдия Чурляева. И в первый же день получила боевое крещение.

Фашисты вели яростную атаку. Полк туляков вынужден был

потесниться. На поле боя стонали раненые. Тогда Клава Чурляева подползла к ним под пулеметным огнем. Оглянувшись она увидела свою подругу Тосю.

– Куда ты?

– Не хочу оставлять тебя одну, – шепнула Тося.

Поползли вместе, добрались до раненых бойцов. Клава стала перевязывать одного, Тося другого. Отважные подруги работали спокойно и сосредоточено.

70 раненых бойцов вынесла Клава Чурляева с поля боя. Отважная девушка награждена правительственной наградой – орденом Красной Звезды…

в Рогожинском поселке, который было приказано занять во чтобы это ни стало, бойцы рабочего полка брали дом за домом, отбрасывая фашистских головорезов все дальше от Тулы…

Тула отстояла себя. Непосредственная опасность родному городу миновала. Но это не охладило наступательного порыва бойцов: Нельзя успокаиваться до тех пор пока советскую землю топчет хоть один немецкий бандит! И рабочий полк, вместе с доблестными войсками Красной Армии пошел вперед, на запад, в наступление, истребляя ненавистных фашистских захватчиков.

Одной из морозных декабрьских ночей полк подошел к Калуге. Задача заключалась в том, чтобы вместе с Красной Армией освободить город от немецких псов.

Требовалось где-то перейти реку Оку, пробраться к городу. Фашисты держали все переправы под шквальным пулеметным и минометным огнем. Командир первого взвода Дмитрий Чеботков, получил задание, нашел безопасное место для переправы. Форсировав Оку, бойцы вошли в Калугу, причем без потерь. Калуга была освобождена. Вместе с войсками Красной Армии Рабочий полк миновал границу Тульской области и вступил на землю Смоленщины. Деревня за деревней освобождались доблестными патриотами от немецкого зверья…

Теперь рабочий полк стоит на подступах к важному стратегическому пункту. Совсем недавно красноармеец тов. Когтев, участник обороны Тулы, прислал письмо. «Я встретил на фронте Тульский рабочий полк», – пишет он из действующей армии. – «Его здесь хвалят. Туляки мужественно громят врага, они смело ходят на выполнение трудных задач. С криком «Ура» захватывают один населенный пункт за другим…»

Так сражается с ненавистными фашистскими захватчиками Тульский рабочий полк. Так он выполняет призыв великого вождя и полководца товарища Сталина – Истребить немецких оккупантов пробравшихся на нашу землю, всех до единого.

Еще много трудностей впереди, но бойцы туляки смело

смотрят вперед. Сквозь шквалы артиллерийского огня, сквозь тучи порохового дыма, они видят Победу.

В. Венский. Коммунар, 23 февраля 1942 года.

Часть 7. Последнее назначение

8 марта 1942 г. Кравченко назначают командиром 324-й стрелковой дивизии, которой он прокомандовал чуть больше четырех недель. Следует заметить, что Кравченко с понижением назначили на должность командира Тульского рабочего полка по причине нападок на него его бывшего комдива 299-й дивизии. Но 2 марта 1942 г. объяснительная Кравченко по приказу о его отстранении была затребована Сталиным, и 8 марта его назначают командиром дивизии. И последняя запись в учетно-послужной карточке от 8 апреля 1942 г.: «скончался в результате полученного в бою на р. Жиздра смертельного пулевого ранения командир 324 сд Герой Советского Союза майор Кравченко». Погиб он у деревни Клинцы (Думиничский район, Калужской области), у него осталась жена и две дочери.

Немного информации о 324 стрелковой дивизии. 324 сд (боевой путь):

Дивизию сформировал генерал-майор Николай Иванович Кирюхин, комиссар – батальонный комиссар Иванов; НШ – полковник Кошелев, начполит отдела – ст. бат. комиссар Акоджанян.

В конце октября сд вошла в 10 резервную армию.

10191 сп – командир. майор С.В. Радзивилко, комис ст. политрук Осипов.

1093сп – командир капитан Логвинов.

1095 сп – командир майор Машенский, комис ст. политрук Василенко.

887 ап – командир майор Ефимов, комиссар ст. политрук Жигалов.

ОМД (миню дивизион) – командир капитан Новиков.

554 озад – командир капитан Мазуров.

604 ОСБ – командир капитан Яськин.

775 обс – командир капитан Тонелин.

6 декабря 41 г. части сд вступили в бой, 8 декабря взят Михайлов.

15 декабря вышли к городу Богородицк. Используя пургу части 1091 и 1095 сп подошли с северо-востока и юга к городу и ворвались в него. В результате короткого боя город был захвачен. Первым ворвался в город 1 б-н 1091 сп под командованием л-нта Королькова, его бойцы захват 12 пленных, артбатарею, несколько автомашин и др.

10 марта генерал-майор Кирюхин был назначен на пост зам ком 16 армии. Дивизию принял ГСС майор Кравченко. Этот

замечательный офицер отличался изумительной личной храбростью и завоевал, не смотря на очень короткий срок пребывания в дивизии, всеобщую любовь всего личного состава. Под его командованием дивизия вела тяжелые бои с беспрерывно атакующими частями 211 пд, стремившимися восстановить утраченное положение.

Командир 324 сд, Майор И.Я. Кравченко. Москва. Март 1942 года (последнее фото)

Отбросив пр-ка в р-не Чернышино на южный берег реки Жиздра, части дивизии форсировали реку и продолжали наступление с задачей захватить плацдарм на южном берегу р. Жиздра. Бои за опорный пункт Клинцы носили особенно ожесточенный характер. Противник подтянул свежие силы пехоты и артиллерии, стремясь не допустить захвата плацдарма. В

результате одной из яростных контратак враг, ценой значительных потерь, выбил подразделения дивизии из Клинцы. Известен славный подвиг, совершенный тремя связистами ОБС во главе с комсомольцем воентехником Дмитриевым. Они остались во вражеском окружении не покинув своего поста, и в течении суток, пока подразделения готовились к возобновлению атаки, поддерживали оттуда телефонную связь со штабом, сообщая ценные сведения о пр-ке.

Приняв решение немедленно восстановить положение, командир дивизии Кравченко все время находился в боевых порядках, лично проверяя готовность подразделений. 16 апреля, направляясь к одной из батарей 887 ап, находившейся в непосредственной близости от пр-ка, майор Кравченко был смертельно ранен. Вражеская мина оборвала жизнь героического сына Родины. Светлый образ любимого командира, павшего на боевом посту, всегда вдохновлял воинов дивизии на новые подвиги в последующих битвах с врагом.

На другой день дивизия получила приказ оставить плацдарм и отойти за Жиздру. Только тогда герои связисты, оставшиеся в Клинцах, покинули свой пост. Пробиваясь с боем, они дрались до последней капли крови. Вернуться удалось лишь старшине Шатрову. Воентехник Дмитриев и красноармеец Громов погибли в неравном бою.

После гибели Кравченко дивизией непродолжительное время (май-июнь) командовал генерал-майор Щербаков. В конце июня дивизию принял генерал-майор Борейко А.А.

ЦАМО РФ, ф. 324 сд, оп. 1, д. 2

НКО СССР
УПРАВЛЕНИЕ
324 стрелковой дивизии
21 июня 1942 г.
№ 323

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж Майор-Герой Советского Союза Кравченко Иван Яковлевич уроженец Киевской обл. Переяславский р-на, с. Студенец

в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был ранен под д. Клинцы и умер от ран 7 апреля 1942 года в с. Чернышина Смоленской обл.

Похоронен – Тело отправлено для похорон а г. Москву.

Извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии.

Командир части п/п (Муса. рев??) Военком части

Гербовая печать (Управление 324 стрелковой дивизии)

СССР
НКО

УПРАВЛЕНИЕ
324 СТРЕЛКОВОЙ
ДИВИЗИИ

21. Июня 1942 г.
№ 323

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш Муж Майор - Герой
(муж, сын, брат, военное звание)
Советского Союза Кравченк
(фамилия, имя и отчество)
Иван Яковлевич.

уроженец Киевской Обл. Переяславского р-на с. Студенцы.
(область, район, деревня и село)

в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был под д. Клинцы Ранен и умер от ран 7-го Апреля 1942 года в с. Чернышино Смоленск. обл.
(убит, ранен и умер от ран)

Похоронен - Тело Отправлено для похорон в гор. Москву.
(место похорон)

Настоящее извещение является документом для возбуждения хо
ства

Управления 324 Стрелковой Дивизии

Командир части

Военком части

1.9.42 г. Уважаемая тов. Кравченко.

Письма Ваше я получил. Время у нас горячее писать много особенно некогда, но тем не менее постараюсь ответить вам на все затронутые вопросы в вашем письме, то чего смогу.

Ваш муж, Кравченко И.Я., как сообщалось Вам в извещении 21.6.42 г. и в дубликате извещения 1.8.42 г., был ранен и умер от ран. Похоронен, Вы знаете, в Москве, куда было доставлено нами тело умершего.

Обстоятельство дела с ранением было таково: В апреле месяце мы готовились в наступление на одну из деревень. В наступлении должны были принимать участие танки. Тов. Кравченко с военкомом дивизии поехали на передний край посмотреть место, где можно пропустить в атаку танки. Осматривая местность, он наскочил на вражескую мину, которая взорвалась и повредила ему крепко правую ногу. Несмотря на это, он чувствовал себя крепко. Даже все удивлялись его выносливости. С места происшествия его быстро доставили в медпункт, сделали первую помощь, перевязали ногу. Но ее так повредило, что о восстановлении ноги думать невозможно. Положение тов. Кравченко ухудшилось. Врачам решили ампутировать ногу. Мы перевезли тов. Кравченко в штаб, где жили, там было теплее чище и на глазах. Положение тов. Кравченко ухудшалось, но он чувствовал себя бодро, геройски. Все время был в чувствах и разговаривал. Посоветовались с ним, с врачами и решили, что ногу придется все-таки ампутировать. Тов. Кравченко обладал таким здоровым сердцем, хорошим мужеством, что когда предложили ему усыпительные средства, он отказался. Делали операцию, только омертвили поврежденную ногу. Он жалел ногу, что потерял ее до колена, но потом смирился со своим положением и говорил, что еще будет годиться для работы. Никто не думал, что он не выдержит операции. Все были уверены в благополучном исходе. Операция прошла хорошо. Но после окончания операции здоровье Кравченко ухудшилось и через два-три часа наступила смерть и т. Кравченко умер. Смерть Кравченко была так неожиданна, что бойцы командиры политработники, особенно мы, близкие соратники т. Кравченко, крайне были огорчены. С болью на сердце мы переживали эту тяжелую для нас утрату. Отдали мы последний долг другу и товарищу. Почтили память т. Кравченко залпом орудий по немцам и отправили тело в Москву для похорон.

Тело сопровождали Зам. нач. политотдела ст. бат. ком. т. Савакин и адъютант т. Кравченко ст. л-нт Степа Николай Григорьевич. Как проходили похороны тела в Москве и кто такие женщины, приходившие с адъютантом в вашу квартиру я не знаю. Но слышал так от некоторых товарищей, что в похоронах в Москве участвовали друзья и знакомые т. Кравченко, в том числе

участвовала и жена, прибывшая на самолете с Ленинградского фронта. Но точно не знаю, так это или нет.

Тов. Кравченко жил скромно. Все мы его очень уважали. Это был боевой командир. По этому все его имущество и ценности были не велики – несколько пар белья, обмундирование и так кой что по мелочи. По крайней меря я не видел, чтоб у него было много каких-то ценностей. Может быть и было что, но я не видел. Говорю Вам т. Кравченко честно, что я не видел.

Что же касается денег и аттестатов и справок, то они вам, были посланы правильно. Все то, что было. По этим документам вы должны были получить на себя и детей что полагалось.

После похорон адъютант Кравченко обратно в часть из Москвы не вернулся, его у нас нет. Безусловно лейтенант Степа о всех вещах т. Кравченко должен знать, так как они с ним вместе были всю войну до смерти Кравченко. Кажется они земляки. А адъютанта Степу мы разыскиваем, так как после похорон он должен был явиться обратно часть. Но, повторяю, он не вернулся, где находится не знаем, а в части его нет.

Могила Героя Советского Союза И.Я. Кравченко на кладбище Донского монастыря в г. Москве

Вот, все т. Кравченко, что я могу вам сообщить на ваше письмо. Примите мое искреннее вам соболезнование по поводу безвременно погибшего вашего мужа, нашего друга и соратника т. Кравченко.

С почтением к Вам А. Филиппов

Батальонный комиссар

Место где погиб Кравченко не было занято противником.

И эти самые Клинцы летом 1943 г. освободил Тульский рабочий полк, наголову разбив обороняющиеся здесь немецкие части. А погибшего комдива его соратники отправили в Москву в сопровождении его адъютанта еще с времен 299-й дивизии – лейтенанта Степы. Академия им. Фрунзе похоронила героя на кладбище Донского монастыря в Москве. Урна с прахом покоится в колумбарии аж в шестом ряду, под потолком, где за мутным стеклом видна скромная табличка: «Герой Советского Союза – майор Иван Яковлевич Кравченко. Род. 1905 г. – умер 8 апреля 1942 г.» И стихи однополчан: «Славу дел боевых. Навсегда сохранят поколенья. Имя воина Кравченко в наших сердцах. Он фашистской Финляндии первым прорвал укрепленья. Он под Тулой нагнал на немецких захватчиков страх». Рядом покоятся его жена Ефросинья и дочь Любовь. Другая его дочь Нина Ивановна живет в Москве.

Судьба В.А. Бенцеля

А что же Василий Афанасьевич Бенцель? Он воевал вместе с туляками в Тульском рабочем полку, преобразованного затем в 766 сп 217 сд. В апреле он потерял двух своих друзей и оба Иваны Яковлевичи один командир Иван Яковлевич Кравченко, другой комиссар Иван Яковлевич Богомолов, который погиб вместе с командиром Тульского рабочего полка Лаптевым 16 апреля. Их привезли и похоронили в Туле. На гибель своего боевого товарища он написал вот такой некролог:

«НЕУСТРАШИМЫЙ ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА ДЛЯ НАС, ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ

Очищая нашу священную землю от фашистской нечисти, смертью храбрых пал боевой комиссар Тульского Рабочего полка, друг, товарищ бойцов и командиров Иван Яковлевич Богомолов.

Смерть безжалостно вырвала из наших рядов преданного и верного сына партии Ленин-Сталина, чуткого товарища, выросшего во время решительной схватки нашего народа с озверелым врагом.

Я разделяю тяжесть утраты с Тульскими рабочими, с товарищами его по гражданской работе, и эта потеря для меня тяжела еще и потому, что Иван Яковлевич был моим личным другом.

Впервые я встретил Ивана Яковлевича в грозные, опасные для Тулы дни 31 октября 1941 года, на самом опасном участке обороны Тулы под Рогожинским поселком, где он, будучи комиссаром батальона, с кучкой храбрецов туляков мужественно выдерживал психические атаки бронированных полчищ врага.

С начала 1942 года, будучи переведенным в Т.Р.П. (Тульский Рабочий полк прим. ЛАН), я крепко сдружился с Иваном Яковлевичем, любил и уважал его за верность, бесстрашие и личный героизм.

Не один раз мне приходилось с ним водить Тульских рабочих на штурм фашистской обороны, и всегда проявлял образцы мужества. Иван Яковлевич находил в бою свое место.

За смерть комиссара, за смерть друга дорого заплатят своей черной кровью фашистские выродки, а память о дорогом, неустрашимом Иване Яковлевиче будет вечно жить в сердцах его друзей, боевых

товарищей и Туляков.

Старший лейтенант В. Бенцель»

ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1034 К-5628, л. 91

Из воспоминаний К.Г. Аносовой

«В Тульский рабочий полк Кравченко забрал из 154 дивизии Василия Бенцеля, спокойного, грамотного человека. Его назначили Начальником штаба Тульского рабочего полка. Я была еще в полку когда он погиб. Мы наступали в районе Юхнова. Перед боем мы были у него в штабе полка, когда все обсудили и все разошлись, он меня попросил остаться. Он мне сказал: «Меня завтра убьют. Я написал письмо сыну. Я оставлю тебе письмо, если будешь жива, то когда освободят Тарнополь. Он у меня там живет с женой. Передай пожалуйста ему». Письмо было нежное и написано хорошими словами. Я его не раз читала. Но передать не смогла. Несколько раз я запрашивала военкомат Тернополя, но они никого не смогли найти. И только в году 1953 нашли одну женщину с такой фамилией и я это письмо отправила ей. Чувствую зря. Потому что никто ничего не ответил. Ушло все в без следа. А такое хорошее письмо было.

На следующий день его действительно убило. Почему его увезли в Тулу я не знаю.

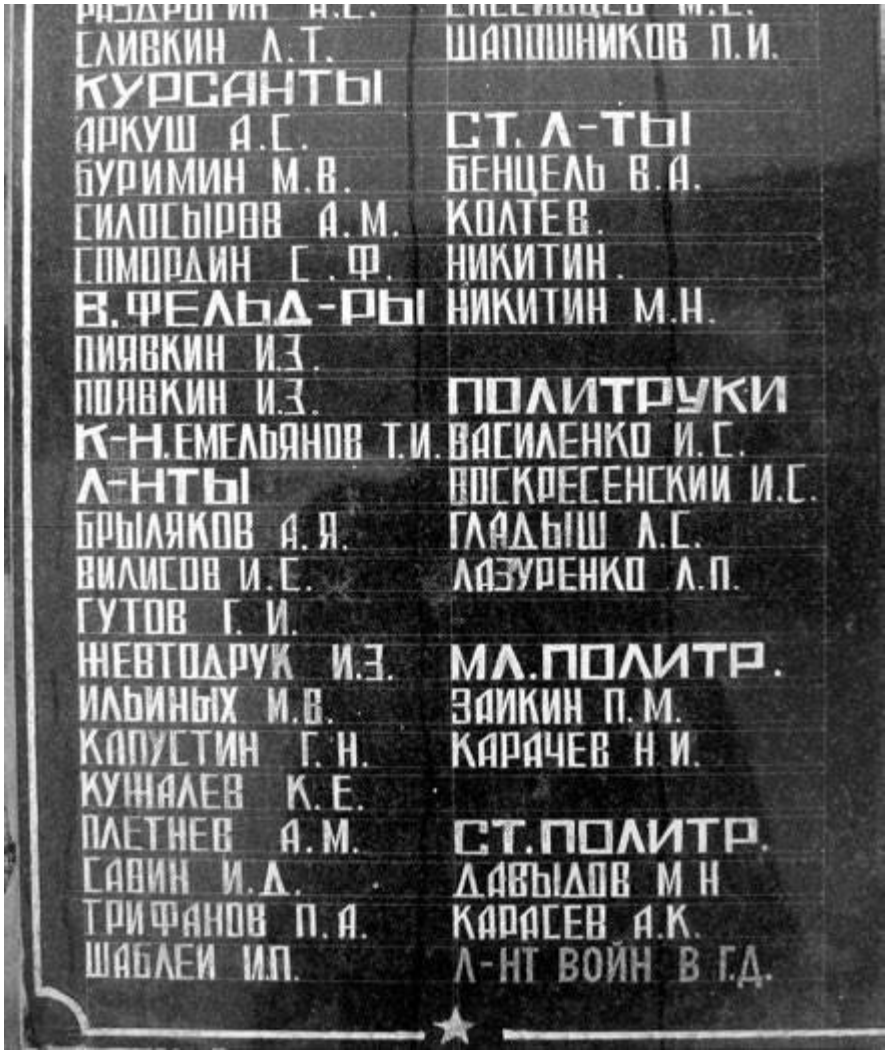
Мой однополчанин по 956-му полку, адъютант командира полка Степа, постоянно следовал за Кравченко, он всегда его при себе держал и после гибели Кравченко, именно он сопровождал тело в Москву и занимался похоронами, затем он вернулся к нам в полк и через некоторое время погиб в бою. Это я точно знаю. Из нашего полка его направили вроде в артиллерию.

Все командование полка погибло в апреле, когда в штабной блиндаж попала бомба или снаряд.

Потом начались бои в Подмосковье и за Москву. Когда разгромили немцев, до чего же хорошо, радостно было на душе!».

Как могло выглядеть письмо Василия Бенцеля мы можем судить по дошедшему до нас трогательному письму, которое он написал дочери своего погибшего друга – комиссара Тульского рабочего полка И.Я.Б.

20 апреля 1942 г.



Славная Олечка!

Несмотря на то, что ваш папа по годам тоже мне мог бы быть папой, но мы с ним были большие и близкие друзья. Ваше письмо мы читали вместе с ним, а ответить папа не успел. Я отвечаю один.

Должен Вам сообщить, что Вы даже не можете представить, как рад был папочка Вашему письму и как он сиял, читая то, что Вы вступили в комсомол, работаете на общественной работе в школе, руководите пионерским отрядом.

Да, Оленька, это было приятно не только Вашему папе, это было приятно всем. И сейчас, разделяя с Вами, дорогая, постигшее Вас несчастье, смерть дорого и

любимого Вашего папочки и моего личного друга, я верю, что и в дальнейшем Вы будете такой же преданной Родине девочкой. Дорогая Оля, Ваш папа пал смертью храбрых на поле боя за нашу свободу, за нашу Родину, за наше счастье. Тяжело, безусловно, невыносимо тяжело переживать утерю близких людей, сознавать и примириться с тем, что больше уже не увидишь любимого папочки. Но надо знать, милая Оленька, что ни плач, ни печаль мертвых к жизни не возвращают. Война есть война. Счастье само не приходит, его нужно завоевать, а на войне есть жертвы.

Ваш папа был храбрейшим их храбрых, за что его правительство наградило высшей наградой – орденом Красное Знамя. Он похоронен в Туле.

Давайте, Олечка, вместо слез над могилой дорого нам папочки поклянемся сделать все, чтобы быть такими, каким был он, чтобы ненавидеть врагов так, как ненавидел он, и чтобы любить Родину так, как любил ее он. Лучшим памятником ему будут отличные оценки и переход в следующий класс на отлично.

Обещайте мне, Олечка, не впадать в отчаяние, не полакать, а учиться на отлично, жалеть и любить крепко маму и Володю. Я же со своей стороны до последнего вздоха буду мстить проклятым фашистам за его смерть, а если останусь жив, встретимся в Туле и я Вам многое расскажу о Вашем папе.

Желаю отличной учебы.

Мой адрес: ппс 312, 766 сп, штаб.

Бенцель Василий Афанасьевич.

PS: посылаю 2 фото Вашего папы».

На фото сзади он написал «На память и расписался»

В.В. Комиссаров. «Тульская оборонная» – Тула: Издательский Дом «Пересвет», 2008. с 324. Стр. 34–35

Это написал 22-хлетний парень, который погиб через неделю. Он пережил своего командира всего на 20 дней. Погиб он в жестоком бою под г. Юхновым, после которого в одной могиле похоронили 67 бойцов Тульского рабочего полка. Перед смертью Василий Афанасьевич попросил похоронить его в Туле, где все воевали геройски и не было никаких склок и где многие поверили в ПОБЕДУ, и что она будет за нами. Его похоронили в юго-восточной части кладбища, в братской солдатской могиле в 100 метрах от передовых позиций Тульского рабочего полка. Видимо,

без должных почестей, не хотели людям первомайские праздники портить. На стеле, на черной мраморной доске среди прочих фамилий погибших защитников Тулы, значится и ст. л-нт Василий Афанасьевич Бенцель.

И Бенцель, и Кравченко прикипели душою к Туле, они даже хотели после войны остаться здесь жить. Есть ходатайство подписанное Богомоловым о бронировании им жилой площади в Туле.

Их соратник Бирагов, так и остался в Особом отделе, но уже 156 полка НКВД. Витязев продолжал воевать в разведке.

Одна фотография

В книге опубликованы фотографии И.Я. Кравченко, а вот от Бенцеля никаких фотографий не осталось. Вернее, есть одна – на ней засняты солдаты Тульского рабочего полка начала 1942 г. Эта фотография бережно хранится в Тульском Краеведческом музее, и с большой вероятностью этот молодой человек (Бенцелю было всего 22 года), стоящий справа, в хорошо подогнанной форме с петлицами старшего лейтенанта (сразу видно, человек не вчера форму одел и, не смотря на войну, опрятен) – начальник штаба полка **В.А. Бенцель**. На тот момент в полку был всего один старший лейтенант, да и армейская форма со знаками различия в ТРП появилась после ухода Кравченко. Мои догадки подтвердила и здравствующая ныне и живущая в г. Курск Кира Георгиевна Аносова. Своих однополчан по 956 полку Кравченко и Бенцеля она опознала уверенно, а фамилию начальника связи полка Петрухина она не вспомнила, сказала только, что это связист полка. Ну и на том спасибо. А дальше мы знаем. Не смогла она вспомнить человека в полушубке. Только сказала, что это какой-то политработник полка. Так ожила старая фотография воинов Тульского рабочего полка.

Сам командир полка майор **И.Я. Кравченко** сидит крайним слева. Рядом с Кравченко сидит Старший врач полка **Аносова Кира Георгиевна**. Справа сидит неизвестный политработник полка. За Кравченко стоит начальник связи полка старшина **Петрухин Василий Георгиевич**.

Часть 8. Воспоминания соратников

Воспоминания Киры Георгиевны Аносовой (за исключением цитат, включенных в текст ранее)

После взятия Калуги нас посадили в вагоны и мы долго ехали и нас привезли кажется под Брянск.

Летом 1942 г. вышел приказ № 227. Его все встретили хорошо. Мы и так понимали, что отступать уже нельзя.

Это было под Житомиром в 1944 году. Наша дивизия освобождала Житомир. Первый раз у нас сорвалось наступление, пришлось отступать. Раненых было много. Полк один попал в окружение. Командир полка погиб, комиссар застрелился. В общем тяжело было. Потом была оборона. Потом наступление. Войска продвинулись вперед. Ну и медсанбат тоже должен был продвигаться вперед.

Начальник санитарной службы дивизии и я на полуторке. Нас в кабине трое сидело. Поехали искать новое место для медсанбата. Приехали в одно сохранившееся село. Все дома целы. Нашли там школу и клуб. Для медсанбата места достаточно. Начало уже темнеть. Мы доехали до края села, зашли в хату. Там была бабка. По-русски она не разговаривала, чего-то там по украински лопочет, мы ее не поймем. Мы ее спрашиваем: «Как проехать?» – она чего-то говорит. Уже совсем стемнело. Одной машине ехать очень опасно. Начсандив достал карту и стал смотреть, как поближе доехать до нашего медсанбата, а то мы ехали кругом. Смотрим – есть дорога. Прямо от этого дом идет в сторону медсанбата. Мы ее спрашиваем: «Проехать можно? Немцев там нет?» Она все нам утвердительно отвечала. Ну мы и поехали по той дороге. С нами вместе еще одна полуторка поехала. Вот мы двумя машинами и поехали. Машина наша, но

нам не знакомая совершенно. Немного отъехали от села и видим: пулемет и два солдата у пулемета. Мы остановились. Водитель дошел до солдат и спросил: «Хлопцы тут проехать можно? Немцев тут нету?» Они в ответ: «Нету, нету. Все тихо, все хорошо. Проехать можно». Мы чуть отъехали смотрим – а поле все перепахано снарядами, валяются разбитые орудия, убитые. Горелым порохом воняет, гарью. В общем это поле только что прошедшего боя. Начсандив говорит водителю: «Давай назад. Здесь мы не проедем». Мы начали разворачиваться, и машина, которая ехала за нами тоже стала разворачиваться, а по ней застрочил этот пулемет. Они развернулись и удрали, а мы пока задом сдавали, чтобы развернуться, и встали боком к пулемету. Водитель наш говорит: «Что они сдурели по своим бьют». Водитель начал притормаживать, а начсандив как закричит: «Гони, гони!». Мы рванули, а пулемет по нам строчить стал. Начсандива серьезно ранило в спину разрывной пулей, даже позвоночник захватило. Водитель получил ранение в кисть. Удрать-то мы удрали. Подъехали к той хате. Водитель кричит: «Я убью эту бабку. Я убью эту бабку». Я ему: «Успокойся. Она свое дело сделала и уже давно ушла». Вернулись мы в медсанбат по той дороге по которой приехали, уже без происшествий. На фронте есть такая примета: «Нужно возвращаться той дорогой, по которой приехал».

Вернулись мы в свой медсанбат. Там выяснилось, что этот пулемет в том селе власовский заслон. Он прикрывал расположение власовцев и мы могли угодить прямо к ним в лапы. Потом с власовцами мы встречались в Праге. Там их преследовали.

Медики в бой не ходили. Но у нас были неприятные переправы. Например через реку Припять. Это широкая и стремительная река. Если кто падал в воду, то его тут же сносило. Мы шли в полном обмундировании с санитарными сумками, с противогазами, с оружием, в сапогах, в шинелях.

Мне было страшно под Тернополем (Западная Украина). Зима, вызвали нас на совещание. В сани-розвальни сели, в санях автомат, у меня пистолет, и поехали. День солнечный, хороший, дорога была накатана через поле. Поле было совершенно голое, никакой растительности. Приехали в Санотдел, там прошло наше совещание. В районе обеда решили разъезжаться. Кому подальше ехать те остались на ночь, потому что уже начинало смеркаться. Мы решили, что дорога хорошая, доедем. Вроде полдороги поехали, а тут началась метель. Такая метель, страшная. Снег валит хлопьями, дороги не видно. Потеряли дорогу, лошадь еле ноги переставляет. Мы уже не знали куда ехать. Ночь. Темно.

Возница говорит: «Ну, кажется, будем мы петь «Замерзал ямщик»». Мороз, холодно. Снег лепит. Сами мы с повозки слезли, провалились по колено. Дорогу найти не можем. Не знаем куда ехать. Вдруг немец пустил осветительную ракету. Они их часто пускали. Вот была радость. Стало понятно где фронт, где передовая, в каком направлении нам надо ехать. А потом я наверху увидела провод на шестах.

Мы пошли по нему. Понятно, что провод приведет к своим. Мы шли, шли. И вдруг впереди увидели огонек, еле видный. Мы поехали на этот огонек. Подъехали и услышали нашу русскую речь. Там была землянка. Это наблюдательный пункт – он выдвигался перед нашими окопами на нейтральной полосе и наблюдали тайно за противником. Это называется Секрет. Там было два бойца. А рассекретить это НП было нельзя. Иначе их уничтожат немцы. Они сами перепугались. Давай нас расспрашивать, кто мы, откуда? А еще, не дай бог, лошадь заржет, немцы услышат, будет нам на орехи. Они давай звонить в штаб дивизии. Там им сказали, что это наши. Один поехал с нами и сдал нас с рук на руки в штаб дивизии. И если бы не этот огонек, мы бы так к немцам и приехали.

Было трудно здесь под Курском. Я участвовала в освобождении Курска. Дальше мы пошли на Медвенку. Наша

часть заняла оборону под Рыльском. Вот там деревни Степановка, Мазеповка. Там как раз река течет и тут болото. Когда наши войска подошли все было замерзшее. Оборона затянулась. Начало все таять. Болота ожили и куда бедному солдату деваться. Начали насыпать насыпи, чтобы не в воде плавать. Началась малярия. Сейчас медикаментов не хватает. Дорого все. А тогда всем и всего хватало. И спирту и перевязочного материала. Все хватало. Почему ж теперь не хватает? Малярийные гнезда в болотах обрабатывались керосином. Всем от командиров до последнего солдатика давались противомалярийные средства. Каждому солдату медработники давали таблетки акрихина, хинина, что было.

В конце войны я воевала в 324-й дивизии и мы брали Прагу. (Этой дивизие командовал и в ее рядах погиб ее первый командир полка И.Я. Кравченко). Там началось восстание. Немцы хотели и восставших, и весь город уничтожить. По радио постоянно передавали: «Помогите Праге. Спасите злату Прагу». Были созданы мобильные штурмовые бригады. Нас посадили на американские большие машины «Студебеккер» и мы поехали в сторону Праги. Тылов с нами не было. Ехали быстро. Нас предупредили, что если какую машину подбивают или она встала, то остальные не останавливаются и должны ехать дальше. И вот мы по всем этим Карпатам, по лесам мчались. Какие чешские населенные пункты мы не проезжали – везде стояли люди и перекрывали все дороги кроме дороги на Прагу. Они кричали нам: «На здар, на здар», махали нам приветственно руками и мы мчались без остановки. Немцы на высотах сидели. Обстреливали нас, но вроде не попадали. Пронесло. Мы на рассвете въехали в Карловы Вары, всю ночь ехали. А там фонтанчики минеральной воды, ну и мы хотели попить. Но люди не дали нам подъехать к этим источникам и выйти из машин: «Спасайте Прагу!». Утром 9 мая мы подъехали к окраинам Праги и начались бои. В Праге были большие бои.

Было много раненых. Там танкисты подъехали. Другие войска подошли. Немцы отступили. Вот так мы встретили победу 9 мая, а в других местах уже давно победа была. Погибших похоронили на Ольшанском кладбище, его еще называют Русским. После войны, когда мы были в Праге, то удивились: в каком хорошем состоянии сохранялось кладбище. Везде кусты роз. Я дважды была в Праге и все это сама видела.

В конце войны мы чувствовали себя победителями. Нас очень тепло встречали в Праге.

Я была награждена орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», орденом «Отечественной

войны» 2 степени, медалями «За освобождение Праги» и «За победу над Германией». Из наград самая дорога первая «За боевые заслуги» в 1941 г.

И было понимание, что нас к этой победе привел Сталин. И до сего времени я там и думаю, мое мнение не изменилось.

Современной молодежи я желаю, чтобы они всякие басни и враки не слушали. Жили нормальной жизнью. Я не могу спокойно смотреть на девушек с цигарками. О нас раньше говорили: «О медики. Они пьют и курят». А мы не пили и не курили. 100 грамм нам давали, и мы их пили только когда было очень холодно и мокро».

Воспоминания Владимира Семеновича Турова (за исключением цитат, включенных в текст ранее)

Полковник в отставке. Родился 18 марта 1920 года, уроженец Брянской области, Выгонического района, Малфинского сельсовета, деревня Большой Крупец.

Война. Западный фронт

Родился я 18 марта 1920 года в селе Большой Крупиц в Брянской области. Отец работал в колхозе, мать – домохозяйка. В семье было двенадцать детей, я – девятый по счету. Земли в наших краях бедные, урожаи слабые.

Когда старший брат Василий служил в армии, нам в 1939 году как семье красноармейца предложили переселиться в Краснодарский край, на Кубань. В станице Савинской выделили глинобитный дом, приняли в коммуну имени 1-й Конной Армии.

Конечно, люди здесь жили богаче, сытнее, чем на Брянщине. Нашу большую семью неплохо поддерживали. Получали в день на всех 2–3 буханки пышного кубанского хлеба, молоко, еще какие-то продукты. Помню, что обедали в коммунарской столовой. Я так отродясь не ел: мясной борщ или суп с клецками, пшенная, перловая (реже гречневая) каша, овощи, фрукты.»

Маленький Вова со старшим братом Петькой из разрушенной церкви выносил книги. Сосед научил его читать на старославянском. «Дорогие мои, никакая сказка не сравнится с тем, что я читал. «Иди ешь!», – кричит мать, а я не могу оторваться. Ветхий завет – это что-то невероятное. Я начал тайно креститься. Надеваю на голову рядно самотканое (простыней-то тогда еще не было) и крещусь под ним».

В 12 лет герой, выйдя в сад, увидел ангела возле персикового дерева. «Он был бел и крыльями взмахивал. Сказал внятно: «Тебе жить до 25 лет». Я хлопнул дверью и убежал в избу. Мать бросилась ко мне: «Что с тобой? Что с тобой?». Я ничего не мог сказать».

Вскоре учителя в школе стали Владимира Турова нагружать, как самого способного, послали вожатым к октябрятам в третий класс. Шестиклассником он стал репетитором по математике для племянницы учителя истории. «Учитель истории домой приходит, разговаривает о легионерах римских и все такое прочее. Много я от него узнал… И тут я начал сомневаться: бог всезнающий, а, выходит, не знает, что делает народ, он всемогущий, а как же другие одолевают его, в частности, сатана, а он ничего не может сделать… и начались сомнения, сомнения, сомнения… К седьмому классу я понял, что уже никто не соблазнит меня. Атеистом стал, но верующих уважаю». Про ангельское пророчество позабыл начисто.

Школьником Вова Туров имел меткий глаз и значок «Ворошиловского стрелка». После окончания школы он не видел иного пути, кроме как стать военным. Курсантом Буйнакского военно-пехотного училища он получил первые серьезные уроки от капитана Луночкина, который вернулся без обеих ног после боев на Халхин-Голе.

Военное училище

«Закончив восемь классов, поступил в горный техникум в городе Шахты. Отучился два года, чувствую – не мое это призвание. На третьем курсе подал заявление в военкомат и был зачислен в Буйнакское военно-пехотное училище.

Скажу, что в довоенных училищах за два года давали крепкую подготовку. В моей роте было три взвода по 33 человека. Гражданские привычки из нас вытряхивали быстро. Подъем в шесть часов утра (летом – в 5.30), зарядка, стрелковый тренаж 20 минут. С первых дней приучали к оружию, чтобы винтовками мы, как портные иглой, владели.

Затем завтракали и на шесть часов быстрым шагом или бегом уходили в горы. С полной экипировкой: винтовка, противогаз, подсумки, учебные гранаты, шинельная скатка. Там занимались тактической или огневой подготовкой. Тяжело приходилось, но привыкали быстро.

После обеда один час на сон – и начинались теоретические дисциплины: уставы, связь, химзащита и так далее. Много

времени уделялось физподготовке, в том числе штыковому и рукопашному бою. Свободного времени полагалось перед сном всего 20 минут, так что загружены были до предела и засыпали мгновенно.

Кормили хорошо. На завтрак граммов 20 масла, селедка, сладкий чай. Обед тоже нормальный: щи, каша с куском мяса, компот. Ну, и ужин неплохой. Хлеба всегда хватало. Но все полученные калории уходили на подготовку. Были мы поджарые, быстро обрастали мускулами.

Часто проводились политинформации. Кто как, а я слушал с интересом о разных событиях в мире, особенно имеющих отношение к военной службе. Время было сложное: Советско-финская война. Гитлер то одну, то другую страну захватывал. Замполит информацию свою начинал со слов: «Война вот-вот начнется. Будьте к ней готовы». Так что ни о какой самоуспокоенности речи не шло.

Отдельно скажу про огневую подготовку, которая проводилась три раза в неделю. На стрельбище добирались только бегом – 8 километров туда, столько же – обратно. В месяц выпускали по мишеням примерно сотню патронов. Кроме винтовок, тщательно изучили и стреляли также из ручного пулемета Дегтярева. Сотня патронов – это нормальное количество для хорошей тренировки. Позже, на фронте, я встречал выпускников шестимесячных курсов – младших лейтенантов, которые за полгода всего раз десять-пятнадцать стреляли. Конечно, такая огневая подготовка почти ничего не давала.

Много занимались штыковым боем. Сильны были традиции русской армии. «Немец штыка боится» – я часто слышал эту поговорку. Занимались с азартом. Тренировались, разбившись на пары, постигая всякие хитрости, или кололи соломенные чучела. «Коротким коли! Длинным коли!» – только клочья от чучел летели.

Снайперское дело как-то широко не распространялось, но после финской войны, когда мы понесли немалые потери от «кукушек», начали изучать основы снайперской стрельбы. Желающие, в том числе я, занимались дополнительно. Стреляли с расстояния 600–800 метров. Мне это пригодилось буквально в первые дни пребывания на фронте.

Кроме того, мы прошли ускоренную программу артиллерийской подготовки. А в конце второго курса на меня

«повесили» отделение минометчиков из 5 человек. 50-миллиметровые легкие минометы били на восемьсот метров небольшими минами размером с перезрелый огурец. С минометами тоже научился обращаться, там требовался точный расчет и, конечно, тренировки.

Подготовка в училище была разносторонней. Могу с уверенностью сказать, что как офицер войну встретил я с врагом на равных, а кое в чем немцев и превосходил. Навыки, полученные в училище, помогли мне выжить и пройти всю войну. Хотя имелись и недоработки, которые мы постигали уже в ходе боев на собственной шкуре.

Во избежание несчастных случаев мало проводилось занятий по метанию гранат. А в частях красноармейцы просто боялись ручных гранат РГД-33, которые перед броском надо было встряхивать. Опасались – встряхнешь, а она рванет в руках. Все это шло из-за отсутствия практических, боевых занятий.

Мне больше всего запомнился мой командир взвода л-нт Муса Салбиев, осетин по национальности, который занимаясь с нами, не считался со своим личным временем и щадил ни себя, ни нас в процессе обучения. Он всегда приходил за 15 минут до подъема и следил, чтобы все выполняли как положено. Особенно он уделял много внимания уровню физической подготовки. Нас, не очень подготовленных, в роте было 5 человек, в том числе и я. По предметам я хорошо успевал, стрелял тоже хорошо, а вот физически был слабоват. И он дополнительно с нами занимался. Это был превосходный человек и я ему бы низко поклонился. Но я его встретил в 43-м году, у него было 7 ранений и он умер.

Не были мы готовы к отступлению, оборонительным боям. Рассчитывали на скорую победу, на стремительные танковые и штыковые атаки. А сложилось так, что почти два года пришлось в основном обороняться, а затем идти вперед.»

Эти уроки пригодились очень скоро. Война началась за три месяца до выпускного. Курсант Туров, красавец и активист, играл в драмкружке. В тот самый день, 22 июня, должна была состояться очередная репетиция в Доме Красной Армии. Ребята пришли, а на двери замок. «Война!» – крикнул кто-то на улице. Вся труппа бегом возвращалась в лагерь. Там слушали выступление Молотова и переживали, что не пустят на фронт.

Идеологическая война

«Мы слушаем полковую радиостанцию. Я как-то был вызван в штаб полка и вдруг слышу: «Внимание, внимание. Говорит

радиостанция имени Коминтерна. Работают все радиостанции Советского Союза. С прискорбием сообщаем, что наши войска после длительных и упорных боев оставили город революции, город Ленина, город Ленинград. К сожалению наши войска не смогли выстоять и сейчас в столице нашей Родины Москва. Ведется успешная эвакуация населения, но наши бойцы Красной Армии и командиры сражаются на окраинах Москвы». Затем несколько дней передавали одно и тоже, все отступаем, отступаем. А потом: «Граждане Советского Союза мы с прискорбием вынуждены сообщить, что наши войска оставили столицу нашей Родины, город Москва». Мы слушаем. Тула не была окружена, но она была отрезана. Все коммуникации, все дороги были захвачены немцами. Работала радиостанция на нашей волне в Кенигсберге, это нам уже потом сообщили. Они глушили нашу радиостанцию «Коминтерн» она была слабее их станций, ее ведь строили в Москве в 30-е годы. Нас засыпали листовками: «Москва пала! Москва пала!» – нечего сражаться. Вот такая ситуация была. А мы в изоляции продолжали сражаться. Вот такая ситуация была, катастрофическая. Но тем не менее устояли и наш командир полка оборонял Тулу.

Радостная весть и оборона села Дедилово

К нам из Тулы попала листовка «Уничтожайте танки по Кравченковски». В этой брошюре было написано, что прорвавшиеся 8 немецких танков на ул. Коммунаров были уничтожены по приказу Кравченко. Мы были очень рады и горды за нашего бывшего командира. К большому сожалению я ее не сохранил.

Мы обороняли Дедилово. У меня в роте не было ни ручных, ни станковых пулеметов и боеприпасов тоже не было. У нас на вооружении были только винтовки и наганы, а у наганов не всегда были патроны. Мы занимали оборону на пригорке на окраине села (Жилая, Пушкари), потом нас переместили в низину, западнее (Конопка). Я раз 5 ходил в разведку. Командир батальона меня посылал.

Мы слышим с немецкой стороны шум моторов, особенно их было слышно ночью. Я ходил, ходил, никак не могу найти, откуда шум. Потом я взял двух бойцов с роты и пошел (в сторону Жиловских выселок). Перейти линию фронта мне не стоило никакого труда, нас этому в училище учили, да тут ее как таковой и не было. Мы зашли в дом (Жиловские выселки). Там жила женщина – директор жиловской начальной школы (учительница

Лепехина) и с ней 17 летняя дочь (Галя Лепехина), которая только-только закончила школу. Мы у них расспросили, какая тут ситуация. Она меня накормила горячим обедом, а когда я уходил, за мной выскочила эта девушка и поцеловала. Меня еще никто ни когда до того момента не целовал. Меня это очень растрогало, а она сразу убежала в хату.

На улице подморозило, землю припорошило снегом и мы ползли по мерзлой земле. Смотрим, в лощине скопление немецких танков и греют моторы (лощина между Жиловскими и Пушкарскими выселками, Панинский карьер). Мы назад отползли. Потом зашли в дом к той женщине, хотели погреться. У нас ничего зимнего не было. Летняя форма х/б, да шинель, у некоторых даже и нательного белья не было. Правда нас обмотки здорово спасали. Только зашли. Один солдат остался у входа, а другой зашел за дом. Солдат влетает и говорит: «Немцы», мы в сени. Тут дверь открывает немецкий солдат и дверью прикрывает меня. Удалось избежать боя.

Я вернулся из разведки, доложил комбату, тот сообщил в полк. Из полка сказали, пусть придет и доложит лично. Я пополз в штаб полка. А уже начало рассветать. И тут началась такая артиллерийская стрельба и по нашим окопам, и по нашим соседям. Штаб стоял на высоте (Жилая) и деревню обстреливали танки. Два или три дома уже горели. В селе никого не было, пусто. Я добрался до штаба, а он уже горит. Что делать? Смотрю из окна выскочил один человек. Я ему: «Стой! Стой!». Он остановился, подхожу, смотрю лейтенант. Спрашиваю:

– Где штаб?

– Он уехал.

– А ты кто?

– Я техник-лейтенант …

– А ты чего тут делаешь? Чего отстал?

– Так надо было.

Уже после войны на встрече ветеранов 50-й армии я узнал того техник-лейтенанта и он мне сказал, что в штабе оставалось знамя полка и командир поставил ему задачу вынести это знамя. Пока он его снимал, на себя наматывал, закреплял, прошло время и он отстал. И нам никому так ничего и не сказал, что у него знамя полка. Осторожничал. Оно и правильно. После войны он жил в Калуге.

Решаем куда идти. Смотрим идет солдат.

– Ты откуда?

– Я из комендантского взвода, отстал.

Решили идти на северо-запад между огней (между Дедилово и Быковкой), там деревни горят, здесь горят. Нам нужно было

выйти за рубеж боя. Выпало сантиметров 5 снега. И мы пошли. Не прошли и 2 километров, смотрим, внизу в овраге стоит человек 50 в строю. Мы к ним и спрашиваем: «Вы кто?», а они: «Стой! Стрелять будем!» Значит свои, русские.

Оказывается – это вновь прибывшие войска из-за Урала (413-я дивизия). И перед взводом стоит младший лейтенант и не знает что делать, куда идти. Растерялся. Я ему говорю: «Знаешь, тут делать уже нечего, пошли с нами на север. Надо уходить». А он говорит: «Нет я никуда не пойду. Мне приказано тут находиться». Я ему: «Видишь кругом горит. Немцы обходят. Только на севере тихо. Нужно туда идти».

– Нет! Не пойду.

– Я, как старший по званию, приказываю.

– Не выполню ваше приказание!

Тут бойцы из стоя начали говорить: «Товарищ лейтенант, а ведь лейтенант говорит правильно. Нам надо туда идти, если хотим выйти». Короче говоря, он вынужден был со своим взводом пойти вместе с нами. И действительно, когда мы прошли зону пожаров и с правой стороны увидели наших, и он увидел командиров своей дивизии. Обрадовались все. Он к своим, мы пошли дальше. Там было такое скопление подвод, в том числе и нашего полка. Я обрадовался. Но выяснилось что солдат практически не осталось. На станции Узловая от полка я нашел командира минометной роты Бова и пять человек своих бойцов. Мы все вместе пошли дальше. Пополнения практически не было. Пришли на железнодорожный разъезд, там сидит старший лейтенант, комендант. Спрашивает: «О, хорошо. С какой дивизии?» Мы ответили.

– Бойцов оставьте. Я их в часть направлю. А вам вот предписание. Явитесь в Серебряные Пруды, в отдел кадров.

…В ожесточенных боях с врагом 956-й полк, да и вся дивизия понесла большие потери, и оставшиеся в живых были переданы в другие части. Я был направлен командиром стрелковой роты в 878-й стрелковый полк 290-й стрелковой дивизии все той же 50-й армии. В полку было всего две стрелковые роты, численностью 230–250 человек каждая.

Тула. Новое назначение

Мы с командиром минометной роты лейтенантом Бова отправили в Серебряные Пруды. Комендант какой-то станции нам выдал направление и мы пошли в Серебряные Пруды – там были кадры 50-й армии и заседала комиссия. Их было человек 8. Мы

прибыли туда в шинелишках, в хромовых сапожках, без пилоток. Вид у нас был потрепанный. С августа месяца из боев не выходили. На дворе декабрь месяц. Холодно. В Серебряных Прудах полностью переодели. Все лохмотья с нас сняли и выдали все новое. Мы оделись, пообедали и нас вызвали на комиссию. За столом сидели человек 8 или 9. Меня спрашивали: «Как вы оказались здесь? Где ваша рота?» «Как где рота? 5 человек, я шестой. Погибли все. Разбили нас» Один вскочил в чине подполковника: «А полк где?» «Его не стало. Разбит. Перестал существовать». Он как закричит: «Полк разбит. Да как ты смеешь? Твою паршивую роту можно было разбить, а полк разбить невозможно. Полк разбит!» Кричали, кричали. Потом сказали: «Иди, поужинай. Потом зайдешь сюда». Я в приемной получил талон, поужинал. Меня направили в кабинет, там сидел младший воентехник (младший лейтенант) и сержант сверхсрочник. Переговорили.

Я ушел, только расположился отдыхать меня опять вызывают в штаб. Там мне вручили направление и я поехал в Москву, а оттуда в Тулу. Приехал я в Тулу поздно вечером. Куда идти – не знаю. Зашел в один дом спросить. Там жила семья рабочего оружейного завода. Они меня накормили горячим обедом и сказали куда идти в штаб 50-й армии. Я этой же ночью пришел в штаб, который находился где-то на окраине Тулы. Там мне выписали направление в 290-ю дивизию. Сказали, что сейчас туда идут две машины с боеприпасами и я могу с ними доехать. Утром я прибыл в штаб 290-й дивизии. Шофер остановился, меня высадил, сам поехал дальше а мне показал куда идти. В штаб меня не пропустили. Часовой позвал дежурного. Тот взял мои документы и ушел в дом. Я остался на крыльце дома и через несколько минут он вышел и сказал, что мне надлежит ехать в 878-й полк. Туда едет подвода, она меня подвезет. Я сел в сани уставший, не спавший, уже двое суток не спал. И уже перед вечером мы поехали в расположение полка. Подъезжаем к деревне. Ездовой говорит: «Мне прямо ехать, а тебе в ту деревню, вон там видишь?» Он поехал прямо, а я пошел в ту деревню по снежной целине. Только я подошел к деревне, как на нее налетел Мессершмидт и начал ее обстреливать. Мне один солдат сказал где штаб. Я уже подошел к домику, а там бегают вокруг домика люди в полушубках, в маскхалатах. Я спросил: «Где командир полка?» Он показал рукой и убежал прятаться. Мне сказали что его звание майор. Я подошел, приложил руку к шапке и докладываю: «Товарищ майор», а он мне: «Быстро марш отсюда». Я понял. Они все в белых полушубках, в маскхалатах, а я в темно-серой шинели и демаскирую штаб.

Налет кончился. Не заходя в штаб, на улице майор посмотрел мое предписание и позвал штабиста. Дал ему команду отвезти меня в роту и сказал: «Рота сейчас ведет бой за деревню в 5 км отсюда» – и предупредил быть поосторожней: «Там командир роты – старший лейтенант Семенов. Ты не представляйся, что прибыл на должность командира роты. Пусть бой закончится, а потом представишься. В полку две стрелковые роты, одна 2 рота ведет бой, а другая находится в тылу противника. Ты сменишь командира 2-й роты Семенова». Я приехал, еще было светло и действительно идет бой. Все в маскировочных костюмах. А я опять на самом виду в своей офицерской шинели. Мне со всех сторон кричат: «Ложись! Марш отсюда! Тыловая крыса!» Бой шел успешно. Наши вошли в деревню, ну я сзади бегу. Когда вошли в деревню, ко мне подошел политрук роты, представился и спросил, кто я такой. Это был пожилой человек, лет 35. Заняли деревню, определили, где будет командный пункт роты. Мы зашли в дом разделись. Зашел командир роты, старший лейтенант. Я представился, но не сказал, что назначен командиром роты, а сказал, что представитель штаба дивизии, потому что своих полковых они всех знают, а дивизия далеко и они мало кого знают. Поужинали. Меня разморило. Уставший, замерзший, голодный. А тут расслабился и у меня сильно заболела голова. Военфельдшер с двумя кубиками как у лейтенанта, Шура Капустина. Я спросил у нее: «У вас есть какие-либо таблетки от головной боли?». А она мне: «Нет таблеток. Мы не лечим, мы спасаем раненых». Я проглотил эту реплику в мою сторону. Политрук роты, он с тремя кубиками, как старший лейтенант. Политрук сказал: «Давайте выйдем». Мы оделись и вышли на крыльцо. Он говорит: «Ну что будешь командовать ротой? Ладно, ладно. Да я все понял. Штаб давно у же хотел заменить Семенова. Он из запаса и никакой он не командир. А я хоть и не командир, но мне приходится командовать. Я мастер с уральского завода. Призвали из запаса, дали звание политрука и назначили в эту роту».

Утром на построении роты в деревне, лейтенант со штаба полка, который меня привез, представил меня как нового командира роты, а старший лейтенант Семенов стал моим заместителем. Я командовал этой ротой до ранения, которое я получил за Калугой 23 января 1942 г.

Мне в роту дали два противотанковых ружья, которые я лично применял против фашистских танков под станицей Узловая.

Мое вступление в должность командира 2-й стрелковой роты совпало с началом нашего контрнаступления под Москвой и

произошло на поле боя, когда рота вела наступательный бой за одно из сел Тульской области. С этой ротой мне пришлось освобождать села, ходить в рейды по тылам противника, самостоятельно и в составе двух рот (на станцию Тихонова Пустынь) в начале декабря 1941 года.

Воспитание ненависти

В декабре сорок первого года началось наступление наших войск под Москвой. Отступая, немцы угоняли население, а деревни сжигали. Зима в тот год была морозная и очень снежная. Чтобы увезти свою технику, фрицы использовали гражданское население, в том числе женщин, подростков на расчистке дорог. Этих людей они уже не отпускали, а гнали дальше на запад.

Люди умирали от мороза, их не кормили, а тех, кто не мог двигаться, фашисты расстреливали с немецкой педантичностью выстрелом в затылок или добивали штыками. Расчищенные дороги представляли собой снежные туннели 2–3 метра высотой. Быстрое наступление наших войск заставляло немцев бросать грузовики, орудия, повозки. И рядом лежали трупы наших русских людей.

На одном, только что освобожденном участке, среди десятков расстрелянных мы увидели труп молодой женщины, прижимающей к груди ребенка. Неподалеку лежал изможденный старик в коротком порванном кожухе. Ветер шевелил его жидкую, торчавшую вверх бороденку.

Можно понять, с какой ненавистью мы преследовали отступающих фашистов. В период Московской стратегической операции с 5 декабря 1941 года по 7 января 1942 года были уничтожены или понесли тяжелые потери 38 вражеских дивизий, освобождены 11 тысяч населенных пунктов.

Финны

Труднее всего было воевать с финнами. Они были лучше подготовлены. В декабре 1941 г. мы единственный раз столкнулись с ними. Две роты нашего полка пошли в тыл к немцам с задачей овладеть ж.д. станцией Тихонова пустынь. Когда пришли туда, оказалось, что мы не можем этого сделать, потому что рядом со станцией огромное село и оно было занято финнами. Подошла финская дивизия неизвестно с какой целью. Мы расположились в лесу на полянке. Выслали разведку и она

выяснила, что в каждой избе человек 20–25 живет финн. Пришли они прошлой ночью, а наша разведка прозевала этот момент. В селе у Тихоновой пустыни был штаб дивизии. Дивизия также располагалась в двух соседних селах. Мы не могли захватить станцию. Даже если бы мы ее захватили, то нас тут же окружили и уничтожили. Мы послали разведчика в штаб полка за линию фронта с донесением, а сами устроились в лесу недалеко от домика лесника. Вдруг слышим по дороге едут подводы и немецкие солдаты горланят песни. Когда они поравнялись с домиком, мы их окружили и захватили. Там была полевая кухня и телега с продуктами. Мы захватили трех финских солдат, а четвертый спрятался под санями и мы его не заметили, а он потом распряг лошади и верхом ускакал к своим. Мы его обстреляли, но он убежал и тут, буквально через 20–30 минут, видим: со стороны села на бугре в нашу сторону начали двигаться как-то силуэты длинные-длинные, просто луна была низкая и люди отбрасывали длинные тени. Они неслись в нашу сторону, маневрируя между деревьями, не сбавляя скорости.

Ярко светила луна. Между соснами в маскхалатах стремительно неслись финские лыжники, обходя на крутых поворотах деревья. Это была умелая и стремительная атака. Не будь у нас опыта боев, финны подмяли бы роту и уничтожили.

Быстро развернули пулеметы и открыли огонь едва не в упор. Стреляли из винтовок (автоматов было мало), бросали гранаты. Финские лыжники, оставляя на снегу трупы, так же быстро разворачивались и уносились прочь, огрызаясь огнем автоматов.

В тот раз все решали минуты. Если бы мы растерялись, то мало кто остался бы в живых. Финские штурмовые отряды не щадили русских. Троих пленных финских солдат мы расстреляли. Охранять их в условиях ночного боя не было возможности.

Рейды по тылам противника, (особенно длительные), требовали постоянного, максимального напряжения, принятия смелых молниеносных решений и быстрых действий.

Патриотизм наших людей. Освобождение Калуги

«Один из таких рейдов был совершен в конце декабря 1941 года, когда я со своей ротой численностью 280 человек, пройдя шесть суток незамеченным, в ночь с 24-го на 25-е декабря вышел северо-западнее г. Калуги, где немцы, находясь в глубоком тылу, праздновали Рождество и никак не могли ожидать появления Красной Армии.»

Получив задание освободить осажденную врагом Калугу,

командир роты Туров принял решение зайти с тыла. Для этого было необходимо успеть пройти за ночь сквозь зимний незнакомый лес, где снег по пояс. Бойцы, отправленные в деревню за проводником, вернулись ни с чем: в деревне не осталось мужчин. Тогда сам командир взялся за дело. «Фронт еще был в 130–140 километрах от города, мы незаметно перешли линию фронта и пробирались в Калугу.»

В последнюю ночь я вынужден был взять проводника. Получилось это так. 24 декабря стемнело, ничего не видно, началась вьюга. Не смотря на то что в лесу хорошо ориентировался, я не смог найти дорогу. Оставалось всего километров 10–11, но непонятно было куда идти. Снега выше пояса, метель глаза бьет. Послал в деревню разведку, чтобы найти проводника. Командир разведвзвода младший лейтенант вернулся и говорит: «В деревне только один старик, но он не может идти». Пошел в деревню сам. Все дома были открыты, так немцы приказали, да и не принято было в деревне закрывать дома. В одном из домов обнаружил женщину лет 35. Она спросила: «Кто там?». Мы вошли, а с печки на нас смотрят три пары детских глазенок. Я стою с тремя бойцами. Говорю: «Мне нужен проводник». Она спросила: «Когда?», говорю: «Сейчас». Я ей не говорил, что она должна идти. Я же вижу трое детей на печке, младшему годика полтора от силы, старшему года четыре. Она, ни слова не говоря, начала одеваться. Все понимали, что если бы ее убило, то погибли бы и ее дети. Территория-то была еще оккупированная и за любое сочувствие к партизанам, а уж не говорю за помощь – расстрел, не только самого виновного, но и всех его родственников. И эта женщина, помогая нам, рискует своими детьми. У меня до сих пор мороз по коже. Она привела нас к Калуге еще затемно. Она сказала: «Перед вами овраг, садитесь и спускайтесь как с горки. Там пройдете и слева будут дома, которые вам нужны». Мы ничего не видим. Только метель завывает. Я говорю: «А там по карте есть мост». Она говорит: «Я не советовала бы вам появляться на мосту. Мало ли кто там может появиться и немцы, и полицаи». Мы вышли на окраину. Политрука с группой бойцов я отправил на станцию, и он успешно справился. Сам же пошел освобождать город Калуга. Не может пропасть страна, если мать оставляет троих детей, чтобы помочь солдатам.

25 декабря уже рассвело, мы подходим к железнодорожному вокзалу «Калуга-1». И тут мы увидели, как от нас бегут фашисты. Из Калуги убегал немецкий жандармский полк. В городе не оставалось частей, которые бы нам могли оказать сопротивление. Охрана станции, складов и вокзала не могла нам оказать какого-

либо сопротивления. С 24 на 25 декабря было Рождество и немцы его праздновали. Они чувствовали себя в безопасности. Ведь до фронта еще 130 км.

Мы шли по лесам, избегали населенных пунктов, дорог и даже просек. Мы шли до Калуги 6 суток. Я не знал, почему был такой приказ: именно 24 декабря выйти с запада к Калуге, освободить станцию Калуга-2 и войти в город. Вести наступление по улице Ленина и по двум улицам слева и справа, вести наступление в сторону центра Калуги. Рота успешно добирается до Калуги к утру 25 декабря и выходит из леса ровно в том месте, где и было запланировано. Немецкий жандармский полк, оккупировавший город, чувствует себя вольготно и уверенно, ведь до линии фронта 140 километров, опасаться нечего. На руку советским войскам и то, что нынче католическое Рождество, и фашисты совсем забыли об осторожности. Это была стремительная военная операция, неожиданный захват растерянных немцев. Но в ходе нее не было сделано ни одного выстрела, не был ранен ни один боец.

Наведя переполох у немцев, я захватил станцию Калуга-2, забитую товарными составами с боевой техникой, продовольствием. Почти до самого центра освободил проспект им. В.И. Ленина с прилегающими к нему параллельными улицами. Из города бежал жандармский полк. Других подразделений, кроме комендантских и транспортной охраны, у немцев там тогда не было. Ведь фронт стоял еще в 130 км от города.

Калуга была освобождена полностью 30 декабря 1941 года частями 50-й армии. Калуга стала первым освобожденным областным центром. Медаль «За Отвагу», которую получил командир Туров за эту операцию, была и остается самой ценной для него. Не зря документальный фильм «Разгром немцев Под Москвой» вызвал такой большой резонанс во многих странах, и в том числе в Германии. Разбитая техника, сожженные танки, тысячи обледеневших трупов несостоявшихся завоевателей. Это был мощный удар по Вермахту, который заставил задуматься многих немецких генералов о перспективах войны с Советским Союзом.

«Мне много раз приходилось переходить линию фронта, как к немцам, так и обратно к своим, в одиночку или группой в разведку, потом ротой и у меня ни разу не было случая неудачного перехода линию фронта. Ни разу (!) мой переход не был замечен, и ни единого человека я не потерял при переходах линии фронта. Сказалось не только знание леса, но и превосходная выучка в военном училище.

Вместе со всем Западным фронтом моя рота шла на запад, освобождая свою землю, города и села от фашистской нечисти. Отступая, фашисты угоняли все население, а деревни сжигали.

Зима 1941–1942 гг. была морозная и очень снежная, чтобы увозить свою технику фашисты сгоняли все население на расчистку дорог. И этих людей они уже не отпускали, а перегоняли с одного участка дальше на запад. Люди здесь же умирали без питания, да и просто замерзали, а тех, кто уже не мог двигаться – пристреливали.

Расчищенные дороги представляли собой снежные тоннели в 2,5–3 метра высотой, но и там застревала немецкая техника, орудия.

На одном, только что освобожденном участке, я видел, как наши советские граждане лежали вдоль дороги, расстрелянные немцами при отступлении.

Особенно меня, да и всех бойцов, поразили двое, вернее трое из убитых: один – старичок, ветер шевелил его жиденькую торчащую вверх бородку. Он был в коротеньком стареньком кожушке. Рядом лежала молодая женщина с расстегнутой одеждой, к груди которой прильнул грудной, с прелестным личиком ребенок. Из ноздрей его маленького носика были выдуты розовые замерзшие пузыри, а из его ротика стекала струйка замерзшей крови. На открытой груди женщины темнело пятно от фашистской пули и из ранки стекала кровь… Здесь лежали и другие женщины, дети от маленьких до подростков…

Как-то в одну из ночей я со своей ротой ворвался в село, которое немцы не успели сжечь, но население угнали (а наступали мы, как правило, ночью, чтобы было меньше потерь). Пробегая уже по центру села, меня позвал боец, выскочивший из одной избы.

Войдя в эту избу, при свете еще не погасшей немецкой стеариновой плошки я увидел распростертую на полу, посередине избы, женщину. Голова ее лежала в луже крови. Возле стола и лавки голенький со сплющенной, полностью разбитой, изуродованной головкой лежал мальчик. Одна его ножка была неестественно длинная. На бревнах стены возле стола было большое темно-красное пятно, а на столе, лавке и на стене везде были какие-то серые сгустки. Даже мне, видевшему и изуродованные разрывом тела, и изувеченных близких мне людей, но на то, что я видел в этой избе, произошедшему всего за несколько минут до нашего изгнания фашистов, я смотреть на это не мог. Только изверг рода человеческого мог размозжить головку беззащитного грудного ребенка ударом об стену.

После ранения в ногу в одном из дальнейших наступательных

боев 23-го января 1942 года я был тяжело ранен, но еще сутки не покидал поле боя.» Наш герой отказался ехать в медсанбат. Не смог его заставить командир, даже назвав «обузой для полка». Смогла только Шура Капустина. И не подозревал Туров о ее чувствах, но упорствовать не смог. «Мороз, а ее слезы капают мне на лицо. «Дурак ты, дурак, а я ведь люблю тебя» – говорит. Тут не поспоришь.

Как написано в справке эвакогоспиталя ЭГ-3348 города Новосибирска, где я лечился: «сквозное пулевое ранение правого коленного сустава». В санбате и госпитале я пробыл без малого три месяца. После многочисленных просьб 13 апреля был выписан и назначен командиром роты противотанковых ружей в 315-ю дивизию, сформированную в городе Барнауле.

В боях за Сталинград

После лечения в Новосибирском госпитале, я рвался на фронт и в марте 1942 года был направлен командиром роты противотанковых ружей в 315-ю стрелковую дивизию, формировавшуюся в г. Барнауле. В июне дивизию на эшелонах перебросили в Сталинградскую область, а 16 августа маршем выступили на фронт, к Сталинграду.

Каждый боец нагружен скаткой шинели, вещмешком с боеприпасами, винтовкой, противогазом, а у меня в роте на плечах каждой пары бойцов – шестнадцатикилограммовые противотанковые ружья и вся амуниция бойца. Гимнастерки мокрые от пота, серые от пыли. От усталости и недосыпания подкашиваются ноги.

Шагаю и я, опираясь на палочку после сквозного пулевого ранения в коленный сустав. Двигаться тяжело, болит, ноет недолеченная нога, кружится, гудит голова. Кажется…, но нет! Надо держаться, показывать пример, подбадривать бойцов, и приходится через силу, словно чугунную, тянуть не сгибающуюся ногу…

Все чаще встречаются изнуренные люди, эвакуированные с прифронтовой полосы. Шли старики, женщины. Рядом с ними тянулись гурты скота. На скрипучих тележках, нагруженных скарбом, сидели дети. Больно было смотреть на них. Этих несчастных, оставивших свои дома, которые безжалостно бомбили фашистские стервятники, погибших оплакивали и тут же наспех хоронили. Горе врывалось в каждую семью.

20 августа наш 724-й стрелковый полк вышел к речке Иловля. Бойцы, сытно пообедав, уставшие расположились на отдых. Но… на горизонте показалась «Рама» – немецкий двух фюзеляжный разведывательный самолет – жди беды! Командиры спешно стали приводить свои подразделения к появлению авиации противника, засуетились пулеметчики. Я, взяв противотанковое ружье, бросился к ротной повозке, на которой мною заранее было установлено приспособление для стрельбы по самолетам. Для этого ружье крепилось на запасном колесе, надетом на кол.

Вслед за «Рамой» появились и фашистские самолеты. Раздались оглушительные взрывы, взметнулись фонтаны огня и пыли. Заржали и рванулись кони, опрокидывая повозки. Затарахтели станковые пулеметы, установленные для стрельбы по самолетам.

Будучи отличным стрелком и, освоившим снайперское дело в военном училище, мне еще осенью 1941 года на Западном фронте пришлось в боях за станцию «Узловая» и под городом Сталиногорск самому вести огонь из противотанкового ружья по немецким танкам. Пристроив противотанковое ружье на заранее приготовленное приспособление, я, применяя еще не забытые уроки баллистики, делая упреждения, спокойно стал вести огонь по головному «Юнкерсу». Резкие, сильные выстрелы противотанкового ружья звучали в пулеметной трескотне. После нескольких выстрелов на правом крыле головного стервятника ярко блеснул огонек. И тут же со всех сторон раздались крики бойцов: «Попал! Попал! Ура-а!», но самолет продолжал лететь. И тут, сзади него появился черный дым, самолет стал крениться, черный шлейф увеличивался, и он резко пошел вниз… Раздался оглушительный взрыв. «Юнкерс-87» был сбит, а выбросившихся на парашютах летчиков бойцы взяли в плен. Это были первые пленные дивизии.

Вторая группа самолетов снизиться не рискнула. Тяжело проплыв в вышине, она сбросила бомбы на село Кондраши и хутор Красноярский.

724-й полк шел в авангарде 315-й дивизии, а наш 2-й стрелковый батальон двигался на 7–8 км впереди, в передовом боевом отряде.

К полудню 23 августа 1942 года 2-й стрелковый батальон, в котором я был командиром роты ПТР, достиг поселка Городище и остановился на привал. Собравшиеся у выхода из оврага, возле церкви, командиры рот батальона внимательно следили за непрекращающимся неравным, воздушным боем в нескольких километрах севернее Городище. Хорошо было видно, как сотни самолетов, выделывая замысловатые фигуры, носились друг за другом. Наши краснозвездные «Ястребки», отбивались от наседавших на каждый из них, двух-трех «Мессершмидтов». Самолеты сменялись, а бой не прекращался, медленно перемещаясь на восток.

23 августа 1942 г. когда немцы прорвали наш фронт и вышли к Волге севернее Сталинграда. Нам был приказ форсировать реку Дон и войти в соприкосновение с противником за Доном. Каждый боец нагружен шинельной скаткой, вещмешком с боеприпасами, винтовкой, противогазом, а у меня в роте на плечах каждой пары

бойцов – семнадцатикилограммовые противотанковые ружья. Гимнастерки мокрые от пота, серые от пыли. От усталости и недосыпания подкашиваются ноги.

Шагаю и я, опираясь на палочку после сквозного пулевого ранения в коленный сустав. Двигаться тяжело, болит, ноет недолеченная нога, кружится, гудит голова. Надо держаться, показывать пример, подбадривать бойцов, и приходится через силу, словно чугунную, тянуть не сгибающуюся ногу.

Все чаще встречаются изнуренные люди, эвакуированные с прифронтовой полосы. Шли старики, женщины. Рядом с ними тянулись гурты скота. На скрипучих тележках, нагруженных скарбом, сидели дети. Немецкие самолеты бомбили и обстреливали этих людей с не меньшей злостью, чем воинские части. Люди торопливо хоронили на обочинах погибших и продолжали свой путь.

И вдруг, наша передовая застава в составе батальона нашего 824 полка, наша дивизия получила приказ занять оборону от члена Государственного комитета обороны Маленкова. Получилось так, Остановились мы в Городищах, начали кормить бойцов и отдыхать, а командиры собрались около церкви, выйдя из лощины, где были основные наши силы. Смотрим, какая-то кутерьма. Смотрим в воздухе самолеты гоняются друг за другом. В бинокль хорошо были видны кресты и звезды на наших ястребках. Мы, 7 человек командиров рот и 7 политруков, которые были равны с нами по должности. Вдруг видим в нашу сторону несется автомашина ЗИС. Остановилась около нас из нее вышел стройный мужчина без знаков различия в фуражке и кричит: «Командира ко мне». А командир батальона ехал на телеге с санвзводом. Они были от деревни километрах в 3–4. У него нога так распухла, что он не мог ходить и нужна была постоянная перевязка. А мы здесь все равны. Кому идти? Старший л-нт Ушаков, высокий, стройный, грузин по национальности. По возрасту был старше всех нас. Рядом со мной стояла распряженная лошадь. Я на нее вскочил и поехал к тому человеку. Подъехал, доложил. Смотрю, а на фуражке у того человека генеральская кокарда. Он меня спросил: «Кто вы?», я ему опять доложил. Он мне: «Вы слезьте, старший лейтенант. Перед вами член государственного комитета обороны генерал-лейтенант Маленков. Вот что – приказываю занять здесь оборону и не пускать немца к Сталинграду. Отвечаете лично». Рядом с ним стоял майор и все записывал. Подошел к нам и сказал: «Учтите, с вами разговаривал член Государственного комитета обороны. Так что отвечаете лично». Сели в машину и уехали. Я доковылял до церкви все ждут меня и спрашивают: «Ну что?»

Командир пулеметной роты л-нт Лебединский говорит: «А-а. Генеральская шутка». А Ушаков сказал: «Приказ. Есть приказ. Его надо выполнять».

Мы распределили батальон на участки обороны, заняли церковь, начали окапываться. Бойцы, видя нерешительность командиров, начали окапываться не спеша, кое-как. Тем более было много арбузов по огородам. Домишки маленькие. Буквально вросшие в землю лачуги. Минут через 15–20 на дорогу со Сталинграда выскакивает точно такая же черная машина. Остановилась около церкви. Из машины выскочил полковник. Высокий, стройный, молодой, поджаристый. Стояли я и начштаба батальона старший лейтенант Иванов. Полковник закричал: «Все на левый фланг. Я командир Сталинградского гарнизона, командир 10-й дивизии НКВД полковник Сараев», – и он побежал куда-то на северо-запад, из машины выскочил какой-то подполковник и бросился за ним. Через минуту у церкви остановилась еще одна машина из нее выскочили человек 7 старших офицеров и бросились за полковником. Тут мы поняли, что это не генеральская шутка, и бойцы стали быстро окапываться как положено. Но через некоторое время прибыли полки дивизии НКВД, а нас перебросили на Орловские высоты, где стояли девушки-зенитчицы, они перевели свои зенитки для борьбы с танками противника и первыми вступили в бой. Они были смяты, но танки отвернули и пошли не на Сталинград, а севернее.

Нашему батальону в ночь на 24 августа 1942 года было приказано занять оборону возле села Орловка. 23 августа немцы прорвали фронт на Дону и вышли к Волге, севернее Сталинграда, недалеко от того места, которое нам предстояло оборонять. В тот же день, 23 августа, Сталинград подвергся невиданной за всю войну бомбежке. Немецкие самолеты налетали сотнями, целый день, меняя друг друга. За день погибло, по разным данным, от 40 до 60 тысяч мирных жителей.

Получив приказ на наступление фронтом на северо-восток с задачей отрезать прорвавшегося к Волге противника севернее Сталинграда, командиры довели задачу до бойцов, проверили состояние оружия, боеприпасов. В эти последние минуты перед боем многие писали заявления о вступлении в партию. Настроение у всех было приподнятое, каждый рвался в бой.

Но вот батальон занял исходное положение. Артиллеристы выкатили орудия. Наступал рассвет 24 августа 1942 года. Остались считанные минуты… Цепи стрелковых рот угомонились, и только отдельные короткие слова команд нарушали утреннюю тишину.

Ракета! Все дружно пошли в наступление. Заалел восток.

Гитлеровцы открыли шквальный ружейно-пулеметный огонь. Роты продвигались короткими перебежками. Бойцы действовали так слаженно, как они не показывали своего умения даже на инспекторских проверках. По мере продвижения батальона огонь противника усиливался. Все гуще и чаще рвались в цепи мины и снаряды врага.

Роты продвигались вперед короткими перебежками. По нам открыли огонь, едва мы поднялись. Но если вначале это были редкие пристрелочные выстрелы, то вскоре взрывы густо накрыли цепи. Огонь усиливался, над полем неслись пулеметные трассы.

Бойцы падали один за другим. В самом начале боя погибли командир батальона капитан Никитин и его заместитель, старший лейтенант Семенов. Вместе с начальником штаба Ивановым и командиром пулеметной роты Титоренко мы решили до конца боя никому не сообщать об их гибели, все приказания отдавались нами от имени командира батальона, мы втроем руководили боем.

Немцы, не выдержав натиска, побежали. Батальон ворвался в покинутые траншеи, где оставались лишь трупы. Их было не так и много, зато наша лобовая атака, как всегда, обернулась большими потерями. И тем не менее, заметно поредевшие цепи продолжали атаку.

Фрицы открыли заградительный огонь. Кто видел сплошной частокол гаубичных и минометных разрывов, да еще в два-три ряда, знает, что это такое. Оседают на землю клубы одних взрывов, а в полусотне метров стеной поднимается следующая стена земли и осколков.

А тут еще начались несчастья с бутылками горючей смеси (КС), которые многие бойцы несли в карманах брюк. При попадании пули, осколка или просто от удара о землю при перебежке бутылка разбивалась и вспыхивала. И ничто не могло спасти человека от мучительной смерти.

Люди, облитые густой липкой жидкостью, которая способна плавить металл, бежали, как горящие факелы, катались по земле, но огонь сбить было невозможно. Многие торопились избавиться от бутылок с КС, хотя это было, по сути, единственное эффективное средство против танков. Я приказал собрать все бутылки в ящики, которые бойцы тянули с помощью обмоток вслед за наступающими.

Чтобы задержать наши цепи, немцы вызвали авиацию. Сопровождаемые воем сирен самолеты один за другим пикировали, обстреливая ничем не защищенных бойцов из пулеметов и засыпая нас бомбами. Однако наступление продолжалось. И тогда против нас бросили танки. Они медленно

надвигались справа, со стороны Волги, по открытой степи.

Упал, сраженный пулей, командир 5-й роты, здоровый красавец, грузин по национальности, старший лейтенант Ушаков.

По танкам был открыт огонь из всех видов нашего оружия, но они продолжали неудержимо надвигаться. Наше наступление приостановилось. Кое-где началось замешательство.

Но тут, подошедший ближе всех к цепи батальона танк задымился, чуть развернулся и встал. Остановился и рядом идущий второй танк, из которого повалил густой черный дым. Пламя охватило первый танк, а второй так рвануло, что его башня отлетела далеко в сторону. Всего несколько десятков метров отделяло горящие танки от двух расчетов противотанковых ружей. Два их длинных ствола были направлены в сторону танков. Одно из этих ружей, наводчиком, которого был рядовой, казах по национальности, Сайдулаев Танибек, богатырского телосложения и никогда не унывающий, подбило два стальных чудовища.

В батальоне имелись лишь противотанковые ружья (ПТР) и минометы. Танки шли, непрерывно обстреливая нас из пушек и пулеметов. Ровная степь, редкие балки и грохот приближающихся машин.

Нам прислали на подмогу батарею 45-миллиметровых пушек. Их снаряды, огонь ПТР и минометов заставил танки отступить за железнодорожную насыпь. Ценой больших потерь батальону удалось захватить несколько высот и выйти к железнодорожному полотну, но дальше мы продвинуться не могли.

Меткие выстрелы пэтээровцев заставили танки противника попятиться назад. Настроение бойцов заметно поднялось, отставшие начали ползком выдвигаться на уровень передних в цепи. Огонь по танкам теперь велся более спокойно из 45-миллиметровых орудий.

Минометная рота вела огонь только по танкам, а они медленно, огрызаясь своими смертоносными плевками, уходили из-под нашего огня за железнодорожную насыпь.

Ценой больших потерь и неимоверных усилий батальону удалось захватить высоты и подойти к железнодорожному полотну, но дальше мы продвигаться не смогли.

Ощутимы были потери среди командного состава: погибли командир батальона и его заместитель, командиры 4-й и 5-й рот и большинства взводов.

Полегла почти половина личного состава батальона. Командир 6-й роты старший лейтенант Бедняков принял командование батальоном, а я стал его заместителем, а после тяжелого ранения Беднякова, 27 августа 1942 года в

командование батальоном вступил я.

В этот раз, 24 августа, нам не удалось соединиться с частями, наступавшими нам на встречу с севера. Но своими решительными действиями мы оттянули на себя значительные силы противника, не дав ему возможности нанести удар на Сталинград, в этот критический для города момент. Подобные наступления батальона и наших соседей: справа – полк 10-й дивизии войск НКВД, слева – 2-я мотострелковая бригада, проводились и 25, и 26 августа. Это скорее было отвлекающим маневром, чтобы удержать противника от наступления на город, т. к. каждый раз он вынужден был против нас применять авиацию и бросать по 20–30 танков. И эти наши наступательные действия сорвали планы гитлеровцев наступления на Сталинград в те критические августовские дни.

Но об этом я узнал гораздо позже из книги «Сражение века» бывшего командующего легендарной 62-й армией, Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова, где он пишет: «Северные города (Сталинграда) 23 августа гитлеровцы вышли к Волге, но расширить и захватить северную часть Сталинграда им не удалось. Поселки Рынок, Спартановка, Орловка, где была своевременно организована оборона, стали неприступной преградой… Здесь фашисты в город не прошли».

> Бывший начальник Генерального штаба сухопутных войск гитлеровцев генерал-полковник Ф. Гальдер в своем дневнике запишет: «24 августа 1942 года обстановка на фронте… Прорвавшийся к Волге 14-й армейский корпус 6-й армии серьезно потеснен в результате контрудара…»
>
> *Ф. Гальдер «Военный дневник» – М. Воениздат. 1971 г. с. 327.*

В ночь на 27 августа ко второму батальону подошел весь наш 724-й полк. Готовилось новое наступление. Близился рассвет. Батальоны заняли исходные позиции, используя старые окопы, воронки от бомб.

Местность северо-западнее Орловки впереди была совершенно открытой. Хорошо просматривались опорные пункты противника.

Приготовления к атаке не остались незамеченными, немцы открыли сильный огонь из минометов. Появились раненые, убитые. В 5 часов 30 минут утром 27 августа наши артиллеристы и минометчики начали артподготовку. 30 минут велся огонь по немецким позициям. Огневой удар врага значительно ослаб. Стремительным броском всех рот началось наступление под

шквальным огнем всех рот. Полку были приданы два артиллерийских дивизиона, и артподготовка была довольно мощной. Немцы ослабили огонь.

И вот атака. Сибиряки ворвались в окопы первой оборонительной линии. По всему фронту полка шли рукопашные схватки. Вскоре мой второй батальон во взаимодействии с 26-й танковой бригадой почти полностью очистил от врага высоту. Первой ее достигла 6-я рота политрука Ралдугина. Немцы сопротивлялись упорно, их приходилось забрасывать гранатами, добивать штыками и прикладами, отвоевывая окоп за окопом. Противник перешел в контратаку. Замолк наш пулемет. Ралдугин сменил убитого пулеметчика и заставил фрицев залечь.

Пятая рота лейтенанта Петренко овладела западными скатами высоты и залегла. Вел огонь закопанный в землю тяжелый танк Т-4 и небольшой заслон немцев. Если заслон мы сумели загнать на дно траншеи пулеметным огнем, то Т-4 с усиленной броней не давал атакующим подняться.

Немногие «сорокапятки» и полковые пушки действовали на другом участке, а противотанковые ружья оказались бессильны. Танковая 75-миллиметровка била по вспышкам. Один из снарядов прямым попаданием угодил в окоп бронебойщиков. Оба красноармейца из расчета были убиты, а исковерканное ружье отбросило на несколько метров.

Петренко, молодой лейтенант мог послать кого-то из бойцов, но, сунув в карман две бутылки с горючей смесью, пополз сам. Сумел приблизиться к корме танка и поджечь его. Лейтенанту с пистолетом пришлось туго, экипаж Т-4 составлял пять человек. Стреляя в упор, он уложил двоих танкистов, трое оставшихся залегли в стороне и открыли ответный огонь. Увидев поднявшихся в цепь наших бойцов, танкисты скрылись. Танк горел, как скирда соломы, облитая бензином, затем взорвался боезапас, а башню отбросило в сторону. Сам Петренко был тяжело ранен. Лейтенанту помогала выбраться совсем юная санитарка Маша Меркулова. Позже она попала под автоматную очередь и погибла.

По своей ожесточенности бои под Сталинградом в те последние дни августа превосходили то, с чем мне приходилось сталкиваться раньше. Бомбежки, артиллерийские удары, снова пикирующие прямо на тебя «Юнкерсы». Немцы рвались к Сталинграду, используя все накопленные силы. В течение 27 августа полк несколько раз бомбили и обстреливали самолеты. Порой группы «Юнкерсов» достигали 15–20 штук, их поддерживали «Месершмитты». Наших самолетов практически не было.

Немцы не могли смириться с потерей важных опорных точек. Сильной бомбежке подвергались отвоеванные сибиряками высоты и отроги балки Водяной, где скопилось много раненых. Через некоторое время послышались крики: «Танки с фронта!»

Около пятидесяти машин с десантом пехоты приближались к позициям наших двух батальонов. Вой пикирующих бомбардировщиков, гул танковых моторов, взрывы бомб и снарядов слились в сплошной грохот, казалось, не хватит сил, не выдержат нервы, чтобы отразить такой удар.

Наши батареи открыли огонь по танкам, подбили и подожгли семь из них. Но остальные продолжали двигаться, расчищая путь пехоте. 45-миллиметровые орудия расстреливали танки прямой наводкой. Все же часть танков с пехотой вклинились в оборону. Бой распался на отдельные очаги, где происходили жестокие схватки, исход которых зависел от стойкости расчетов, отделений, взводов, а подчас – и отдельных бойцов. Сменив убитого первого номера противотанкового ружья, я сам стал вести огонь, целясь в уязвимые места. Один из танков мне удалось подбить.

Это был Т-3 с 50-миллиметровой пушкой. Его пытался оттащить на буксире другой танк. Сразу несколько противотанковых ружей открыли такой плотный огонь, что оба танка загорелись. Две стальные громадины были остановлены и сожжены. Бойцы подпускали танки ближе и, выбрав удобный момент, забрасывали их бутылками с горючей смесью. И тут же среди горящих танков вступали в рукопашную с гитлеровской пехотой.

Два немецких танка шли к окопу, где замаскировался командир отделения бронебойщиков сержант Игнат Панин. Ему удалось подбить один из них, но у него кончились патроны. Второй танк он подорвал, бросившись под него с последней связкой гранат.

Среди горящих танков началась рукопашная схватка с немецкой пехотой. Слово «Сталинград» значило для нас много. Захватить город и позволить немцам переправиться на левый берег мы не имели права. Хотя из-за потерь прекратилось наступление, но отбросить нас фрицы не смогли.

Совместно с соседом справа (26-й танковой бригадой), успешно отразив все атаки врага, наш, теперь можно говорить – мой, 2-ой батальон, в командование которым я вступил в этом бою вместо выбывшего по ранению старшего лейтенанта Беднякова, мы вынуждены были прекратить наступление, удерживая захваченную высоту 144,2. Соединиться с двумя полками (362-м и 1328-м) нашей же 315-й стрелковой дивизии,

наступавшими навстречу с нами с севера мы не смогли, но противнику был нанесен значительный урон.

В этом бою только 724-й полк подбил 20 танков, 4 бронетранспортера и уничтожил много гитлеровцев. Тела наших погибших бойцов лежали вперемешку с трупами немцев, которые так и не дошли до Волги.

Я описываю сухую хронику тех ожесточенных боев. Конечно, каждый хотел перехитрить смерть, многие переживали больше за свои семьи, чем за себя. Но обстановка была такая, что вникать в собственные переживания было невозможно. Приказ № 227 от 28 июля 1942 года четко определял наши действия своим названием «Ни шагу назад!». Да и куда отступать? Позади была Волга.

Фронт обороны 724-го полка сократился до трех километров, боевые порядки батальонов уплотнились. В ту же ночь на 28 августа мы получили пополнение – 600 человек. Правда, бойцы были обучены наспех. Мой второй батальон передал свои позиции 26-й танковой бригаде и получил новый участок обороны левее.

Опять долбили твердую землю, отрывали окопы, оборудовали новые огневые позиции. Волновали большие потери людей, особенно среди командиров взводов и рот. Хотя немцы лишились многих своих огневых точек и постоянно находились в ожидании нашего наступления, численное превосходство в силах и средствах оставалось на их стороне.

28 августа батальону пришлось отражать контратаку врага, а перед рассветом 29 августа началась наша артподготовка. 15 минут на переднем крае обороны противника бушевал огненный шквал. Как только артиллеристы и минометчики перенесли свой огонь на гребни высот, стрелковые роты стремительным броском ворвались в окопы врага.

На рассвете бой ожесточился. Минометный и ружейно-пулеметный огонь прижал нас к земле. Вперед, на высоту 147,6 с большим трудом прорвалась 5-я рота лейтенанта Петренко и 8-я рота. Они медленно, но упорно, с двух сторон охватывали высоту.

4-я рота лейтенанта Малахова под сильным огнем залегла внизу и прицельно обстреливалась минометной батареей противника. Медлить было нельзя. Малахов сумел поднять роту в атаку, одновременно выведя ее из-под обстрела. Бойцы выбивали из окопов остатки гитлеровцев. Немцы особенно упорно удерживали позиции минометной батареи. 5-я рота огнем из пулеметов и гранатами разгромила ее и взяла в плен больше десятка гитлеровцев.

Разъяренный неудачей, враг обрушил на высоту сотни снарядов и мин. До 15 его самолетов бомбили стрелковые роты. Но сибиряки держались.

Отразив несколько контратак, 2-й батальон прочно закрепился на высоте 147,6. Победа была значительной не только для 724-го полка. Дорого мне досталась эта высота 147,6. Оставшись ответственным за судьбы и жизнь более восьмиста человек (после ранения Беднякова), мне не раз приходилось в критические моменты боя, командуя батальоном, самому ложиться то за пулемет, отстранив убитого наводчика, то за противотанковое ружье, из которого после гибели наводчика никто не мог вести огонь. А танки надо было уничтожать! Или они уничтожили бы нас.

Вот я сказал, что подбил 29 августа два танка. Но это я видел, они были почти рядом со мной. А те, которые вспыхивали в тридцати, ста метров от меня, по которым вел огонь я, а может кто-то другой из пэтээровцев по ним тоже стрелял? Так кто их подбил? – Мы подбили! А из пулемета? Когда в критические моменты боя, хватаешь пулемет, ведешь огонь по бегущим на тебя фашистам, тоже поливающим тебя свинцом из автоматов, слушаешь доклады связных, взором не теряешь из вида общую картину боя, отдаешь приказания и все это одновременно, то как можно сказать кто и сколько уничтожил? Главное – высота 147,6 взята! И взята мною! Моими людьми! Моим батальоном!

Последние дни батальон ночами совершенствовал оборону, а днем вел сдерживающие бои и отражал контратаки противника. К сожалению, каждый день мы несли потери. В ночь на 3 сентября участок 742-го полка передали 115-й бригаде полковника Андрусенко, а части 315-й дивизии сместились влево на рубеж: высота 145,1 – перекресток дорог восточнее высоты 143,6. 2-й батальон занял оборону на левом фланге 724-го полка, имея соседом слева 2-ю мотострелковую бригаду. Местность была абсолютно открытой и танкодоступной.

В воздухе постоянно барожировали большие группы фашистских самолетов, бомбивших и обстреливающих наши позиции. Каждый день приходилось отбивать танковые атаки. Особенно тяжело батальону пришлось 5 сентября, когда противник силами 25 танков и батальона пехоты, после сильного артиллерийского налета, перешел в наступление на левый фланг 2-го батальона на стыке со 2-й мотострелковой бригадой. Следом за танками шли автоматчики, поливая окопы губительным огнем. Охнув, осел в окопы командир роты лейтенант Малахов. Среди бойцов началось замешательство. Положение спас комсорг батальона (мой боец из роты ПТР, наводчик ПТР), рядовой Алексей Сайганов. Он молниеносно бросил две бутылки с зажигательной смесью в головной танк. Тот вспыхнул, а отважный комсорг вернулся в свой окоп и вместе с бойцом

Брагиным в упор расстреливал наступающую пехоту.

Фланкирующий огонь пулеметной роты лейтенанта Лебединского вынудил гитлеровских автоматчиков залечь. Бой разгорался. Шесть немецких танков прорвались к нам в тыл, но там, встреченные огнем артиллеристов, повернули назад. Батальон выстоял.

28 августа батальону пришлось отражать контратаку врага, а перед рассветом 29 августа началась наша артподготовка. Как только артиллеристы и минометчики перенесли свой огонь на гребни высот, стрелковые роты броском ворвались в окопы врага.

Нам было приказано взять высоту 147,6. Одна из десятков безымянных высот, которую оседлали немцы и прицельно обстреливали наши части. Две роты медленно и упорно охватывали ее с флангов. Мы все же взяли эту высоту. Но какой ценой – трудно сосчитать. Последующие дни были заполнены непрерывными боями. Нас перебросили на другой участок. И снова атаки и бомбежка с воздуха. Седьмого сентября (запомнился этот день!) полк бомбили с утра и до темноты. Порой одновременно в воздухе висело до 40 самолетов. Били не только по артиллерии, технике, но и, пикируя, обстреливали из пулеметов одиночные окопы. А в перерывах снова начинались атаки, которые мы отбивали.

7 сентября с утра до вечера, вражеская авиация группами по 20–40 самолетов беспрерывно бомбила боевой участок 724-го полка. Весь день, пикируя, они обстреливали из пулеметов наши одиночные окопы Одновременно противник наносил массированные артиллерийско-минометные удары. Казалось, в этом аду не уцелеть ничему живому. Но как только, пустив впереди 22 танка, немецкая пехота перешла в наступление, воины-сибиряки встретили их губительным огнем. Попытки врага потеснить наш 724-й полк провалились! Но как это было…

… Лавина немецких танков подползла к окопам 2-го батальона. Расстояние сократилось до 150–160 метров. Давно прервалась телефонная связь с ротами и командиром полка.

Я находился на наблюдательном пункте батальона. Прекрасно сознавал, что никак нельзя допустить прорыва немцев. И не командую, а как бы просто беседуя, спокойно начал говорить:

– Передать по цепи. Подготовить гранаты. Бутылки для борьбы с танками. Всем стрелять по пехоте!

И никому не ведомо, каких усилий стоило это мое «спокойствие».

И уже четко и звонко несется от одного окопа к другому, влево – вправо громкое, звонкое:

– Приготовить гранаты!.. Бутылки!..

Шесть пылающих танков немцы оставили перед фронтом обороны 724-го полка. Их наступление прекратилось. Солнце было на закате…

Изнуренные боем бойцы оттирали свои потные лица, размазывали пилотками грязь по уставшим, но светящимся лицам от сознания выигранного еще одного боя.

Дорогой ценой был выигран этот бой. Все поле было перерыто взрывами сотен мин и снарядов. Многие окопы были засыпаны и бойцы навечно похоронены под твердой, опаленной огнем Сталинградской землей.

Вот, что рассказал мне старшина минометной роты батальона Петр Жильцов: «Иду я по огневым позициям роты уже после боя. И никого не вижу: овраг, где стояли минометы, весь изрыт. Уже темнело и я споткнулся. Гляжу, бугорок земли. Пригляделся – вроде шевелится земля. Рукой копнул, что-то шевелится и волосы почувствовал в руке. Я стал разгребать землю, а там оказалась голова. Быстро разгреб землю и вытащил, залитого кровью, всего в грязи, с болтающимися перебитыми руками, с разбитой головой, без одного глаза, но что-то мычащего бойца своей минометной роты, наводчика Н.М. Капитонова».

Он действительно с изуродованной головой, с лицом в шрамах, с одним только левым глазом, с одной искалеченной рукой постоянно приезжал из Кемерово вместе со своим спасителем, старшиной роты Жильцовым Петром Тихоновичем в Сталинград на встречи ветеранов 315-й мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии.

Но вернемся к 5-му сентября… Как ни устали бойцы, надо было срочно оказывать помощь раненым, выносить убитых, восстанавливать разрушенные окопы, восстанавливать связь, по новому располагать огневые средства, пополнять боеприпасы. Все это и многое другое надо было незамедлительно сделать каждому командиру, каждому бойцу.

Из-за больших потерь нужно было заново организовывать всю огневую систему батальона.

Бойцы уже давно не отдыхали. Бои и бои – никакой передышки! Днем наступаем мы или отбиваем атаки противника, а ночью совершенствуем оборону. И все же мы сохранили боеспособность.

Не могу не рассказать о тяжелом для меня и для батальона дне – 9 сентября 1942 года. К полудню 9 сентября противник открыл массированный артиллерийский и минометный огонь по боевым порядкам 2-го и 1-го батальона 724-го полка. Одновременно, группами по 20–25 самолетов фашистские летчики наносили бомбовые удары. От разрывов бомб и снарядов

земля ходила ходуном. Обваливались стенки траншей, многие бойцы были контужены или оглушены. Ведь что такое стокилограммовая, врезавшаяся в землю и рванувшая на глубине четырех метров? Даже на полета шагов, когда ты лежишь в укрытии, человека подбрасывает, бьет о землю. Летели вниз и «подарки» солиднее – по двести пятьдесят и пятьсот килограммов! И все это с воем сирен и пулеметной трескотней. Дым и пыль клубились огромными вихрями. Пушек уцелело немного, а на нашем участке вообще считанные единицы. Снарядов не хватало, и я еще с ночи приказал заминировать подходы оставшимися противотанковыми минами вперемешку с бутылками КС.

Обычно немцы действовали осторожно, но здесь они, что называется, нарвались. Немцев подгоняли, потому что в Германии уже объявили о взятии Сталинграда. Пять танков подорвались на минах и горели от воспламенившейся жидкости. Открыли огонь бронебойщики. К лету-осени сорок второго года броня большинства немецких танков была усилена. Бронебойщикам, чтобы поразить цель, приходилось стрелять с расстояния и 200, и даже 100 метров, стараясь попасть в борт, в моторную часть, в гусеницы. Те, у кого не выдерживали нервы и начинали стрелять раньше, попадали под огонь немецких орудий.

45 танков и два полка пехоты перешли в атаку, но были встречены стеной огня. Два танка остановились, подбитые политруком роты противотанковых ружей Николаем Демидовым и рядовым Сайдулаевым. Демидов был тяжело ранен. 5 танков подорвались на минах и сгорели от бутылок с горючей смесью, закопанных между минами перед фронтом обороны. Об этой моей «уловке» до сих пор вспоминают ветераны 315-й дивизии на своих встречах, даже из других полков дивизии.

Прорвавшиеся на бронетранспортерах гитлеровцы достигли окопов 2-го батальона. Завязалась рукопашная.

Санитарка 4-й роты Люда Андреева – боевая чернявая дивчина бросилась на спрыгнувшего в ее окоп немецкого офицера. На помощь ей поспешил старший лейтенант Александров, учитель математики из Барнаула. Но он не успел. Гитлеровец в упор выстрелил в Андрееву. Александров выбил у немца пистолет, но и сам выпустил свой «ТТ». Мертвой хваткой сцепились двое, и каждый знал, что исходом ее может быть только смерть одного из них. Чувствуя, что ему не одолеть молодого натренированного гитлеровца, сорокапятилетний Александров зубами вцепился ему в горло. Командовавший 6-й ротой политрук Радулгин смелой контратакой выбил немцев из окопов на левом фланге. Организованный огонь 6-й роты по

танкам и пехоте противника воспрепятствовал немцам подтянуть дополнительные силы для расширения прорыва.

Оставив за себя начальника штаба батальона, старшего лейтенанта Иванова, я, собрав связистов, связных пулеметчиков и стрелков, занимавших оборону вокруг НП батальона, повел их в контратаку, чтобы выбить прорвавшихся немцев из окопов 4-й роты.

Бой распался на отдельные рукопашные схватки. Применить станковые пулеметы можно было только на отсечный, (кинжальный), огонь, не давая противнику подтянуть резервы, что и было сделано.

Бежавшие со мной 40 человек бросились в контратаку на гитлеровцев, занявших окопы 4-й роты моего батальона.

Благодаря молниеносным, решительным действиям, немцы были выбиты из окопов и положение восстановлено.

Обессиленные и физически, и от нервного переутомления бойцы тут же валились с ног. Всех мучила жажда, но воды не было даже для раненых.

Санинструктор 6-й роты Анна Исаева в изнеможении прислонилась спиной к стенке окопа, но она понимала, что позволить себе даже расслабиться – непозволительная в данной обстановке роскошь: надо помогать раненым. И, отставив в сторону винтовку, поправив сумку с красным крестом, поползла от окопа к окопу, перевязывая раны бойцам, успокаивая их, помогая им добраться до более безопасного места.

Бои продолжались. Враг наседал и на соседей слева и с тыла со стороны Городища, и значительно потеснил их.

724-му полку было приказано в ночь на 10 сентября занять новый участок обороны в районе высоты 108,8 длиной по фронту до четырех километров. А в полку-то оставалось не более 350 человек – это три стрелковые роты…

Стрелки через каждые 20–30 метров отрывали одиночные окопы, для ведения огня стоя, используя воронки от бомб и снарядов. Для более плотной обороны не было людей.

Рассвет 11 сентября… И снова бой…

Сотни мин и снарядов обрушилось на позиции батальона.

Над нами появились большие группы фашистских самолетов. Они остервенело бомбили передний край обороны. Сразу же после появления самолетов, с северо-запада послышался гул танков. 35 бронированных машин и до полка пехоты подходили к нашим реденьким позициям. Они вышли в балку и устремились к высоте 108,8, где занимал оборону мой батальон. Несколько вперед были выдвинуты расчеты противотанковых ружей. Среди них был командир взвода младший лейтенант Посунько. Стоя в

окопе, он изготовил ружье для первого выстрела. Вот до головного танка осталось 400, 300, 200 метров… Выстрел! Бронебойная пуля угодила в днище машины в тот момент, когда она поднималась на крутые скаты балки. Танк остановился, задымил. Подбит был еще один танк. В этом бою Посунько погиб. Это был последний командир из тех шести командиров роты противотанковых ружей, прибывших под Сталинград.

По гитлеровской пехоте, отсекая ее от танков, открыли огонь стрелки и пулеметчики. Наводчик «сорокапятки» Картушев, подпустив вражеский танк, почти в упор выстрелил в него, от второго снаряда танк загорелся. Экипаж пытался выскочить, но был уничтожен стрелками.

Потеря трех танков не остановила врага. Около десятка бронированных машин прорвались на позиции 4-й и 5-й рот. Три из них подбили два уцелевших расчета батареи лейтенанта Острогляда.

С высоты 120,5 по противнику открыли огонь артиллеристы и стрелки 2-й мотострелковой бригады, соседи слева. Но гитлеровцы не считались с потерями.

В этот день мы устояли. В батальоне осталось немногим более сотни человек. Тяжело раненного командира 724-го полка майора Николая Александровича Андреева, как я узнал, насильно эвакуировали. 724-й полк переживал самый тяжелый период своей истории. Мы, батальоны дрались в полуокружении, почти без боеприпасов. Связь моя с командным пунктом полка давно прервалась. Батальон сражался в сложных и тяжелых условиях почти в полном окружении…

Герой-сибиряк

12 сентября был самым тяжелым днем в моей жизни, за всю войну. В батальоне осталось человек 120. Но какие это были люди! Каждый из них сражался за себя и за товарищей, готов был пожертвовать собой. Особенно мне запомнился коренастый боец из роты противотанковых ружей, сильный и очень храбрый в бою сибиряк-алтаец – Сайдулаев Танибек. Он с шестнадцатикилограммовым противотанковым ружьем обращался как с игрушкой, а в боях под Сталинградом на моих глазах подбил 5 вражеских танков. Его ранило в обе ноги, он приполз ко мне и, виновато улыбаясь, доложил: «Я подбил еще два танка, а третий на нас шел, снарядом ружье разбил и напарника ранил. Я его из окопа тащил, а танк его совсем убил, и меня ранил».

Я был поражен и смотрел на него не находя слов. Передо мной был настоящий воин-богатырь. Обе ноги его были неестественно вывернуты, все в крови. Кровавый след тянулся за ним. Его угнетало, что убило помощника, а он, вот, раненный приполз без ружья и не может встать перед своим командиром. Такого героя следовало бы наградить самой высокой наградой, но тогда было не до наград! Некогда нам было заниматься этим вопросом. Да и не думали мы об этом тогда. Его отнесли в санбат, ампутировали обе ноги, а затем переправили в госпиталь за Волгу. Хочется верить, что Сайдулаев выжил и вернулся домой.

А в тот день остатки батальона снова отражали танковые атаки. Я насчитал 25 танков. У нас оставались три противотанковых ружья и две «сорокапятки». Ну, еще гранаты и бутылки с горючей смесью. Четыре танка сумели подбить артиллеристы. Несколько машин начали утюжить окопы, в них полетели бутылки с горючей смесью. Отступать было некуда. Подожгли три танка, остальные отползли. Зато активно наступала пехота, начались рукопашные схватки. Человек пятьдесят фрицев окружили наблюдательный пункт батальона. Мы могли бы пробиться к ротам, но в это время тяжело ранило комиссара батальона Умрихина. Передвигаться самостоятельно он не мог. Я не мог оставить своего боевого товарища и комиссара в беде и решил отстреливаться до конца, рассчитывая на помощь командиров подразделений и на счастливый случай.

Вскоре два автоматных диска опустели. Чтобы не попасть в руки врага живым я оставил два патрона в пистолете – для себя и Умрихина. Вдруг рядом раздался оглушительный взрыв. Перед глазами пошли круги, все затуманилось. Я пришел в сознание уже в санроте. Комиссар Василий Леонтьевич Умрихин был убит. Позже я узнал, что из двух тысяч личного состава полка уцелело всего 270 человек.

Каждый из этих сентябрьских дней был похож один на другой. Артиллерийский огонь, немецкие самолеты, атаки и контратаки. На одном из участков обороны бойцы через каждые 20–30 метров копали одиночные окопы для стрельбы стоя, используя воронки от бомб и снарядов. Для более плотной обороны людей не хватало. Погибает кто-то из красноармейцев и возникает ни кем не прикрытое пространство в полста метров.

А если убьет двух-трех человек? Это уже готовая брешь – жди прорыва фрицев. Пока находил замену, сам прикрывал «коридор» ручным пулеметом. Кому-то эта хроника августа-сентября 1942 года покажется скучноватой. Просто я хочу рассказать, что значил тогда для фронта и для нас Сталинград. За Волгой земли нет. Может, звучит несколько с пафосом, но так и было на самом деле.

Я описываю свой военный путь с 1941 года. Бои под Сталинградом заняли в моей биографии совсем небольшой период, с 23 августа по 12 сентября. Это было начало Сталинградской битвы, которая будет продолжаться еще четыре с половиной месяца.

Немного отступления, но по теме:

В мае 1980 года, будучи с группой ветеранов 315-й дивизии у села Орловка я рассказывал о боях 724-го стрелкового полка, в том числе и об этом случае с бойцом из роты противотанковых ружей. Находившаяся здесь, бывшая военфельдшер 1012-го артиллерийского полка Мария Григорьевна Соловцова (Батурина) взволновано, сдерживая рыдания, произнесла:

– Ну как же? Сайдулаев его фамилия. Сайдулаев Танибек.

– Точно! Сайдулаев! Наводчик 1-го взвода! – воскликнул я.

А Соловцова продолжала:

– В тот день я находилась на медицинском пункте 724-го полка. Было много раненных, мы едва успевали перевязывать. Кругом стояли стоны, крики, вопли… Принесли еще одного бойца, брюки на нем и нижняя часть гимнастерки были все в крови, иссечены осколками. Ноги, чуть ниже колен были неестественно вывернуты, а из грязного кровяного месива торчали белые переломанные кости… Я наложила жгуты на его обе ноги выше колен, сделала укол морфия и отсекла ножницами кусочки кожи и сухожилия, не которых болтались его ноги. Кое-как сделала перевязку, избегая смотреть бойцу в лицо. Боец молчал. Заполняя медицинскую карточку, я спросила его фамилию, имя. Он назвал себя: Сайдулаев Танибек. И тут он попросил закурить. Находившийся рядом боец с перевязанной грудью и одной рукой на перевязи, свернул ему самокрутку, зажег ее и подал Сайдулаеву. Танибек затянулся, закашлялся и … запел. Лежа на земле, весь израненный, с оторванными ногами, с неподвижным лицом, с глазами, устремленными в жаркую высь неба, он затяну свою родную степную песню…

Мария Григорьевна продолжала свой рассказ:

– Лежавшие рядом раненые, еще во время перевязки Сайдулаева перестали стонать, притихли, видя его выдержку. Все меньше слышалось просьб: «Пить, сестричка, пить!». На некоторое время медсестры даже приостановили свои перевязки.

Неестественно тихо стало в балке. Только песня плыла над степью.

Соловцова каким-то не своим голосом закончила:

– Отправили мы его вместе со всеми ранеными в тот же день на переправу к Волге, а вот сам он до сих пор стоит у меня перед глазами. И фамилию – Сайдулаев запомнила навек.

Несколько слов о союзниках. Ну что мы о них знали. Разве можно верить капиталисту. Это непорядочные люди. Мы знали, что они нам поставляли по ленд-лизу автомашины Студебеккеры. Тушенка у них была отвратительная – какие-то субпродукты. 2-я мотострелковая бригада, наш сосед слева на Орловских высотах под Сталинградом была вооружена бронетранспортерами и пулеметами из Англии. Когда они пошли в наступление на немцев и начали стрелять из пулеметов, то пули падали на капот БТР, оказалось что внутри пули вместо свинца был картон и они не имели нужной массы. Наступление не удалось, наши отступили и мы потеряли много людей. Приезжали два английских офицера из Москвы в плащнакидках. Все английское вооружение было снято и увезено.

Первое ранение

Но вернемся к событиям 12 сентября 1942 года. Весь день шел бой. Воины-сибиряки отражали одну вражескую атаку за другой. Их в строю оставалось все меньше и меньше.

Днем, во время атаки противника, когда судьба батальона находилась на волоске, на мой наблюдательный пункт батальона прибежало несколько человек из штаба 2-й мотострелковой бригады, настоятельно требуя: «Комбат, выручай! Наш штаб отрезан от батальонов».

Через несколько минут… Я видел, что к позициям батальона приближаются 25 танков противника, а за ними развернув цепь движется пехота. В батальоне осталось 2–3 противотанковых ружья и, чудом уцелевшие, два 45-миллиметровых орудия. Командиры «сорокапяток» Астафьев и Пустовой успели подбить четыре танка. Стрелки бутылками с горючей смесью подбили еще три машины. Но противник продолжал наступать.

Его танки обошли юго-восточные скаты высоты 108,8. Связи с полком не было. Батальон со всех сторон окружали гитлеровцы. На позициях рот начались ожесточенные рукопашные схватки. Командир 5-й роты Петренко сам лег за ручной пулемет, но был смертельно ранен. Этот рослый, молодой лейтенант умирал так же спокойно и мужественно, как и сражался. Два взвода немцев окружило наблюдательный пункт батальона. Мы могли бы пробиться к ротам, но в это время тяжело ранило комиссара батальона В.Л. Умрихина. Передвигаться самостоятельно он не мог. Я не мог оставить своего боевого товарища и комиссара в беде и решил отстреливаться до конца, рассчитывая на помощь начальника штаба батальона старшего лейтенанта Иванова, на

командиров подразделений и на счастливый случай…

Вскоре два автоматных диска опустели. Чтобы не попасть в руки врага живым, я оставил два патрона в пистолете – для себя и Умрихина. Вдруг рядом раздался оглушительный взрыв. Перед глазами пошли круги, все затуманилось. Я пришел в сознание уже в санроте. Комиссар Василий Леонтьевич Умрихин был убит.

Позже я узнал, что к 724-му полку прорвалась 115 стрелковая бригада и оставшийся личный состав полка – 271 человек был передан в 115-ю стрелковую бригаду, где стал 3-м батальоном бригады.

> В боях в районе Орловки с 24 августа по 17 сентября 1942 года воины 724-го стрелкового полка уничтожили 48 танков и более 2000 солдат и офицеров противника.
>
> *Архив МО СССР, 315 сд, оп. 484181, д. 1, лл. 2–3*

14 сентября был освобожден вокзал в Сталинграде и положение немцев спасла свежая дивизия. Мы до 29 сентября сражались в полном окружении и разрезанные на группы. Это были самые трудные бои. Мы уже умели сражаться, не то что в 1941 году. После этих боев я дал себе слово вернуться в Сталинград и остаться здесь жить.

Уже другие полки и батальоны станут оборонять узкую полоску волжского берега, а в Берлине будут не раз повторять, что Сталинград взят. Однако закончится сражение разгромом 6-й армии фельдмаршала Паулюса и трехдневным трауром по убитым и попавшим в плен немцам.

Сталинград по праву остался в истории. Он действительно стал переломом в войне. Немецкие войска наткнулись на силу, которая впервые оказалась им не по зубам. Сколько бойцов и командиров остались в живых в нашем 724-м полку и батальоне после трех недель боев? Десять-пятнадцать процентов.

«Он прошел Сталинград!» – так будут говорить о бойцах и командирах, воевавших под Сталинградом и продолжавших свой боевой путь в сорок третьем, сорок четвертом, сорок пятом годах. Эти слова станут боевой характеристикой человека и будут цениться не меньше ордена. Орденами и медалями нас тогда не баловали.

В последующем воевал на Северо-Кавказском фронте, в 58-й армии. С 1943 года в 33-й армии сражался под Оршей в 3-м отдельном стрелковом штурмовом батальоне, где участвовал в прорыве сильно укрепленной, глубоко эшелонированной полосе обороны немцев.

К этому прорыву наш батальон хорошо и, по военному времени, длительно готовился, (целую неделю!), на местности, похожей на ту, где нам предстояло прорывать оборону противника.

Все занятия и имитация самого наступления проходили под руководством заместителя командующего 33-й армии, генерал-полковника, который казалось безжалостно, по нескольку раз возвращал наступающие наши роты, заметив малейший недочет или, что особенно важно – недостаточное быстрое передвижение почти по пояс утопающих в снегу. Да и экипировка наша была особенная. Кроме обычного одеяния: теплого нательного белья, хлопчатобумажных брюк и гимнастерок, поверх этого одевались ватные брюки и телогрейки, на которые одевали бронированные, специально скрепленные для сгибания, стальные пластины толщиной приблизительно 5 мм. Они были довольно тяжелы, да и движение, особенно в рукопашном бою, сильно сковывали. Крепились они на левом плече, стальным загибом от пластины, закрывавшей всю грудь бойца. Ниже крепилась узкая стальная пластина, закрывавшая весь живот, а к этой пластине крепилась еще одна, в виде треугольника – она защищала низ живота и пах. В местах крепления была возможность сгибания, хотя и незначительного. Этот панцирь защищал не только от осколков, но и винтовочной пули, а тем более от немецкого автомата.

Поверх панциря одевалась шинель, а на поясе у каждого бойца были по два подсумка для 60 патронов в обоймах, сумка с двумя гранатами РГД, малая саперная лопата, а за плечами вещмешок, в котором кроме разного скарба: портянок, белья, туалетных принадлежностей у каждого было по 120 патронов и котелок. А на ногах – валенки. И только тогда, на все это одевался белый маскировочный костюм: свободные белые шаровары и такая же свободная куртка с капюшоном и марлевой сеточкой, шторкой на лицо. Да, под шапку-ушанку – шерстяной подшлемник.

Вот в таком одеянии, ежедневно на рассвете, в конце октября 1943 года, начинались тактические учения.

Роты занимали исходные позиции для наступления (каждый раз на новом месте), где свежий, нетронутый снег. Отдавался приказ на наступление. Минометная рота открывала огонь по заранее подготовленным кем-то окопам с мишенями («по позициям противника»), и по сигналу начиналось наступление.

Утопая по пояс в снегу, роты быстро, как только было возможно, начинали свое наступление, ведя огонь со своего

оружия по макетам, мишеням и чучелам. Какой бы не был мороз, с наступающих пот лил ручьем. Но разносится команда: «О-т-с-т-а-в-и-т-ь! Вернуться на исходные позиции!».

И батальон возвращался на исходные…

Так, за день батальон возвращается генералом по 4–5 раз (больше не позволяло светлое время дня). Но каждый день у нас заканчивался атакой, броском гранат РГД по окопам «противника», уколами штыком по чучелам (у кого оно окажется на пути) и продвижения в глубь обороны «противника». И уже в темноте – разбор занятий руководителем, потом командование батальона конкретизирует замечания на уровне командиров рот, взводов.

На следующий день все повторяется снова, только наступление ведется уже с других исходных позиций.

С каждым днем действия личного состава все больше оттачивались, легче и быстрее преодолевалось шестисотметровое заснеженное поле до окопов «противника», минометчики почти сразу «ложили» свои мины в цель, а «сорокапятки» поражали макеты.

На седьмой день занятия закончились раньше, еще до наступления темноты…

Построен батальон в линию взводов. Командир батальона доложил генералу, который впервые похвалил личный состав за хорошие действия на учениях, но, все же поругал минометчиков.

Мы уже знали, для чего готовится батальон, знали так же что нам придется прорывать первую линию обороны, овладеть второй и захватить третью линию обороны, после чего в прорыв будет введена свежая стрелковая дивизия для развития наступления.

На этот раз заместитель командующего 33-й армией, обходя строй, спрашивал командиров рот, взводов – выполнят ли они задачи своими подразделениями? Уверены ли они в успехе?

Командир первой роты капитан Матета, на вопрос генерала: «Сколько он может пройти со своей ротой?», – ответил: «моя рота прорвет все три линии обороны немцев, овладеет железнодорожным разъездом к станции Орша».

На это генерал заявил: «Если ты с ротой захватишь железнодорожный разъезд, я обещаю наградить тебя орденом Ленина (Героя не обещаю), а роту награжу всеми орденами, которые есть». И так генерал конкретно беседовал со всеми командирами.

Еще с утра резко потеплело, а сейчас уже шел дождик. Утром следующего дня батальон выступил по уже мокрому снегу и весь батальон «чавкал» по раскисшему снегу в валенках…

Стоял туман, была изморозь, и накрапывал дождик.

Батальон вел офицер связи. Тыловые подразделения батальона были оставлены на месте, они должны были двигаться к фронту ночью.

Несмотря на туман, батальон двигался не по прямому маршруту, а все время менял направления движения и, уже в темноте прибыл к месту назначения.

Перед рассветом батальон скрытно выдвинулся на передний край обороны, в окопы наших войск.

На рассвете 5 ноября 1943 года началась массированная артподготовка из всех видов орудий и минометов на широком фронте по позициям противника. Туман несколько рассеялся, и видимость стала достаточной. Наша авиация стала бомбить оборону немцев. Огонь артиллерии был такой плотный, что наш самолет, пикируя на окопы фашистов, был подбит собственным снарядом.

Артиллерия так же интенсивно вела огонь, а нам был дан сигнал на наступление.

Сразу же (не так как показывают в кино, где из окопов не выскакивают, а вылезают один за другим), как один, батальон выскочил из окопов и цепью, быстро, значительно лучше, чем до этого на учениях, стал сокращать расстояние до окопов первой линии обороны немцев. Этому способствовало и то, что снег почти полностью растаял, была шуга. Валенки все набрякли и ноги чавкали в них.

Огонь немцев был слабый. Наша артиллерия перенесла свой огонь на вторую линию обороны противника, и огонь их значительно усилился, но до их окопов оставалось несколько метров, и мы ворвались к ним в окопы. Завязалась рукопашная схватка, которая длилась всего несколько минут, и мы начали выскакивать из немецких окопов и наступать дальше, на вторую линию обороны немцев.

Я забыл сказать, что перед маршем к линии фронта белые маскировочные костюмы были сняты.

Во время же наступления почти все сбросили шинели. Нам было жарко. И уже перед первой линией обороны немцев панцирей ни у кого не было. Они затрудняли движения.

Во вторую линию обороны немцев мы ворвались, когда наш артиллерийский огонь велся по третьей линии обороны противника. Это затруднило и наше продвижение по открытой местности из-за усилившегося ружейно-пулеметного огня немцев с фронта и их пулеметы начали усиленно нас обстреливать слева. У нас же из-за пробежек по грязи, боя в грязных, с расставившимися стенками окопов, автоматы и пулеметы стали отказывать. Наше огневое сопротивление слабело. Наконец мы

ворвались в окопы второй линии. И снова началась рукопашная. Некоторые были уже только в одних гимнастерках, и от них валил пар.

Все понимали, что задерживаться нельзя, и наступление уже порядком уставших воинов продолжалось на третью линию обороны немцев. Добрались мы до нее значительно тяжелее и дольше. Но, несмотря на потери, настрой у всех был боевой. Чувства радости и гордости за уже одержанные победы воодушевляли всех.

В размокших, тяжелых валенках, трудно, очень трудно было передвигать, чавкающие, пудовые ноги. Ледяной, талой водой были наполнены валенки, мокрые, в грязи были брюки, телогрейки. Но я не чувствовал холода ног.

При подходе (конечно не шагом, а бегом), к окопам третьей линии обороны мы почувствовали, что огонь немцев прекратился, и это еще больше воодушевило нас.

Быстро попрыгав в окопы, мы немцев в них не обнаружили и бегом, что было силы, начали свое движение в сторону железнодорожной станции Орша.

По мере приближения к Орше, издали начали обстреливать нас из пулеметов, все сильнее. Все ближе виднелись дома, постройки и пулеметный огонь усиливался, но наше наступление не прекращалось.

Достигнув железнодорожных путей и будки стрелочника, мы остановились. Залечь было нельзя: снег превратился в шугу, а обнажившаяся земля была сырой и не полностью еще оттаявшей, жидкой грязью.

Эта остановка заставила не только осмотреться, но и подумать: «Что же делать дальше?»

Никакая дивизия в наш прорыв не входила, хотя мы прошли уже 3,5 км, больше чем нам было определено приказом.

Подошел здоровый пулеметчик со своим ручным пулеметом. У него не было патронов. «Да мне уже и пулемет не нужен, весь в грязи и стрелять он не будет», – добавил он. Не было патронов и почти у всех автоматчиков.

Командир батальона послал офицера связи, лейтенанта, доложить командиру дивизии, что линия обороны немцев прорвана и батальон находится уже у постовой будки на подступах к станции Орша.

Немцы начали нас обстреливать из артиллерии и минометов. Усилился огонь из пулеметов, хотя этот огонь их был мало эффективным для нас. Начало темнеть.

Откуда-то появилась группа людей, до полсотни человек, в 80–100 метрах сзади нас и стали нам кричать: «Эй, идите сюда!».

Это были люди не из нашего батальона. Так почему они кричат, чтоб мы шли к ним? Зачем?..

Командир батальона еще раньше ушел левее, к центру батальона. Мы и эта неизвестная группа военных пошли друг к другу навстречу. В приближающейся группе была слышна русская речь. Одеты они были в серые наши шинели и шапки-ушанки и, только приблизившись, мы заметили у них на рукавах какие-то бело-сине-красные нашивки. Кто-то крикнул «Власовцы!».

Это были Власовцы! Немцы бежали, а эти подонки зашли к нам в тыл. В руках у них были немецкие автоматы, из которых они открыли по нам огонь. Стреляя на ходу, мы побежали на них. Увидя такую ситуацию, находившиеся левее нас бойцы тоже стали стрелять по неизвестной группе.

Началась рукопашная схватка. Схватив за надульник свой ручной пулемет, один из пулеметчиков, фамилию его я уже забыл, как былинный богатырь со всего размаха бил прикладом этих изменников нашей Родины, сейчас наших врагов.

Это была моя первая «встреча» с власовцами и мне лично в бою пришлось убедиться в их предательстве. Я увидел их бело-сине-красную тряпку, олицетворяющую предательство своей Родине, своему народу. Фашистские знамена со свастикой и эта власовская бело-сине-красная тряпка ненавистны мне (да и не только мне!), до сих пор.

За прорыв сильно укрепленной, глубоко эшелонированной обороны противника под Оршей и проявленное мужество в ноябре 1943 года я был представлен к правительственной награде.

Там же за проявленную храбрость, находчивость и мужество при отражении прорвавшихся слева фашистов с тыла был представлен к правительственной награде вторично, но награды так и не получил.

В составе 757-го стрелкового полка 222-й стрелковой дивизии этой же 33-й армии освобождал Белоруссию. Ее лежавшую в руинах столицу Минск, где нас со слезами неописуемой радости встречали среди развалин выходившие изможденные женщины. Жалость и злость вызывал вид этих измученных, чудом оставшихся в живых, женщин, вылезавших из под руин.

Освобождая Литву, особо запомнились города: Мериамполь, Каунас, где нас восторженно, с цветами встречало все население. Нас обнимали, дарили цветы, конверты, бумагу. У всех была неподдельная радость на лицах. Они сияли!

С этим же 757-м полков вплавь (без потерь!) форсировал реку Неман в районе города Алитус. За успешное форсирование на подручных средствах реки Неман, захват плацдарма на правом

берегу реки и проявленное при этом мужество, находчивость, за успешное и быстрое расширение плацдарма я был предоставлен к награждению орденом, о чем по секрету мне сообщил помощник начальника штаба полка, но он отказался сказать – каким орденом.

«Пусть это будет для тебя сюрпризом», – сказал он. Наш командир 222-й дивизии полковник Юрьев получил звание генерал-майора и Героя Советского Союза. Командир 757-го полка полковник Гонтар тоже получил орден Ленина и звание Героя Советского Союза. Командир взвода, моей 1-й роты был предоставлен к ордену Красного Знамени. И многие солдаты и сержанты получили высокие награды Советского Союза.

Находясь в госпитале в городе Щучинск, я написал письмо тому помощнику начальника штаба своего полка с просьбой сообщить о моем награждении, на что получил ответ, что после того, как меня ранило командир полка полковник Гонтар приказал ему ехать в штаб 222-й дивизии и забрать наградные листы на всех убывших из полка по ранению, на убитых. Это для того, чтобы материалов на награждение от полка было мало, а награжденных у него в полку было всегда больше, чем в других полках. И в том числе наградные материалы на меня были тоже отозваны.

Но это так, к слову. А пока шли упорные бои по расширению и удержанию плацдарма.

18 июля 1944 года был ранен, вторично, но остался в строю со своей ротой. 11 августа 1944 года под селом Волковышки, на границе с Восточной Пруссией был в третий раз тяжело ранен и направлен на излечение в Казахстан, в город Караганда, а оттуда в город Щукинск Кокчетавской области. «Огнестрельный перелом кости правой голени» – так значилось в справке эвакогоспиталя № 4110, где я проходил лечение с 1 октября до 15 декабря.

Разбитая кость, осложнение, повторные операции. Лечился я в общей сложности четыре месяца, но рана заживала плохо из-за остеомиелита. Я был признан негодным к строевой службе.

Признан: «ограничено годен»

Первый Украинский фронт

Военно-врачебная комиссия 15 декабря 1944 года предоставила мне отпуск на 30 суток.

По прибытию на свою Родину я, 5 января 1945 года Выгоническим райвоенкоматом был вызван и военно-врачебной

комиссией Брянского облвоенкомата был признан негодным к службе для строя, но ограниченно годным вне строя в военное время и направлен на 1-й Украинский фронт командиром 185-й отдельной стрелковой роты при военной комендатуре города Гинденбург (Германия), где приходилось уничтожать с боями отдельные отряды, группы фашистов (в том числе из числа полицаев, власовцев), пытавшихся прорваться на запад. Кроме того, что рота пятью своими взводами обеспечивала в еще трех районных комендатурах порядок, приходилось постоянно вылавливать лазутчиков, специально оставленных фашистами своих офицеров с рациями и даже ловить знаменитую шпионку, которую удалось поймать только уже после окончания войны, в городе Дрезден. Один из пойманных при радиопередаче немецкий офицер в звании капитана покончил с собой у меня на глазах, вскрыв себе вены стеклом от своих очков. Его даже не успели допросить.

В конце апреля 1945 года мы получили сведения, что через город Гинденбург будет прорываться большой отряд, в котором кроме немцев «СС», находятся польские офицеры, полицаи с Украины, Власовцы. Численность отряда примерно 50–60 человек. Командует этим отрядом обер лейтенант войск «СС» – немец.

Этот отряд планирует по протекающей под городом забетонированной реке проникнуть в центр Гинденбурга, где река протекает под мостом открыто, выйти там на поверхность и напасть на управление военного коменданта, подорвать, расположенные, в городе электростанцию, склады и по той же реке скрытно выйти на Западную окраину Гинденбурга и далее лесом в город Гляйвицы, где должны уничтожить, расположенный там госпиталь 1-го Украинского фронта.

В связи с этим мне было приказано усилить охрану всех объектов в городе: (электростанцию, все подстанции, склады, железнодорожный вокзал и железную дорогу, гостиницу, радиостанцию, управление комендатуры и т. п.), выставить секретные посты на выходе реки, под автомобильном мостом в центре города и взять под охрану открытый выход реки из-под бетона. Я установил 1 станковый пулемет и три ручных. Делать все приходилось скрытно, чтобы не увидело местное население и не передало немцам.

Ориентировочно выход этого сводного отряда в центре Гинденбурга планировался примерно на 30 апреля 1945 года. Все эти дни и, особенно ночами, я постоянно был на месте предполагаемого выхода отряда «СС» в город.

Прошло и 30 апреля и 2 мая, а отряд не появлялся, и

дополнительных агентурных сведений все не было.

Охрану я не снимал, и бдительности не ослаблял.

В ночь с 8 на 9 мая, под утро я, не выдержав, отошел в соседний дом, где на первом этаже «прикорнул».

Только провалился в сон, как услышал длинные очереди из автоматов, строчили пулеметы, беспорядочно гремели винтовочные выстрелы. Выхватив пистолет, я выскочил из подъезда, но тут грохнули со всех сторон города артиллерийские выстрелы.

От моих огневых точек бежал мой старшина роты Онищенко и из своего пистолета палил в верх, с неестественно расплывшемся в гримасе лицом кричал: «Ура-а! П-о-б-е-д-а!!! Ура!».

Везде гремели пушки.

Подбежав, он кинулся ко мне обниматься и продолжал кричать: «Ура-а! П-о-б-е-д-а!!!». Отстранив, его я резко потребовал: «В чем дело?!»

Но он продолжал кричать: «Товарищ старший лейтенант – Победа! Война кончилась! По радио передали!!!».

Все расставленные мной посты, солдаты с огневых точек прибежали к нам радостные, веселые, обнимались, что-то кричали, бегали от одной группы к другой… Ликовали все!

Так я со своими бойцами встретил конец войны.

9 мая 1945 года ярко, очень ярко светило на светло-голубом безоблачном небе Германии солнце. Оно тоже, казалось, радовалось нашей Великой победе!

Боевая подруга

Чтобы закончить воспоминания о войне, я не могу не рассказать о моей встрече с Надеждой (Анастасией) Петровной Ильиной, медсестрой терапевтического отделения эвакогоспиталя № 4110, моей будущей боевой подругой. Это тоже относится к войне. Карагандинский госпиталь, где я был на излечении в октябре 1944 года направляли на фронт, а находившихся на излечении раненых приказано было распределить по другим госпиталям. Меня отправили с ранеными эшелоном в город Щучинск Кокчетавской области Казахстана.

Когда я на костылях шел по коридору, уже нового для меня, госпиталя мимо сестринского поста, где сидели две медицинские сестры, то почувствовал, что на меня смотрит, нет, не просто смотрит, а каким-то испытующим взглядом смотрит мне вслед. Я остановился и, обернувшись, посмотрел на нее. Взгляды наши

встретились… В тот же день, после санобработки я подошел к этому сестринскому посту и мы познакомились. Она звалась Надей, была из Сумской области Кролеветского района села Мутин. Перед войной окончила Кролевецкий медицинский техникум. Работала фельдшером на сахарном заводе.

С началом войны была призвана в армию, потом направлена в Москву, откуда ее осенью 1941 года направили в эвакогоспиталь № 4110, который находился в курорте Боровое в 30-ти километрах от города Щучинск, где она работала медицинской сестрой в терапевтическом отделении, на две ставки.

Родилась в 1923 году. Мы стали встречаться, а при моей выписке из госпиталя, в конце декабря 1944 года, мы с ней ночью по замерзшему озеру, напрямую (это было 18 километров), ушли на станцию города Щучинск. Благо вещей у нас особых не было. У нее: одно черное шифоновое платье в маленьком фельдшерском чемоданчике. А у меня – полевая сумка и кобура от пистолета, набитая бинтами, так как рана моя гноилась и требовала постоянной перевязки.

Находившиеся в госпитале на излечении офицеры собрали для нас на дорогу кое-какие деньги, а выписавшиеся из госпиталя помогли приобрести для Нади билет до станции Ичня Черниговской области, где жила ее старшая сестра – Катя.

В Петропавловске Казахстанском нам предстояла пересадка, где те же офицеры помогли мне через военного коменданта закомпостировать железнодорожный билет для Нади, т. к. несмотря на наличие штампика в паспорте об ее увольнении с работы в госпитале, у нее не было пропуска, без которого выдача ей билета не разрешалась.

Этот пропуск мне с большим трудом удалось получить на нее на следующий день (в Воскресенье) в облуправлении НКВД города Челябинска. С получением пропуска мы уже спокойно ехали с Надей даже через Москву. Проверки были частыми. Пропускной режим был очень строгим, и без пропуска довезти Надю к ее сестре в Ичню было невозможно. По приезду в Ичню 30 декабря 1944 года мы отпраздновали свою свадьбу, Надя устроилась на военную базу фельдшером, а я уехал в Брянскую область к своим родителям, откуда 5-го января 1945 года райвоенкоматом был вызван на военно-врачебную комиссию, после которой по пути на первый Украинский фронт заехал в город Ичня и официально оформил свои отношения с Надеждой (по паспорту Анастасией) Петровной Ильиной, которая стала называться Туровой.

В мае 1946 года у нас родился первый сын Александр, а в 1950 второй – Владимир.

Жили мы с Надей в полном взаимопонимании без проблем. Постоянно помогали моим и ее родителям, моим братьям и ее сестрам. 29 декабря 1998 года Анастасия Петровна у меня на руках (в буквальном смысле слова) умерла.

А тогда оставив Надю в Ичне, сам я уезжал в город Лигниц, где находился штаб 1-го Украинского фронта, а оттуда был направлен командиром 185-й отдельной стрелковой роты в военную комендатуру г. Гинденбург (Германия), где и встретил долгожданную победу.

После окончания Великой Отечественной Войны, окончил высшую офицерскую школу в г. Ленинграде, служил на разных должностях в Советской Армии в Белоруссии, на Крайнем Севере, в Прибалтике, на Чукотке и других гарнизонах страны.

Но выполняя обет, данный себе еще в 1942 году в боях под Сталинградом, после увольнения в запас, на постоянное местожительство приехал в город-герой Сталинград.

Какие имею боевые награды? Ордена: Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, медали: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За освобождение Белоруссии».

До сих пор болезненно переживаю смерть жены. Ведь мы с Надей счастливо прожили пятьдесят четыре года. Помогают сыновья, внуки. Много занимаюсь общественной работой. Являюсь членом Совета ветеранов, возглавляю Волгоградскую городскую общественную организацию «Клуб защитников Сталинграда».

Награжден:

орденами: «Отечественной войны» 1-й и 2-й степени, «Красной звезды»;

медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За безупречную службу» 1-й степени, «За освобождение Белоруссии» и юбилейными медалями.

Активно участвую в патриотическом воспитании молодежи и являюсь руководителем сектора ветеранов войны, членом совета ветеранов, руководителем участников Сталинградской битвы, президент Волгоградского городского клуба «Сталинград», размещенного в Доме Павлова.

27 марта 2014 г. Полковник в отставке

= ТУРОВ В.С. =

Заключение

Познакомившись с судьбой Героя Советского Союза Ивана Яковлевича Кравченко, я испытал чувства гордости и горечи одновременно. Гордости, от того, что у нас есть такие люди, с которыми можно бросаться, как говорят десантники, в любых высот в любое пекло. Горечь от того, что у нас совершают подвиги одни, а оценивают их другие, которые зачастую недостойны этих подвигов. В лучшем случае они стараются их замолчать, в худшем дискредитировать или вообще приписать себе.

Бюст Героя Советского Союза Ивана Яковлевича Кравченко на его Родине, возле школы, где он учился

Когда я рассказывал о И.Я. Кравченко людям, имеющим боевой опыт, знающим цену риска, так сказать – людям переднего края. Они в один голос говорили: «Мне нравится этот парень! Я бы с ним пошел в разведку» Такая оценка дорого стоит.

Почему И.Я. Кравченко не был награжден за свои подвиги во время Великой Отечественной войны? За выход из окружения, за оборону Тулы, за спасение жизни многих сотен туляков не только мирных жителей, но и бойцов Тульского Рабочего полка. Из документов видно, что его мнение не всегда, а если точнее, почти

никогда не совпадало с мнением начальства и он делал все так как лучше для Дела, а не для карьеры. Да кто же таких будет награждать? Только достойные командиры. Для которых «Я начальник, а ты дурак» не является принципом их жизни. Именно они ставят во главу угла интересы Дела. Но где же таких набрать на целую Красную Армию. Да и в 1941 году не очень много награждали. К примеру, пограничника который на своей заставе держался почти неделю и уничтожал врага пачками, наградили медалью «За Отвагу». Люди воевали не за награды, а за Родину. Именно на таких людях держалась, держится и будет держаться наша Святая Русь. Мало того, Иван Яковлевич подавал такой пример своими подчиненным, что они становились достойными воинами и одерживали победы не только над врагом, но и над собой, сверяя свои поступки с поведением своего Командира. При принятии решения, думали как бы Кравченко поступил в этой ситуации, что бы он сделал? Даже после его гибели, его дело продолжало приносить свои положительные плоды, его пример продолжал работать. Так, не очень решительный, по отзывам сослуживцев, начальник штаба 956 полка Акулов П.Г., став командиром полка, имея перед глазами пример своего командира И.Я.Кравченко, начал воевать достойно. Был удостоен звания Героя Советского Союза. И таких людей, сверяющих свои поступки по своем командиру Герою Советского Союза майору Ивану Яковлевичу Кравченко, был не один десяток, не одна сотня.

Почему Иван Яковлевич был забыт на столь долгий срок? Это вопрос не к нему, а к нам. Почему строя помпезные мемориалы победам, мы забываем про людей, которые своим здоровьем и жизнью эту Победу добывали? Почему мы находим очень большие деньги на строительство новых мемориалов, но не находим средств на сохранение материальных свидетелей той войны? В Туле много говорят о Тульском Рабочем полку, но южная стена Всесвятского кладбища, у которой воевал этот полк в решающие дни обороны города, на которой более 70 лет хранятся следы пуль и осколков, которые не нашли свою жертву, до сих пор не превращена в мемориал. Как сказал поэт «Спешите делать добрые дела», а народ говорит: «Ложка дорога к обеду». Все должно делаться в свое время. А то и стена рухнет, и у людей мировоззрение поменяется, а его очень трудно изменить. Одно дело, когда ты каждый день видишь следы боев, и волей не волей примеряешь то время и те события на себя. Ставишь себя на их место и задаешь себе вопрос: «А я такое выдержал бы?». Одно это уже закаляет и волю, и душу. Проникаешься уважением и почтением к людям, которые выстояли в то время. Другое дело, когда тебе про это никто не рассказывает и не показывает, а

голова твоя забита покемонами, и мыслями как заработать миллион, ну или урвать на бутылку и т. д. Именно такие 9 мая 2001 года со старого туляка, с ветерана войны, который дважды горел в танке, и закончил войну 9 мая 1945 года в городе Праге – Филимонова Маркса Сергеевича сорвали боевые награды прямо на том месте где в 1941 году туляки стояли на смерть, защищая Родину и свой родной город под командованием Ивана Яковлевича Кравченко. Это было средь бела дня напротив здания УВД области, он шел с торжественного мероприятия, где его поздравляли с праздником Победы, и никто из туляков проходящих мимо не заступился за ветерана. Сердце ветерана не выдержало. Он погиб на поле битвы добра со злом, где зло одержало очередную победу.

Почему я взялся за этот труд? Народные герои, они потому и народные, что их должен помнить и чтить народ. Я не профессиональный историк и писатель, но я желаю, чтобы окружающие меня люди больше знали о таких достойных людях. Потому что, сохраняя память о них, мы берем с них пример, а это и нас делает лучше и своих детей мы лучше воспитываем. И как следствие, вокруг нас становится больше хороших людей. И соответственно меньше всякого рода негодяев. Мы становимся здоровее и сильнее, а вместе с нами весь наш народ и наша Родина.

Закончить этот труд хочу уже упомянутыми выше стихами, написанными боевыми товарищами Героя Советского Союза Ивана Яковлевича Кравченко на его могиле:

«Славу дел боевых. Навсегда сохранят поколенья.
Имя воина Кравченко в наших сердцах.
Он фашистской Финляндии первым прорвал укрепленья.
Он под Тулой нагнал на немецких захватчиков страх».

* * *

Лепёхин Александр Никитович, из Дедиловских казаков (с XVI века), родился 10 февраля 1954 г. в г. Туле. По окончании школы № 4, учился в Ленинградском Пожарно-техническом училище МВД СССР. По окончании училища служил в Пожарной охране г. Москвы сначала ком. взвода (начальник караула), затем в охране Телецентра Останкино, в УПО г. Москвы, отдел ГПН отделение Пропаганды. В 1983 г. окончил Юридический институт. С 1983 по 1986 г. оказывал интернациональную помощь Эфиопии. С 1986 по 1992 г. работал в ВНИИПО МВД СССР. Участвовал в оперативно-следственных группах МВД СССР. С 1989 г. член Союза Казаков России. Входит в редколлегию энциклопедии «Казачество». С 1992 г. на пенсии. Организовал транспортно-экспедиторскую фирму и руководил ею. Ныне занимается пожарной безопасностью объектов в Москве. Член Совета Тульского землячества в городе Москве. Почетный член исторического реконструкторского центра «Витязь». С 1997 г. занимается военно-патриотической работой с молодежью г. Москвы и других регионов. Издал 17 книг по истории села Дедилова, города Тулы и Тульского края. Проводит исследования по истории древних славян и протославян. Ему во всем помогает его сын Юрий.

Лепехин Владимир Никитович. Родился 13 ноября 1965 г. в Туле, окончил школу № 4. Затем Московский Физикотехнический институт, Военновоздушную инженерную Краснознаменную академии (ВВИА) имени Н.Е. Жуковского. Около десяти лет посвятил службе в вооруженных силах в железнодорожных войсках. Сейчас работает в фармакологической отрасли. Женат, отец 5 детей.